

ISSN 2410-2415

РОССИЯ И МИР
ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

3 (17)

2018

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода — 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 1 декабря 2015 г.). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель журнала — публикация материалов по специальности: «исторические науки и археология», «экономические науки», «политология».

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в «Объединенном каталоге. Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2018 г. – 94182.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д.п.н.
Аникин В.И. – д.э.н.
Гаврилова С.М. – к.и.н.
Иванов О.П. – д.п.н.
Каширина Т.В. – д.и.н.
Косов Г.В. – д.п.н.
Липкин М.А. – д.и.н.
Мастепанов А.М. – д.э.н.
Неймарк М.А. – д.и.н.
Ногмова А.Ш. – к.п.н.
Рудов Г.А. – д.п.н.
Сидорова Н.П. – к.п.н.
Усманов Р.Х. – д.п.н.
Цвык В.А. – д.ф.н.
Юнгблюд В.Т. – д.и.н.

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель:

Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

© Дипломатическая академия МИД России, 2018

© Оформление. ООО «ИТК «Дашков и К*», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Неймарк М.А.</i> Политика России на постсоветском пространстве: концептуальный опыт формирования	6
--	---

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Троянский М.Г.</i> Современный латиноамериканский вектор внешней политики России	17
<i>Задохин А.Г.</i> Приднестровье и Молдавия на краю Евразии.	33
<i>Анашкина А.Г.</i> Проблема Косово и военная интервенция НАТО на Балканах	43
<i>Тимакова О.А.</i> Развитие геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке (от «арабской весны» к новым кризисам)	54
<i>Черницына С.Ю.</i> Экологическая обстановка в Каспийском регионе	67
<i>Нестеров А.К.</i> Особенности реализации американской стратегии сдерживания на современном этапе.	76
<i>Борисова Ю.М.</i> Медиаландшафт в Китае. Экспансия китайских СМИ на Запад	88
<i>Дмитриева И.А.</i> Языковая политика Республики Казахстан как индикатор этнополитической направленности государства	98
<i>Сейдуманова А.С.</i> Роль Ассамблеи народа Казахстана в формировании казахстанской модели единства и согласия.	110
<i>Мартынова М.Ю., Григорьева Р.А.</i> Геополитическое положение Калининградской области и жизненные стратегии ее молодых жителей: оценка рисков	128

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Шутов А.Д.</i> Крым – историческая территория России	145
<i>Булгару Д.И.</i> Угроза терроризма как ключевой фактор в формировании внешнеполитического курса Дж. Буша-младшего на Ближнем и Среднем Востоке	154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Сидоров Д.А., Бойков С.С.</i> Этот удивительный мир сквозь призму воспоминаний Бажановых (Рецензия на книгу Е.П. Бажанова «Миг и вечность». Том 8)	166
К сведению авторов	174

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue — 4 times per year.

Academic periodic journal «The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World» is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on December 1, 2015). The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The mission of the journal is to publish materials on the specialties: «historic sciences and archeology», «economic sciences», «political science», as well as to hold «round tables».

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal «The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia» may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in «The Consolidated Catalogue. Press of Russia. Newspapers and Journals» for the 2nd half of 2018 r. – 94182.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Vladimir Anikin, DSc (Economics)
Svetlana Gavrilova, PhD (History)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Tatiana Kashirina, DSc (History)
Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Georgy Rudov, DSc (Political Science)
Nadezhda Sidorova, PhD (History)
Rafik Usmanov, DSc (Political Science)
Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher:

Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg.No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. The position of the editorial staff does not necessarily coincide with the authors' opinion. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2018

© Page make-up: Publishing and trading Corporation «Dashkov & Co.», 2018

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Mark Neimark. Russian Policy on the Post-Soviet Space: Conceptual Experience of Formation</i>	6
--	---

REGIONAL PROBLEMS

<i>Mikhail Troyansky. Modern Latin American vector of Russian foreign policy</i>	17
<i>Alexander Zadohyn. Transnistria and Moldova on the edge of Eurasia</i>	33
<i>Alena Anashkina. The Kosovo problem and NATO's military intervention in the Balkans</i>	43
<i>Olga Timakova. Geopolitical Development of the Middle East and North Africa (from the "Arab Spring" towards the New Crises)</i>	54
<i>Sofia Chernitsyna. Ecological Situation on the Caspian Sea</i>	67
<i>Aleksey Nesterov. Features of American deterrence strategy implementation at present stage</i>	76
<i>Yuliya Borisova. Chinese media landscape. Chinese media goes global</i>	88
<i>Irina Dmitrieva. Language policy of the Republic of Kazakhstan as an indicator of ethno-political orientation of the state</i>	98
<i>Anel Seidumanova. Role of the assembly of the people of Kazakhstan in the formation of the kazakhstani model of unity and harmony</i>	110
<i>Marina Martynova, Regina Grigoryeva. The geopolitical position of the Kaliningrad region and the life strategies of its young residents: the risk assessment</i>	128

HISTORY AND RELIGION

<i>Anatoly Shutov. Crimea – the historical territory of Russia</i>	145
<i>Dmitrii Bulgaru. Terrorism threat as a key factor in shaping foreign policy of George W. Bush in the Greater Middle East</i>	154

ACADEMIC LIFE

<i>Dmitry Sidorov, Semyon Boykov. This Amazing World through the Prism of Bazhanov's Memories (The review of a book by E.P. Bazhanov called «The Moment and the Eternity». Vol. 8)</i>	166
Notice to the authors	174

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Политика России на постсоветском пространстве: концептуальный опыт формирования

Russian Policy on the Post-Soviet Space: Conceptual Experience of Formation

М.А. Неймарк

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье исследованы истоки формирования политики России на постсоветском пространстве в сложных условиях ослабления ее геополитических позиций в начале 1990-х гг. Прослеживается влияние международных и внутривнутриполитических факторов на ход разработки концептуальных основ этой политики. Проанализированы ошибки и изъяны первой концептуальной модели внешней политики России, совокупность которых предопределила особенности ее позиций на постсоветском пространстве. Ошибки, которые в трудный период становления государственности России были объективно неизбежными. Автор фокусирует внимание на том, что обращение к истокам формирования концептуальных подходов России на постсоветском пространстве имеет важное практическое значение для оптимизации и повышения эффективности ее внешнеполитической стратегии.

Ключевые слова: Россия, постсоветское пространство, СНГ, мировая политика.

Abstract: the sources of the formation of the Russian policy on the post-soviet space in the most difficult circumstances of the weakening of its

geopolitical positions in the early 90-s are examined in the article. The influence of the international and domestic factors on the process of the elaboration of the conceptual basics of this policy are traced. The mistakes and flaws of the first conceptual model of the Russian foreign policy, which totally they predetermine the specificities of its positions on the post-soviet space Are analyzed. The author stresses these mistakes were objectively inevitable in the hardest moment of the creation of the Russian statehood. The author focuses the attention to the reminiscence of the sources of the formation of the Russian conceptual approaches to the issues of the post-soviet space has the important practical meaning to the optimization and increasing of the effectiveness of its foreign policy strategy.

Key words: Russia, post-soviet space, CIS, world politics.

Распад конфронтационной двухполюсности в результате исчезновения СССР как сверхдержавы обозначил новый формат статусного положения России в мире. Ее внешнеполитические позиции резко ослабли. Предстояло фактически заново обеспечить стране достойное место в системе мировых геополитических координат.

Не имеющий прецедента в истории человеческой цивилизации, столь стремительный (в одночасье) обратный формационный скачок от реального социализма к реальному капитализму predetermined ту поспешность, с которой была обозначена установка на одностороннюю стратегическую конвергенцию России с Западом.

Отказ от базовых идеологем советского прошлого в международных отношениях сменился резкой переориентацией на прямо противоположные концептуальные векторы и форматы, рассчитанные на вхождение России в клуб наиболее влиятельных стран Запада, ранжированных по шкале геополитического влияния. Оценочные позиции относительно готовности коллективного Запада во главе с США к равноправному диалогу с Россией, опиравшиеся на переизбыток завышенных ожиданий, были во многом умозрительными. Не могли не сказаться ошибочные представления о грядущем формировании ценностной однородности международной среды, надежды на устранение былых геополитических антагонизмов.

Чрезмерный оптимизм, характерный для многих положений первой концепции внешней политики России, был predetermined представлениями Б. Ельцина и, соответственно, А. Козырева, который, оценивая состояние и перспективы международной деятельности России в год принятия Концепции-93, утверждал: «Таким образом, этап создания политических рамок и возможностей для развертывания на *благоприятных для нас условиях сотрудничества с внешним миром*, будь то так называемое дальнейшее или ближнее зарубежье, по сути дела пройден» (выделено автором. – М.Н.) [5].

Концептуальное преодоление кризиса адаптации России к кардинально изменившимся внутри- и внешнеполитическим условиям началось с поиска опорных скреп новой модели внутри- и внешнеполитической деятельности государства. В ходе поиска международно-статусного позиционирования со всей очевидностью проявились реминисценции былого советского величия, перенесение роли СССР как сверхдержавы на страну, внезапно сделавшую ставку на рыночно-капиталистические принципы хозяйствования, вокруг которых совсем недавно велась беспощадная идеологическая и политическая борьба на мировой арене.

Разработка понятийно-категориального аппарата и политико-методологических подходов к проблемному комплексу, связанному с международным статусом и стратегическими императивами только что распавшейся страны, находилась в зачаточном состоянии. Выработать сходу адекватный интегральный подход к стратегически выверенному пониманию последствий принципиально изменившихся геополитических парадигм и положения новой России в мире было, конечно же, нереалистично.

Самое трудное заключалось в переосмыслении прежних подходов и выработке в кратчайшие сроки самой методологии формирования концептуальных основ международной деятельности России, на основе которой велись бы поиски взаимосвязанных ответов на вопросы о политике на постсоветском пространстве, имеющие для нее стратегическое значение.

Надо было, по сути, заново осмыслить весь комплекс факторов, определяющих параметры, основные направления и конкретные установки в отношении различных стран и регионов, наметить и зафиксировать меры, направленные на противодействие реальным и потенциальным угрозам и решение острейших проблем, конфликтных ситуаций, ожидаемых и непредвиденных.

Содержательное наполнение и направленность формирования концептуальных основ политики России на постсоветском пространстве определяли совокупность объективных обстоятельств и субъективных факторов. Ситуацию осложняли историческая беспрецедентность и подвижная зыбкость только что возникшего и никем не ожидаемого геополитического пространства, где сталкивались трудноуловимые новейшие тенденции и контртенденции, непредсказуемо и спонтанно накладывались друг на друга разнопорядковые событийные ряды.

В этих условиях первая попытка доктринального обеспечения внешней политики России могла осуществляться не иначе как методом проб и ошибок. Приходилось действовать в оценочных категориях видимого и возможного, мнимого и реального, ориентироваться на самый сложный выбор: либо увеличение желательного, либо уменьшение нежелательного. Многие заблуждения и ошибки тех, кто стоял у истоков К-93 (которые, впрочем, их таковыми не считали), были объективно неизбежными.

Острейший проблемный узел – несовпадение административного деления страны и уникального расселения свыше 150 наций и народностей на территории бывшего СССР. Из 150 млн русских 25 млн проживало за пределами РСФСР, из них 11 млн – на Украине (20% населения), более 6 млн – в Казахстане (38% населения) и т.д. Это относилось и ко многим другим нациям и народностям. В целом же национальные меньшинства составляли более 70 млн человек, или почти четверть населения бывшего Союза.

Важнейшей практико-политической проблемой стали внутренние границы и территориальные споры. В пределах бывшего Союза не было маркировано до 85% границ. За годы советской власти внутри страны происходили все мыслимые типы изменений границ национально-территориальных образований. Сохранившиеся территориальные притязания вместе с иноэтническим расселением не могли не стать источником реальных и потенциальных конфликтов.

Стремительный разрыв торгово-экономических связей усугубил социально-экономический кризис как в России, так и в новообразованных государствах. Под вопросом оказались единая система железных дорог, связи, воздушного транспорта, нефтепроводов, единая энергетическая система, другие народно-хозяйственные комплексы, степень интегрированности которых оказалась выше, чем в Западной Европе.

Специфику положения дел в ряде государств СНГ определяла сохранившаяся клановость, заменившая руководящую партократию. Угроза перерастания националистической идеологии в тоталитарную была не пустым звуком, как это произошло с приходом к власти З. Гамсахурдиа в Грузии [9: 13–14].

Обвальным характером дезинтеграции СССР не мог не сказаться на форсированной модальности, в рамках которой оформлялось создание СНГ, и, соответственно, на тех недоработках, которые нашли отражение в Концепции внешней политики России 1993 г. Все центробежные тенденции, копившиеся десятилетиями, стремление освободиться от диктата союзного Центра мгновенно выплеснулись на поверхность политической жизни страны, трансформируясь в жесткие требования суверенизации национально-территориальных образований. Это была спонтанная, но психологически накопленная в течение длительного времени реакция национальных элит на юридически закрепленный порядок выхода республик из состава СССР, который практически сводил на нет любую попытку предпринять какие-либо шаги в этом направлении. Обострение конфликтов на этнической, религиозной, межрегиональной почве еще больше нагнетало атмосферу неопределенности и непредсказуемости во всех регионах страны, подталкивая руководителей республик к решительным действиям.

Мыслительную логику разработчиков «постсоветского» раздела Концепции-93 явно предопределяла практическая задача обеспечения в первую очередь максимально мягкого цивилизационного развода бывших советских республик. Тщательная подгонка узлов, их взаимодействие, не говоря уже о проработке на системной основе целостной доктринальной модели самого постсоветского пространства в столь сжатые сроки и в условиях нарастающих неопределенностей (внутриполитической и геополитической), неизбежно отодвигались. Сколько-нибудь внятный формат интеграционного взаимодействия отсутствовал. Более того, «балласт в виде вертикально-ориентированных связей с бывшими советскими республиками, значительное косвенное дотирование новых национальных экономик, зачастую паразитировавших на остаточных связях, рассматривались как помеха движению в новом направлении» [3]. До продуманной и обоснованной концепции реинтеграции постсоветского пространства, вариативные особенности которой лишь пунктирно начинали вырисовываться в умозрительных построениях экспертов и политиков, было, конечно же, далеко. Как отмечал в своем трехтомном труде Е.П. Бажанов, «наивные представления о безоблачности перспектив интеграции, а отсюда и неумелая политика на постсоветском пространстве, не позволяли добиваться поставленной цели» [2: 256].

Осмыслить во всей полноте и целостности сложнейшую диалектику распада СССР и его стремительную трансформацию в СНГ на принципах, не имеющих ничего общего с прежними, сугубо централизованными, было, конечно, объективно невозможно: слишком плотным оказалось переплетение центробежных и центростремительных тенденций, сил сцепления и отталкивания, интеграции и дезинтеграции, взаимного притяжения, взаимозависимости и взаимосвязанности наций, народностей, территорий, административных делений и самих республик.

В условиях вестернизации первой доктринальной платформы РФ, определяющей чертой которой стал американоцентризм, учет этих факторов оказался скорее пассивно-умозрительным.

Структурное построение Концепции-93 вполне адекватно соответствовало декларируемым приоритетам внешней политики России. Раздел «Основные направления внешнеполитической деятельности» открывался проблематикой отношений России со странами СНГ и другими государствами ближнего зарубежья. Приоритетность постсоветского пространства рассматривалась прежде всего и главным образом под углом усиливающихся там кризисных явлений и тенденций, которые напрямую влияют на безопасность России, темпы и возможности преодоления экономического и социального кризиса в самом российском государстве. Трезво оценивался тот факт, что на становлении внешней политики ряда

стран СНГ негативно сказываются характерные для периода утверждения независимости «утрированное дистанцирование от России, подогреваемые националистическими настроениями территориальные споры, включая претензии к России, а также своего рода аллергия ко всему, что может напоминать прежнюю зависимость от союзных структур». При этом подчеркивалось, что исход формирования ближайшего геополитического окружения будет во многом зависеть от способности РФ убеждением «в крайних случаях и с использованием силовых средств» утверждать принципы международного права, включая права меньшинств, «добиваться прочного добрососедства» [11]¹.

Эта формулировка из вводной части Концепции-93 во многом контрастировала с конструктивным российским подходом к политике на постсоветском пространстве, обозначенным в разделе, посвященном СНГ. В нем зафиксировано, что налаживание – на новой основе – многообразных связей, урегулирование конфликтов и достижение стабильности по периметру границ России – важнейшее условие эффективного осуществления российской внешней политики в дальнем зарубежье. Взаимодействие с этой группой стран должно быть выведено на уровень полномасштабных межгосударственных отношений, обеспечивающих полноценное сотрудничество с ними на основе взаимности. В урегулировании конфликтов и формировании условий, способствующих предупреждению их возникновения, силовые меры уже не фигурировали, а решение этих задач мыслилось за счет использования прежде всего двусторонних форм российского посредничества и миротворчества, а также многосторонних механизмов СНГ с привлечением для поддержки (при необходимости) возможностей ООН, СБСЕ, ЕС и др. Ставилась цель добиваться превращения Содружества в действенное межгосударственное объединение суверенных субъектов международного общения, основанное на общности интересов и добровольном участии в тех или иных формах сотрудничества. Выдвигался следующий принцип: «Более медленное, но устойчиво по-

¹ Это положение прямо перекликалось с программным тезисом Совета по внешней и оборонной политике о том, что инструментарий интернационализации регулирования конфликтных ситуаций в бывшем СССР хотя и предпочтителен, но в отдельных случаях может оказаться слишком медленно действующим или неэффективным. Поэтому Россия должна понять, что не исключается в чрезвычайных обстоятельствах возможность односторонних действий – политических, экономических санкций и даже (в крайнем случае) прямых силовых действий, – если речь идет о массовом и грубом нарушении прав человека (а не только прав русскоязычных меньшинств). Недвусмысленная готовность защищать в соответствии с нормами международного права и морали и в тесном сотрудничестве с международными организациями и другими государствами СНГ и мирового сообщества прав и свобод человека уже сама по себе будет сдерживающим фактором.

ступательное продвижение к намеченной цели надежнее, чем поспешно достигнутые, но не учитывающие реалий и вследствие этого не работающие договоренности». Ставилась задача отработать такие механизмы политического взаимодействия государств, которые способствуют гармонизации политических курсов и выявлению общих интересов. Россия выступила в поддержку гибкого «разноскоростного» подхода к формам организации и функционирования Содружества, допускающего в случае неготовности тех или иных партнеров к сотрудничеству в определенных сферах развитие углубленного взаимодействия с участием лишь заинтересованных государств. Отсюда – учет специфики и приоритетов на конкретных направлениях европейского, среднеазиатского и закавказского звеньев Содружества. В качестве неотложной ставилась задача укрепления единого военно-стратегического пространства.

Выдвижение этих приоритетных целей и задач сопровождалось принципиальной оговоркой: «Однако нашим партнерам должно быть ясно: было бы ошибкой считать, что за этим скрывается претензия на роль нового «центра» Содружества либо что российский интерес настолько велик, что его реализация может быть оплачена любой ценой. Объективность такова, что интерес здесь взаимный, и, соглашаясь на компромиссные развязки возникающих проблем, Россия вместе с тем не будет оплачивать развитие отношений односторонними уступками в ущерб своим государственным интересам, ущемлением прав выходцев из России» [5].

Вместе с тем объективно ошибочными и внутренне противоречивыми в Концепции-93 оказались оценки стратегической линии ведущих стран Запада на постсоветском пространстве, которые, как утверждалось, заинтересованы в обеспечении стабильности на геополитическом пространстве бывшего СССР и «признают роль России и ее политики в поддержании такой стабильности, более того – сознают необходимость укрепления этой роли». Хотя это не исключает их стремления к получению собственных выгод, прежде всего в экономическом плане, «однако определенная общность долгосрочных интересов оставляет российской внешней политике достаточное поле для маневра» [5].

Чрезмерно оптимистичной выглядела оценка расширения отношений с третьими государствами (прежде всего западными), бывшими союзными республиками, которое, по мнению разработчиков К-93, могло содействовать их экономическому развитию, что предполагало ощутимую выгоду для России в силу сохраняющейся взаимозависимости между производственными комплексами.

Не иначе как парадоксальным можно назвать заключительное положение раздела о том, что за счет потенциала партнерства с ведущими демократическими странами мира Россия будет активно противодейство-

вать любым попыткам наращивания военно-политического присутствия третьих государств в сопредельных с Россией странах.

В обширном потоке дискуссионных суждений о начальных условиях формирования российских позиций на постсоветском пространстве выделялись два основных оценочных политико-методологических подхода. Первый предполагает учет достаточно универсальных, имеющих вневременной характер, факторов. Второй, напротив, сфокусирован на беспрецедентной исключительности ситуации, в которой оказалась Россия перед лицом новых вызовов и угроз. В обобщенном и, конечно же, неполном виде факторы, лежащие в основе обоих подходов, отражали:

- традиционные для мировой политики споры между вновь образовавшимися государствами по поводу территорий, раздела ресурсов, положения этнических и конфессиональных групп и т.д.;

- сепаратизм на почве (в совокупности или по отдельности) материальных интересов, группового самосознания, реального или воображаемого притеснения из бывшего Центра;

- конфликты властей и элит между собой как по «вертикали», так и по «горизонтали». В процессе таких конфликтов и возникает потребность в неявных формах противоборства, разжигании латентных конфликтных ситуаций, конфессиональных и межэтнических споров и противоречий и т.п.;

- деятельность политически ориентированных местных кланов и неформальных структур внутри локальных и общенациональных элит;

- все то же самое, но применительно к деятельности преступных групп и организаций;

- деятельность самозванных организаций и сил, преследующих узкогрупповые (а часто и одновременно персонально-амбициозные) цели [8: 44].

Но политологические подходы и реальная политика в начале 1990-х гг. далеко не всегда совпадали. По оценке академика РАН, руководителя Российской ассоциации международных исследований А.В. Торкунова, восприятие постсоветских государств в качестве объектов внешнеполитических усилий и субъектов по взаимодействию, в российской политической элите происходило достаточно проблематично [12: 15–16]. Причин тому много, но наиболее важными из них считаются следующие:

- объективная временная слабость России;

- недоучет сократившейся ресурсной базы страны;

- ставка на вестернизацию внешней политики, американоцентризм;

- возрастание «капитала симпатий» к Западу со стороны стран – членов СНГ;

- выход на первый план острых проблем раздела имущества бывшего СССР;

- неготовность к резкой смене событийных рядов;

– механическая экстраполяция прежних представлений на новые реальности;

– спешка в разработке концептуальных основ внешней политики страны, отсутствие должной компетенции.

Разработку полноценного концептуального формата отношений России с новыми государствами – бывшими республиками СССР – осложняло то, что те переживали период естественного дистанцирования от имперского в их глазах центра, поисков новой суверенной идентичности, новых образцов и моделей для экономического, социального и политического подражания. Это был «своего рода романтический период, когда бывает весьма велик соблазн принимать желаемое за действительное и связывать с предполагаемыми новациями повышенные ожидания и надежды» [4: 73].

Аналитически обоснованной представляется точка зрения, характеризующая совокупность острейших проблем, наложение которых друг на друга объективно предопределяло возможности и пределы их глубинной концептуально-стратегической взаимоувязки в столь короткие сроки, отведенные на разработку первого внешнеполитического программного документа. Специфика России как центра модернизирующегося пространства вместе с тяготеющей к ней периферией СНГ заключалась в том, что территория бывшего Советского Союза являла собой мини-модель мира, где островки постиндустриализма соседствовали с обширными зонами, так или иначе объединенными двумя предшествующими цивилизационными революциями, где индустриально развитые регионы перемежались огромными пространствами малорентабельного сельскохозяйственного производства; сталкивались интересы и ценности Севера и Юга, Запада и Востока; на значительных ареалах осуществлялось взаимодействие христианской и мусульманской культур. Иначе говоря, основная проблема заключается в том, что здесь воспроизводились основные и острейшие проблемы современного мира: «Изначально ошибочна мысль, будто подобной сложности и размера полиэтничное евразийское пространство можно по единой схеме и в одни и те же сроки привести к уже известным образцам демократии и социально регулируемого рынка (если это вообще возможно)» [6: 12], и это – в условиях политически неустойчивого равновесия центробежных и центростремительных сил на постсоветском пространстве.

Таким образом, от остропроблемной фазы «цивилизационного развода» до концептуально заявленного желания развивать интеграционные тенденции на пространстве СНГ было еще далеко. Со всей определенностью охарактеризовал сложившуюся тогда ситуацию А.Г. Арбатов, отметив, что вместо четкого обозначения своих интересов и их обеспечения на двусторонней или, где удобнее, на многосторонней основе Москва

пошла по пути универсализма и утратила ориентацию в постсоветском пространстве. Для военного союза и сотрудничества России с ее соседями (за единичными исключениями), в тот момент не хватило общности внешнеполитических интересов и общих противников. Для экономической интеграции не было совместимости уровней экономического развития, законодательств и интересов. С точки зрения обеспечения коллективной безопасности и миротворчества, силы России и ее партнеров были слишком неравны. В итоге в начальный период формирования внешнеполитической стратегии России СНГ представлял собой «несуразный гибрид НАТО, Европейского союза и ООН, не эффективный ни в какой из своих ипостасей» [1: 219–220].

Перед разработчиками важнейшего раздела Концепции-93, анализировавших потенциал притяжения, силы сцепления и специфику формирования социальной общности на территории бывшего СССР, стояли три остропроблемные «если», которые должны были определить будущее СНГ. Первое: если в политике и действиях республиканских лидеров преобладают здравый смысл и понимание политических реальностей, таящих в себе большой взрывной заряд. Второе: если Россия вместе с ее партнерами осуществит прорыв по пути создания евразийского рынка, способного связать и интегрировать бывшие республики больше, чем любые заклинания о «дружбе на века». Третье: если участники СНГ смогут преодолеть размытость и аморфность Содружества, грозящего превратиться в дискуссионный клуб. «Без твердых взаимных гарантий, обязательств и ответственности, без юридически закрепленного механизма принятия и исполнения решений, без органов координации и согласования политики стран-членов и передачи им части суверенных прав Содружеству не уцелеть. Тогда максимум, на что могут рассчитывать его участники, – хоть как-то пережить с его помощью переходный период» [9: 20].

* * *

В последующие годы кризис адаптации первой концептуальной модели политики России на постсоветском пространстве был преодолен. Ушел в прошлое гипертрофированный акцент на сугубо западный внешнеполитический вектор, прежде всего и главным образом американоцентризм, диктовавший логику, законы и правила чужой геополитической игры. Об этом свидетельствует, в частности, сам факт внесения в Концепцию внешней политики РФ 2000 г. самокритичной констатации: «Не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, как это предполагалось в Основных положениях Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденных

распоряжением Президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. № 284-рп и в других документах» [7].

В российской дипломатии возобладал стратегически взвешенный подход, позволяющий в отношениях с постсоветскими государствами действовать с адекватным учетом новых реальностей и взаимных интересов, а также степени подвижности самой шкалы «притяжение – противостояние», «столкновение интересов – партнерское взаимодействие».

Стержневой приоритет современной внешней политики России, учитывающий рубежные изменения в стране и мире, – это системное наращивание самой мощи государства, его конкурентных преимуществ, независимая международная стратегия, укрепление своего геополитического статуса, с которым нельзя не считаться в мире.

Источники и литература

1. *Арбатов А.Г.* Национальная идея и национальная безопасность // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия: В 2 т. / Сост. Т.А. Шапклина. М., 1999. Т. 1. Кн. 1. Исследования. 423 с.
2. *Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений: Избранные труды: В 3 т. М: Научная книга, 2001. Т. 1. 464 с.
3. *Болгова И.* Политика России на постсоветском пространстве: циклы и лабиринты // РСМД. 2012. 26 янв. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/politika-rossii-na-postsovetskom-prostranstve-tsikly-i-labir/> – Дата обращения: 25 июня 2018.
4. *Гаджиев К.С.* От биполярной к новой конфигурации геополитических сил // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 7. С. 69–92.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная распоряжением Президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. № 284-рп // Дипломатический вестник. М.: Научная книга, 1993. С. 6–20.
6. *Загладин Н.В., Мунтян М.А.* Некоторые аспекты нового геостратегического положения России // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 7. С. 5–19.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. // Независимая газета. 2000. 11 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html – Дата обращения: 4 июн. 2018.
8. *Косолапов Н.А.* Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и топологии // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 12. С. 36–48.
9. *Максимова М.А.* От «имперского» Союза к Содружеству независимых государств // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 4. С. 5–20.
10. Десять лет внешней политики России // РАМИ: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / Под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2003. 208 с.
11. Стратегия для России. Некоторые тезисы для доклада СВОП // Независимая газета. 19 авг. 1992 г.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Современный латиноамериканский вектор внешней политики России

Modern Latin American vector of Russian foreign policy

М.Г. Троянский

Троянский Михаил Григорьевич, кандидат исторических наук, декан факультета повышения квалификации дипломатических кадров Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: о современной ситуации в Латинской Америке. Развитие и укрепление интеграционных систем на континенте. Различные политические тенденции в регионе. Вопросы сотрудничества России со странами ЛАКБ.

Ключевые слова: Латинская Америка, Россия, политические, экономические, двусторонние отношения.

Abstract: about modern situation in the Latin America. Development and strengthen of integrative systems at the continent. Different political tendencies in the region. Matters of cooperation between Russia and the Latin America and Caribbean countries.

Key words: Latin America, Russia, political, economic, bilateral relations.

Латинская Америка – самообытный цивилизационный пласт, где, конечно же, судьбы мира не решаются, не расквартированы военные альянсы и не берут начало крупные финансовые потоки. И тем не менее это 33 голоса в ООН, район политической благожелательности, культурной близости, экономических возможностей и схожего с российским менталитета.

Последние внешнеполитические события подводят нас к тому, чтобы по-новому взглянуть на значимость этого региона в общем контексте международной деятельности России. Отношения с ним тоже проходят период испытаний, хотя не столь драматический и менее явный, чем в странах «классического» Запада. Ведь Латинская Америка находится под прессингом как внутренних вызовов, так и давления извне.

За прошедшие с распада СССР почти три десятилетия мы смогли выстроить новый каркас российско-латиноамериканского сотрудничества. Он опирается на общие принципы, общие ценности и общую политическую философию, в основе которой – защита и утверждение национального суверенитета, приверженность международному праву, включая принципы невмешательства во внутренние дела, верность многосторонней дипломатии, соблюдению баланса интересов в международных отношениях, укреплению международной безопасности и стабильности. Практика показала, что латиноамериканцы, даже с учетом их принадлежности к консервативному политическому крылу, по убеждению или прагматически не заинтересованы в однополярных реалиях. У России исторически нет с латиноамериканцами конфликтов, мы не вовлечены в спорные аспекты их внутренних взаимоотношений.

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) – самоценное направление внешней политики России, которая не смотрит на регион через призму геополитических интересов. Сотрудничество строится на деидеологизированной основе, не направлено против кого-то. Россия не ставит партнеров перед дилеммой: с кем они? Интенсивность взаимодействия с той или иной страной определяется лишь степенью совпадения политических интересов. «Мы заинтересованы в сильной, экономически устойчивой и политически независимой, сплоченной Латинской Америке, которая становится важной частью формирующегося полицентричного мироустройства», – подчеркнул В.В. Путин в интервью латиноамериканскому агентству *Prensa Latina* [1].

Опираясь на эту основу, Россия серьезно продвинулась в расширении связей. Заметно более динамичным стал политический диалог, в том числе высший уровень. Президент РФ В.В. Путин имел личные контакты со всеми лидерами Южной и большинства стран Центральной Америки, с некоторыми из них у него установились доверительные отношения. Традиционно насыщена программа встреч с латиноамериканцами у С.В. Лаврова. Активен диалог на уровне глав парламентов, высших органов судебной власти, центральных избирательных комиссий, ведомств исполнительной власти.

Сформирована внушительная договорно-правовая база сотрудничества, которая продолжает расширяться. Ее важный актив – крепнущая зона взаимных безвизовых поездок граждан. Сейчас она охватывает практиче-

ски всю Южную Америку (11 стран), большую часть Центральной Америки (5 стран), Кубу. Недавно подписано соглашение с Коста-Рикой. На повестке дня – Суринам, что сделает для России безвизовой всю Южную Америку, а также Карибы (уже заключено соглашение с Сент-Китсом и Невисом, Гренадой, ожидается подписание такого же соглашения с Сент-Винсентом и Гренадинами, а также завершение переговоров с Доминиканской Республикой, Ямайкой, Антигуа и Барбудой). Продолжается поиск возможных решений в этой сфере с Мексикой, находящейся под плотной опекой северного соседа. Недаром еще в начале XX в. мексиканский президент Порфирио Диас пророчески воскликнул: «Бедная Мексика! Так далеко от Бога и так близко к США». В этой полной отчаяния фразе, по мнению известного американского политолога Зака Дорфмана, заложен источник всех бед и несчастий южного соседа Америки [2].

Существенная специфика региона – множественность разнонаправленных интеграционных структур. Со всеми ведущими объединениями у России установлены рабочие контакты, с рядом из них оформлен статус наблюдателя. При этом многосторонний формат не является императивом, а продвигается там, где он открывает дополнительные рычаги, несет «добавленную стоимость» к двусторонним связям.

Приоритет – Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК). В ноябре 2016 г. в Сочи на министерской встрече С.В. Лаврова с расширенным «квartetом» объединения принята дорожная карта практического сотрудничества. Она подчеркивает важность взаимодействия для укрепления принципа многосторонности путем сотрудничества в рамках ООН в интересах поддержания мира и международной безопасности, а также недопустимости односторонних принудительных мер, противоречащих международному праву.

Другой важный вектор многостороннего сотрудничества – программы профессиональной подготовки и обмена положительным опытом в различных областях:

- общественной безопасности – профессиональная подготовка представителей государственных органов правопорядка;
- решения мировой проблемы наркотиков – профессиональная межведомственная подготовка кадров антинаркотических ведомств;
- профессиональной подготовки и повышения квалификации дипломатических кадров, а также работников сфер науки, технологий, инноваций и пр.;
- комплексного управления рисками чрезвычайных ситуаций, последствиями глобального изменения климата в развивающихся странах, особенно уязвимых к таким угрозам, и принятия мер, повышающих их возможности противостоять природным катаклизмам;

– развития бизнес-диалога в целях стимулирования взаимной торговли товарами с высокой добавленной стоимостью, роста туристических обменов, а также в других сферах коммерческой деятельности, представляющих взаимный интерес.

Налаживаются контакты с Союзом южноамериканских наций (УНАСУР). Завершается проработка меморандума о сотрудничестве по экономическим вопросам по линии ЕЭК – с Группой общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР). Ожидается, что центральноамериканские страны примут наконец решение о предоставлении запрошенного Россией еще в марте 2015 г. статуса внерегионального наблюдателя в Центральноамериканской интеграционной системе (ЦАИС). Прорабатываются пути укрепления связей со странами Карибского сообщества (КАРИКОМ) и Ассоциацией карибских государств (АКГ). Неизменно партнерские отношения связывают Москву с блоком Боливарианского альянса для народов нашей Америки (АЛБА).

В России следят за становлением интеграционного объединения «Тихоокеанский Альянс» (Колумбия, Мексика, Перу, Чили). Последняя «тройка» входила в Транстихоокеанское партнерство – ТТП. После решения Д. Трампа по ТПП сложилась новая ситуация. Обострилась конкуренция существующих основных мировых трендов: глобализма (ВТО), регионализма (интеграционные объединения и партнерство), а в последнее время (с учетом фактора главы Белого дома) – протекционизма и изоляционизма. В этом контексте латиноамериканские рыночники не закрываются от сотрудничества, активно идут на налаживание связей с ЕАЭС/ЕЭК.

В процентном соотношении доля торговли УНАСУР с латиноамериканскими партнерами невысока и составляет в среднем 2,4% от общего товарооборота по состоянию на 2017 г. Основная доля торговых операций УНАСУР приходится именно на Российскую Федерацию (в среднем 90–95% от общей деятельности объединения). Наша страна экспортирует в Латинскую Америку продукцию химической промышленности (40%), металлы и минеральные продукты (30%). Из Латинской Америки в Россию экспортируется сельскохозяйственная продукция и сельхозсырье (72%).

Члены ЕАЭС и государства ЛАКБ дополняют друг друга во внешней торговле, преимущественно в области поставок продовольственных товаров. Около 20–25% от общего числа поставок товаров данной категории в страны – члены ЕАЭС приходится именно на латиноамериканских партнеров.

Происходит стремительная трансформация мировой экономики, и новые базовые принципы ее функционирования основаны именно на взаимодействии региональных экономических центров. «В этих условиях и Евразии, и Латинской Америке необходимо понимать свое место в новой,

зарождающейся архитектуре», – отметила член Коллегии по интеграции и макроэкономике ЕЭК Т.Д. Валовая [3: 85].

Формат диалогового сотрудничества – один из основных инструментов взаимодействия Союза с латиноамериканскими партнерами.

Работа с новой интеграционной площадкой, такой как Тихоокеанский Альянс, находится на стадии становления и поисков путей взаимодействия. Данное объединение представляет собой потенциальный рынок с населением более 217 млн человек. Совокупный ВВП его стран-членов в 2016 г. составил 3,8 млрд долл. США, что составляет в среднем 41% от совокупного ВВП региона [4]. ЕАЭС подписал меморандумы о взаимопонимании с двумя из четырех стран – основателей Тихоокеанского Альянса.

19 июня 2015 г. был заключен Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Республики Чили, а спустя несколько месяцев (6 октября 2015 г.) – Меморандум с Правительством Республики Перу. Как подчеркнула Т.Д. Валовая [5], в ближайшее время планируется подписание подобного документа и с Правительством Мексиканских Соединенных Штатов. В указанных документах [6; 7] отражены основные принципы, направления сотрудничества и пути осуществления практического взаимодействия в пределах компетенции каждой из сторон, а также зафиксированы стремление установить диалог в целях развития экономической кооперации и сотрудничества по вопросам интеграции в мировую экономику и международную торговую систему в целом. Среди принципов, обозначенных сторонами в качестве основы совместной работы, выделяются взаимоуважение, открытость, взаимовыгодное сотрудничество и равенство сторон, приверженность принципам международного права, Устава Организации Объединенных Наций и Всемирной торговой организации.

Представляется, что заключение данных двусторонних соглашений – важный шаг в процессе развития контактов ЕАЭС непосредственно с Тихоокеанским Альянсом и выход на подписание Меморандума о взаимопонимании между двумя объединениями, который содействовал бы обмену информацией и опытом в области регионального интеграционного строительства.

Есть все основания считать, что Латинская Америка со своей уникальной политической философией может быть активнее использована для поиска прорывных решений застарелых проблем. Не случайно Патриарх Кирилл назвал Гавану «правильным местом» для его встречи с Папой Римским Франциском. Да и сам Франциск (Хорхе Марио Берголио) – латиноамериканец, аргентинец, впитавший в себя отличное от Европы социальное и политическое мировоззрение, – заметно отличает-

ся от некоторых своих предшественников в подходах к глобальным мировым проблемам.

Россия активно сотрудничает с латиноамериканцами в рамках всемирных механизмов управления: в ООН, «двадцатке», БРИКС, АТЭС, ФСЭГ; ВТО и ФАО, которыми руководят поддержанные российской стороной бразильцы Р. Азеведо и Ж. Грациано да Силва.

Именно в Латинской Америке находится половина государств (9 из 18), в сотрудничестве с Россией принявших на себя политическое обязательство о неразмещении первыми оружия в космосе: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Куба, Никарагуа, Суринам, Уругвай, Эквадор. Готовность подписать аналогичный документ достигнута с Гватемалой.

В нынешней международной ситуации латиноамериканцы – в числе наиболее последовательных союзников России. Известна оценка постпреда России в СБ ООН В.А. Небензи о том, что нашей наиболее надежной опорой в нынешнем составе Совета Безопасности ООН является Боливия. Это вновь подтвердилось 13 июня 2018 г. в Москве в ходе встречи президента России В.В. Путина с президентом Боливии Э. Моралесом, продемонстрировавшей настрой на тесную координацию действий в международной повестке дня и всестороннем развитии двусторонних отношений в самых различных сферах [8]. В условиях российского отсутствия в Совете по правам человека ООН успешное практическое взаимодействие по наиболее сложным для России вопросам – по Грузии и Сирии – осуществляется с Кубой и Венесуэлой. Кстати, в отношении этих стран возникает традиционный вопрос о возможности поддержки их благоприятных нам политических позиций встречными – не исключено, что льготными – шагами на торгово-экономическом направлении.

Это не означает, что у России нет расхождений с латиноамериканцами. В немалой степени они вызваны, как представляется, необходимостью 1) придать новое качество концепции многосторонности в мировых делах; 2) выделить большее пространство развивающемуся миру в решении глобальных проблем; 3) преодолеть влияние международной бюрократии. Обратной стороной процесса стало стремление этой группы стран, включая латиноамериканские, говорить языком не аргументов и фактов, а эмоций и гуманитарно-правозащитных концепций, открывающих, среди прочего, большое пространство для политического манипулирования извне.

Это привело к тому, что регион стал одной из движущих сил радикального антиядерного движения, договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) со ссылкой, в частности, на гуманитарные аспекты обладания им; инициатором либеральных подходов к мировой проблеме наркотиков; проводником близких к западным оценкам в правочеловеческой сфере – от ЛГБТ до Сирии.

Необходима выработка общих позиций в вопросах миграции в их комплексном измерении: от сохранения национальной идентичности, обеспечения безопасности стран до гарантий прав человека и предоставления социальных гарантий.

Еще одна проблема – особая озабоченность в первую очередь малых развивающихся государств в связи с последствиями глобального изменения климата, ликвидацией последствий стихийных бедствий.

В целом общий позитивный баланс с регионом существенно важнее споров по проблемам. И в этом плане абсолютно обоснована точечная работа с каждой из стран ЛАКБ или группой государств-единомышленников в целях продвижения общих с ними позиций на глобальных или зональных площадках.

При этом очевидно, что от развития связей с Россией латиноамериканцы прагматично ждут содействия в решении собственных проблем: преодоления бедности и неравенства, низких или отрицательных темпов роста экономики, организованной преступности и наркотрафика, ликвидации последствий стихийных бедствий. Им требуются новые источники роста, инвестиции и технологии, необходимые для назревших структурных реформ. Поэтому одна из важнейших задач – конвертация достигнутого уровня политического диалога в практические торгово-экономические и инвестиционные проекты.

Ситуация здесь неоднозначная. В среднем ежегодный взаимный товарооборот составляет порядка 13–18 млрд долл. США. Объем российских инвестиций находится на уровне примерно 13 млрд долл. США.

Россия декларирует заинтересованность в выстраивании полноценных проектных, производственных, технологических альянсов, максимальном использовании возможностей взаимодополняемого характера наших экономик, кооперации по таким направлениям, как нефтегазовая, гидро- и атомная энергетика; авиа- и вертолетостроение; инфраструктура, а в последнее время – биофармацевтика и информационные технологии.

В этом сотрудничестве есть знаковые проекты:

- российское участие в модернизации объектов энергетики и металлургии на Кубе;
- планы по восстановлению железнодорожной инфраструктуры острова;
- поставка локомотивов;
- возвращение АО «КАМАЗ», группы «ГАЗ» и ПАО «АВТОВАЗ»;
- состоявшаяся поставка 22 самолетов «Сухой Суперджет 100» в Мексику с перспективой еще на 8 единиц;
- создание совместного предприятия по производству вакцин в Никарагуа;
- соглашение о Центре ядерных исследований и технологий в Боливии;

- формирование наземной инфраструктуры системы космического слежения ГЛОНАСС в Бразилии;
- содействие развитию электроэнергетики в Эквадоре и Аргентине;
- поставки вертолетной техники в Колумбию и Перу и др.

Другими словами, российский бизнес учится работать в регионе, создавать альянсы, выигрывать тендеры.

Конечно, есть и определенные шероховатости. Российские производители боятся делиться технологиями (особенно это касается военно-технической сферы), стараются уходить от офсетных соглашений. У России негибкая ценовая политика. Не всегда готовы идти на локализацию производства. Оставляет желать лучшего послепродажное обслуживание. В последнее время обострилась тема своевременного исполнения подписанных контрактов. А главное – существуют серьезные проблемы с обеспечением финансирования, особенно если источники фондирования банков оказались в зависимости от западных санкций, а финансовые долларовые проводки могут быть заблокированы американскими банками.

В этой ситуации необходимо продолжать оказывать политико-дипломатическое содействие развитию бизнес-диалога с латиноамериканскими партнерами, взаимодействуя с ТПП России и Национальным комитетом содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки (НК СЭСЛА), крупными предпринимательскими структурами и госкорпорациями. Важно, что вот уже четвертый год по тематике латиноамериканского участия на Петербургском международном экономическом форуме регулярно проводятся встречи с участием представителей политического и экономического блоков правительств и латиноамериканских бизнес-кругов.

Россия сотрудничает с латиноамериканцами в реализации программ содействия развитию. Взаимодействует по проблематике новых вызовов и угроз в сфере укрепления гражданской безопасности как в их классическом измерении (в борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной оргпреступностью), так и по новым направлениям – обеспечению международной информационной безопасности, противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Хорошим заделом в сотрудничестве стало проведение в Никарагуа и Перу региональных курсов по подготовке и повышению квалификации наркополицейских. На Кубе открыты региональные курсы МЧС России с акцентом на подготовку спасателей-пожарных.

Российская Федерация вошла на ранее закрытый – за редкими исключениями – латиноамериканский рынок ВТС, наладила контракты по линии министерств обороны, причем не только с политически близкими нам странами.

Важным сегментом остается культурно-гуманитарное сотрудничество, активизация спортивных и академических обменов. Позитивный пример – вещание в регионе RT на испанском языке, включение канала в сети кабельного телевидения. Не без объективных сложностей, но в целом проходит консолидация движения соотечественников, а это без малого – 400 тыс. человек.

Показательным событием для укрепления связей с ЛАКБ стал чемпионат мира по футболу 2018 г. В России высадился мощный латиноамериканский десант из 8 стран – сборные Аргентины, Бразилии, Колумбии, Коста-Рики, Мексики, Панамы, Перу, Уругвая, – а также многочисленные туристы и болельщики. Билеты на матчи ЧМ приобрели, в частности, 79 тыс. бразильцев, 69 тыс. колумбийцев, 61 тыс. мексиканцев, 57 тыс. аргентинцев и многие тысячи любителей футбола из других стран Континента.

Среди позитивных примеров – проведение за счет средств федерального бюджета курсов повышения квалификации для сотрудников МИД стран ЛАКБ на базе Дипакадемии МИД России. В 2016 г. в них приняли участие представители из 17 стран, в 2017 г. – из 16, причем порой географически весьма далеких – к примеру из Гайаны и Сент-Люсии. Третий раунд планируется на 14–27 октября 2018 г.

Нельзя не отметить, что на этом фоне в контексте общей антироссийской линии Вашингтон организует жесткое противодействие развитию российских связей с латиноамериканскими государствами. Об этом в соответствии с буквой и духом доктрины Монро публично заявил Р. Тиллерсон, выступая в Техасском университете в Остине в начале февраля 2018 г. [9]. В ответ российский МИД «жестко» напомнил, что «политика России в регионе открыта, многопланова и неидеологизирована», осуществляется по принципу «строить не стены, а мосты на благо наших стран» [10].

В интересах такой линии Вашингтона используются, разумеется, и нынешние политические реалии карибского и латиноамериканского регионов, где произошел существенный сдвиг маятника политических пристрастий вправо.

Причин тому несколько. Некоторые эксперты утверждают, что речь идет не о кризисе идеологий, а о кризисе управления. Модель экспортно-ориентированной и «закрытой» экономики с высокими социальными обязательствами дала сбои в условиях волатильности глобальных финансовых рынков и падения цен на сырьевые товары. Отрицательную роль сыграли, безусловно, и широко тиражируемые в местных СМИ сообщения о коррупционных скандалах в ряде стран региона.

Наверное, в основе этого лежат объективные факты. Здесь не должно быть места упрощению: ведь даже на так называемом правом флан-

ге есть как проамериканское, так и националистическое крыло. Однако нельзя не видеть, что в результате этих событий произошло ослабление единства региона; свидетельства тому – события в ОАГ и СЕЛАК, где их участники нередко собираются в противоборствующие группы.

Очевидно, что упомянутые «объективные факты» раскручиваются при существенной помощи извне. В целом очевиден фактор иностранной мягкой дестабилизирующей силы или того, что в международной политологии именуется «переформатированием извне политического пространства» и «обнулением» ведущих мировых игроков.

Спектр политических приемов разнообразен. В ряде стран Центральной Америки (Гватемале, Гондурасе) под лозунгом антикоррупционной кампании, по сути, введено внешнее управление, закамуфлированное под структуры ООН и ОАГ. Над другими (Никарагуа) раскачивается дамоклов меч принятия санкционного законодательства. Там же при активном воздействии соцсетей провоцируются беспорядки под политическими лозунгами, которые «преобразуются» из недовольства экономическими проблемами. Политическими уступками обуславливается предоставление технической помощи (к примеру, в Аргентине). В настоящее время активно раскручивается фактор введения значимых для латиноамериканцев экспортных пошлин на алюминий и сталь (в Мексике, Аргентине, Бразилии). Поощряется раскол региона (основной камень раздора – Венесуэла), ведется целенаправленная линия по ослаблению (СЕЛАК) и даже развалу (УНАСУР) региональных интеграционных объединений.

В отношении России регулярно поднимается тема вмешательства в выборы, прежде всего в Мексике, а также в Колумбии и Бразилии. Известно об откровенном давлении, оказываемом на страны региона, особенно на наиболее слабые звенья – Мексику, Колумбию, Панаму, страны Центральной Америки. Многие латиноамериканцы находятся на распутье. Но вместе с тем нет лучшего пропагандиста в пользу расширения диалога региона с Россией, чем президент Д. Трамп. Миграция, климат, протекционизм, пошлины, всевозможные «стены» (как в мексиканском случае) – весомые аргументы для поощрения контактов с альтернативными центрами силы, включая Москву. Пример Мексики в этом плане наиболее очевиден.

Наиболее яркий пример политического инжиниринга – Бразилия. Под надуманным предлогом произведен парламентский переворот, объявлен импичмент законно избранному президенту (кстати, его инициаторы в парламенте уже осуждены за коррупцию или находятся под следствием). Во главе страны стоят, по сути, временщики до выборов 7 октября 2018 г. Внешние инициаторы и их местные исполнители привели к параличу государственного управления, практически разрушены ведущие отрасли экономики: строительство, нефтедобыча (Petrobras), военная и

атомная промышленности. Серьезный репутационный удар нанесен по животноводству – ключевой сфере сельскохозяйственного производства и экспорта. Хотя при этом нельзя не заметить, что в этой сфере произошло явное падение стандартов: не случайно ввиду многочисленных случаев обнаружения пресловутого рактопамина Россельхознадзор заявил о «закрытии» Бразилии для экспорта говядины и свинины в Россию. Бразилия превращается из неоспоримого континентального лидера в страну с нивелированными независимой внешней политикой и авторитетом на международной арене. А ведь это важный для Российской Федерации партнер по БРИКС – форуму, который метко охарактеризован как «кирпичик нового мироздания» [11], не говоря уже о «двадцатке», ООН и других международных организациях. Ведь не зря существует мнение, что «куда пойдет Бразилия, туда пойдет и остальная Латинская Америка», а это – существенный фактор для нашего взаимодействия и с этой дружественной страной, и с регионом в целом, где, несмотря ни на что, она по-прежнему остается своеобразным «региональным локомотивом».

В этом плане Россия старается сохранить на возможно высоком уровне двусторонние контакты с Бразилией, в том числе с учетом результатов визита в Россию президента М. Темера в июне 2017 г. и подписанного по его итогам Совместного заявления о стратегическом внешнеполитическом диалоге [12], а также с учетом ряда важных двусторонних документов, направленных на расширение всеобъемлющего разностороннего сотрудничества.

Острой темой латиноамериканской повестки дня остается сейчас Венесуэла, в немалой степени расколовшая регион. Можно вести долгие дискуссии о причинах возникновения нынешней кризисной ситуации, просчетах в экономической политике, влиянии внешней ценовой конъюнктуры на энергоносители. Имевшее место в 2017 г. противостояние, характеризующееся многочисленными человеческими жертвами, перевело обсуждение проблемы в совершенно иную плоскость. Под угрозу было поставлено будущее венесуэльского государства как такового. Тем не менее, несмотря на накал и пессимистические прогнозы, правительство страны не дрогнуло и выстояло. При этом оппозиция внятной альтернативы (кроме требования ухода Н. Мадуро) выдвинуть не смогла. Она расколота, единственный объединяющий фактор – ненависть к правительству чавистов.

В этих условиях борьба в существенной степени сместилась в сторону «внешнего фронта». Под руководством США начато планомерное выстраивание модели управляемого (но рискующего выйти из-под контроля) кризиса. Ставка сделана на нанесение «катастрофического ущерба экономике» путем ужесточения санкций, включая финансовые и нефтяные, создания дефицита валюты, продовольствия и медикаментов, про-

воцирования широкого недовольства населения – бунта против власти с непредсказуемыми последствиями. Собственно, ничего оригинального Вашингтон не изобрел и остался верен своему традиционному курсу на бесцеремонное вмешательство во внутренние дела суверенных государств, стремящихся проводить независимую от его диктата внутреннюю и внешнюю политику.

Эта линия получила дополнительный импульс после проведенных 20 мая 2018 г. досрочных президентских выборов, принесших победу Н. Мадуро. Оппозиция голосование проигнорировала. Результаты выборов не были признаны США, ЕС, половиной латиноамериканских стран. Признали голосование Россия, Китай, союзники Каракаса по региону.

Москва подчеркивает категорическую неприемлемость угроз внешнего давления на Каракас с использованием односторонних санкционных механизмов, изоляционистских мер, приемов нажимного, ультимативного характера, провоцирования извне долгового кризиса, стремления вовлечь в обсуждение «венесуэльского сюжета» СБ ООН. Демократия – это не самоцель, а метод решения проблем страны, где нельзя скатываться ни в большевизм, ни в неолиберализм. Определить формы демократии – суверенное право каждого государства без вмешательства извне.

Свою позицию в России сформулировали предельно откровенно: в стране не должно быть вакуума власти. Ведь это в интересах всех «здоровых» сил, включая соседей по региону. Венесуэльцы могут сами решать свои проблемы без деструктивного давления извне. Бесспорные приоритеты при этом – нормализация социально-экономической ситуации и восстановление внутривластного диалога.

Очевидно, что победа чавистов на президентских выборах сохраняет за ними власть, за которую надо будет продолжать бороться, но не решает большинства стоящих перед Венесуэлой проблем, главная из которых – кризисная ситуация в экономике, требующая выхода за рамки административно-командной модели, оздоровления финансов (ликвидации множественности обменных курсов, существенного повышения цен на бензин). Пока экономические меры правительства, включая выпуск криптовалюты Petro, к желаемому результату не привели (тем более, что Вашингтон 19 марта 2018 г. объявил о запрете на операции с ней).

Официальный Каракас с предельной озабоченностью воспринял принятие 21 мая президентом США Д. Трампом новых ограничительных мер, запрещающих американским юридическим и физическим лицам приобретать венесуэльские облигации, включая бонды ПДВСА (Petroleos de Venezuela, Sociedad Anonima (исп.) – государственная нефтегазовая компания Венесуэлы), а также совершать сделки с ценными бумагами компаний, контрольный пакет акций которых принадлежит венесуэльскому го-

сударству. В совокупности с ранее осуществленными шагами и растущими проблемами в отношениях Каракаса с МВФ венесуэльская экономика лишилась значительной части зарубежных источников финансирования.

При этом запас ее прочности и так оказался ниже ожидавшегося: повышение цен на местную нефть почти до 70 долл. за баррель вопреки прогнозам не только не позволило «выйти в рост», но даже замедлить падение. Тяжелее всего приходится местной нефтяной отрасли, которая остается фактически единственным источником валютных поступлений в бюджет. В 2017 г. среднесуточный объем венесуэльского нефтяного экспорта упал почти на 650 тыс. барр. по сравнению с 2016 г. По итогам 2018 г. этот показатель, по различным оценкам, окажется на уровне порядка 800 тыс. барр., что принесет в казну около 18–19 млрд долл. за весь год, 8,3 млрд из которых придется отдать кредиторам – держателям венесуэльских облигаций. Дополнительно осложняют ситуацию претензии к ПДВСА на общую сумму около 2 млрд долл. со стороны американской нефтяной компании «Конокофилипс», которая уже приступила к аресту венесуэльских нефтяных активов на карибских островах Бонайре, Кюрасао и Сент-Эстатиус (автономные территории Нидерландов на Антильских островах).

Уже в 2018 г. Венесуэла может лишиться значительной части своих золотовалютных резервов (их объем не превышает 10 млрд долл.), которые понадобятся для оздоровления экономики. Еще один потенциальный источник пополнения казны – доходы от продажи зарубежным партнерам акционерных долей в нефтяных и горнодобывающих совместных предприятиях. Однако такая возможность, похоже, даже не рассматривается. Что же касается вариантов сокращения бюджетных расходов, то в части сворачивания социальных программ они вряд ли возможны, так как могут существенно понизить нынешний уровень поддержки действующей власти, а даже незначительное повышение цен на топливо на внутреннем рынке не только подстегнет инфляцию, но и ударит по интересам весьма влиятельной части правящей элиты.

В данной ситуации единственной экономической опорой боливарианского правительства могут стать стратегические партнеры, роль которых еще больше возрастает с учетом широкого международного непризнания итогов недавних президентских выборов в Венесуэле.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе переговоров с президентом Венесуэлы Н. Мадуро 4 октября 2017 г. в Москве вновь подтвердил приверженность России мирному урегулированию политического кризиса в этой стране [13]. Продолжен курс на сотрудничество, в том числе в энергетике, горнодобывающей отрасли; предполагается оказывать содействие Каракасу в решении социально-экономических проблем,

в частности путем поставок пшеницы. 15 ноября 2017 г. был подписан протокол о реструктуризации венесуэльской задолженности.

При этом Россия готова поддерживать контакты с различными, прежде всего конструктивно настроенными политическими силами в Венесуэле.

Многое сейчас говорится о Кубе в условиях начавшейся было нормализации (которая заторможена новыми санкциями администрации Д. Трампа) ее отношений с Вашингтоном. Куба – наш стратегический партнер, хотя отношения с этой страной, как известно, претерпевали разные трансформации. 19 апреля 2018 г. там произошла плановая смена руководства: новым лидером страны избран М. Диас-Канель Бермудес. Кубинцы сейчас стремятся найти новое политическое позиционирование страны – самостоятельной и авторитетной, признаваемой всеми, включая Запад, площадкой диалога и примирения. Ведь реальный вес и престиж не могут быть объяснены физическими параметрами – площадью территории, численностью населения или объемом ВВП. Отстояв возможность быть самостоятельной даже в 90 милях от США, Гавана завоевала право на то, чтобы в мире прислушивались и учитывали ее альтернативную точку зрения, а в последнее время – использовали ее как платформу для поиска нестандартных решений застарелых мировых проблем. Неслучайно поэтому историческая встреча папы римского и патриарха Кирилла произошла именно там. Пути урегулирования полувековой гражданской войны в Колумбии были найдены тоже в Гаване. Все это требует нового взгляда на Остров Свободы. (Примечательно, что, по признанию авторитетных российских экспертов, наработки превентивной, низкочатратной медицины, основанной на вековом, но покинутом нами российском опыте, вывели Кубу в мировые лидеры стран, обеспечивающих высокие стандарты здоровья населения, несмотря на эмбарго и санкции.)

Нет необходимости повторять, что Россия последовательно выступает за отмену американской экономической блокады Кубы. Кубинский пример подтверждает бесперспективность политики одностороннего санкционного давления в международных делах. В целом, как отмечает посол России на Кубе М.Л. Камынин, «наши взгляды на происходящее в мире очень схожи. Россиян и кубинцев роднят общие гуманные ценности. Многолетние узы дружбы, взаимные чувства симпатии и солидарности, уважение к истории, интерес к культуре и многое другое – прочный фундамент для будущих отношений России с Кубой. Наша общая задача – не допустить его коррозии, сохранить и передать это наследие молодежи двух стран» [14: 35].

Тенденции развития региона ставят перед Россией новую задачу расширения контактов со всем спектром политических сил и гражданским обществом с учетом специфики внимания к нам и наших оппонентов, и

наших друзей. Растущая роль при этом принадлежит парламентским обменам. Важно также формирование инфраструктуры общественной дипломатии, которой сейчас применительно к региону явно не хватает, повсеместное распространение и поддержка наших культурных и гуманитарных проектов. Необходимы неформальные площадки диалога различных политических сил, которые можно приглашать в Москву.

Латинская Америка – серьезный внешнеполитический резерв России. Латиноамериканцы в целом пока выдерживают давление «коллективного Запада» в международных организациях и двустороннем взаимодействии с Москвой, демонстрируя политическую благожелательность и конструктивный настрой. Это в нынешней ситуации немало.

Встречи В.В. Путина в Москве с президентами Боливии (Эво Маралесом), Панама (Хуаном Карлосом Варелой), Парагвая (Марио Абдо Бенитесом) в июне 2018 г. вновь продемонстрировали многообразие возможностей в развитии и укреплении всесторонних контактов с латиноамериканцами, основанных на обоюдном интересе к тесному взаимодействию в политической, торгово-экономической, гуманитарной, культурной и других сферах, на принципах прагматизма, деидеологизированного и взаимовыгодного подхода к двустороннему сотрудничеству. Одним словом, перспективы на этом направлении вполне реальные.

Источники и литература

1. Путин: РФ готова к взаимодействию со всеми объединениями латиноамериканских стран. – Режим доступа: <https://gazeta-margust.ru/putin-rf-gotova-k-vzaimodejstviyu-so-vsemi-obedineniyami-latinoamerikanskikh-stran> – Дата обращения: 18 июня 2018.
2. Дорфман З. Ковбои и Калашниковы: американско-мексиканская война и украинский конфликт // ИНОСМИ.РУ. Россия сегодня. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20140925/223247054.html> – Дата обращения: 19 июня 2018.
3. Международный круглый стол ЕЭК, ЭКЛАК, ИЛА РАН «Развивая интеграцию, объединяя континенты» // Латинская Америка. 2017. № 4. С. 85.
4. Las cifras de la Alianza del Pacifico // Semana. – Режим доступа: <https://www.semana.com/economia/articulo/xiicumbre-de-la-alianza-del-pacifico-en-cali-valle-del-cauca/530307> – Дата обращения: 18 июня 2018.
5. Выступление члена Коллегии (министра) по интеграции и макроэкономике ЕЭК Т.Д. Вальной на встрече высокого уровня «Межконтинентальный диалог сотрудничества ЕАЭС – Латинская Америка. Форматы и перспективы межрегионального взаимодействия». 2018. 21 мая.
6. Меморандум о взаимопонимании между ЕАЭС и правительством Республики Чили. 2015.
7. Меморандум о взаимопонимании между ЕАЭС и правительством Республики Перу. 2015.

8. Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Многонационального Государства Боливия Э. Моралеса Айма о партнерстве в международных делах от 13 июня 2018 г. // [Kremlin.ru](http://www.kremlin.ru/supplement/5317). – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5317> – Дата обращения: 19 июня 2018.
9. *Тикнер А.* Пришествие Тиллерсона в Латинскую Америку // ИНОСМИ.РУ. Россия сегодня. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20180209/241420464.html> – Дата обращения: 18 июня 2018.
10. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с выступлением Госсекретаря США Р. Тиллерсона в Техасском университете по политике США в отношении Латинской Америки // МИД РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3055639 – Дата обращения: 19 июня 2018.
11. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Мир и война. М.: Восток–Запад, 2011. 335 с.
12. Совместное заявление Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилии о стратегическом внешнеполитическом диалоге от 21 июня 2017 г. // [Kremlin.ru](http://www.kremlin.ru/supplement/5212). – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5212> – Дата обращения: 19 июня 2018.
13. Российско-венесуэльские переговоры от 4 октября 2017 // [Kremlin.ru](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55769). – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55769> – Дата обращения: 18 июня 2018.
14. *Камынин М.Л.* Преемственность – лейтмотив кубинской политики // *Международная жизнь*. 2018. № 5. С. 32–35.

Приднестровье и Молдавия на краю Евразии

Transnistria and Moldova on the edge of Eurasia

А.Г. Задохин

Задохин Александр Григорьевич, доктор политических наук, почетный профессор Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в данной статье автор анализирует историю Приднестровского вопроса и возможные перспективы его развития. Приднестровская проблема досталась бывшим республикам от советского прошлого, когда Приднестровье являлось стратегическим плацдармом в противостоянии СССР – НАТО. В ходе распада СССР Приднестровье вместе с инфраструктурой и подразделениями Советской армии оказалось в составе Молдавии. В Приднестровье сохранялись про-русские настроения, что было неприемлемо для молдавской стороны. Налицо был конфликт идентичностей, что и спровоцировало вооруженное противостояние.

Ключевые слова: Молдавия, Приднестровье, Евразия, идентичность.

Abstract: in this article, the author analyzes the history of the Transnistrian issue and possible prospects for its development. The Transnistrian problem came to the former republics from the Soviet past, when this territory was a strategic springboard in the confrontation of the Soviet Union with NATO. During the collapse of the Soviet Union, Transnistria, together with the infrastructure and units of the Soviet army, became part of Moldova. In Transnistria, Pro-Russian sentiments remained, which was unacceptable for the Moldovan side. There was a conflict of identities, which provoked an armed confrontation.

Key words: Moldova, Transnistria, Eurasia, identity.

Приднестровье – особый культурный и геополитический регион Юго-Западной Евразии, который формально в настоящее время входит в состав Молдавии. Разные исторические судьбы Приднестровья и Молдавии объективно вели к глубоким различиям в политической и культурной самоидентификации населения двух берегов Днестра.

С античных времен земли Приднестровья выполняли пограничные функции между различными евразийскими этносами, политическими и

социально-культурными образованиями. По мнению археологов Приднестровского университета, восточной границей ареала расселения предков румын и молдаван дако-фракийцев являлся Днестр. Исторически Днестр отделял кочевую цивилизацию Великой евразийской степи от народов Балкан и Карпат [1, 2]. Причем предки молдаван (фракийцы – геты) не населяли земли Приднестровья, как бы сегодня не утверждали румынские политики и молдавские унионисты [1:10]. Приднестровье вошло в состав Российской империи в ходе русско-турецких войн и начало заселяться «отставными солдатами» Российской империи. Никогда на протяжении всей своей истории левобережная территория Днестра (нынешнее Приднестровье) не входила в состав ни одного молдавского или румынского государственного образования.

Территория Приднестровья, как и вся Молдавия, заселена разнородным по этническому составу населением, что объясняется историей края. На этой территории, до того, как здесь обосновалось постоянное оседлое земледельческое население и стал формироваться какой-то определенный этнос, проживали кочевые и полукочевые народы: скифы, сарматы, готы, гунны, угры, половцы, анты, татары и другие, пришедшие главным образом с востока. Славяне закрепились в рассматриваемом районе после разгрома аварского царства Карлом Великим в VIII в. Славяне Древнерусского государства основывают здесь ряд городов: Пересечень, Тигину (Бендеры), Белгород-Днестровский и др. Упрочившаяся здесь Галицкая Русь оказала большое политическое и культурное влияние на эту область.

Формирование границ советской Молдавии, как и других союзных республик, – это специфика образования СССР, когда этнические границы сопрягались с геополитическими интересами великих держав в межвоенный период. Так русскоязычное немолдавское Приднестровье оказалось в составе Молдавии.

Основы государственности современного типа молдавское общество получает в период образования СССР как федеративного союза государств. Причем первоначально (в 1924 г.) речь шла о молдавской автономии в составе УССР, которая была образована в 1924 г. В 1940 г. она была преобразована в МССР в составе Советского Союза.

Когнитивный анализ национального сознания политических и интеллектуальных элит молдавского общества дает понять, какую роль его геополитическое положение оказывает на его особенности. Территории юго-западной периферии Евразии и современной Молдавии расположены в стратегически важном Дунайском бассейне, который находился на стыке трех империй: Ближневосточной Порты, Австро-Венгрии и Российской империи. В данном контексте молдавская идентичность формировалась в поле конкуренций названных империй. Изначально эти евра-

зийские территории выполняли пограничные функции между различными этносами, политическими и социально-культурными образованиями. Как следствие, сформировались сложносоставная идентичность и комплекс неполноценности у населения, которое входило в состав тех или иных государственных образований или зависело от них.

В любом случае сама жизнь заставляет проживающие на периферии региональных пространств малые народы «разбираться в вопросах национального сознания своих экономически могущественных соседей» [3]. В силу этого «малые нации, создали собственное мировоззрение... Неотделимые от истории своих регионов и соседей, они, жертвы и аутсайдеры, стали словно оборотной стороной этой истории» [4].

В целом участие в международных альянсах повышает силу малых государств в их отношениях с крупными державами, хотя это не означает, что они достигают желаемой полной безопасности. Но не все малые государства входят в какие-либо международные организации с великими державами. Ряд стран выбрал стратегию неприсоединения. Во многом такая модель безопасности определяется их периферийным расположением между Россией/СССР и Западом.

Непосредственно Молдавия является малым государством. Как и большинству подобных стран мира, ей с крайне ограниченными геополитическими ресурсами приходилось и приходится либо искать поддержку у крупных и сильных государств, либо лавировать между ними, либо образовывать союзы с другими странами, либо придерживаться нейтралитета.

Исторически сложилось, что Приднестровье, не имея какого-либо специального статуса, занимало особое место в составе Молдавской ССР. Этот район раньше чем остальная часть Молдавии вошел в состав Российской империи. В отличие от правобережной Бессарабии в годы после Первой мировой войны эта территория не входила в состав Румынии. С 1924 по 1940 г. она имела статус автономии в составе Украинской ССР. Более того, в 60–80-е гг. XX века, благодаря подъему промышленности и сельского хозяйства, Приднестровье стало экономически наиболее развитой частью Молдавской ССР.

Территория левобережного Приднестровья никогда не входила в состав молдавского княжества за всю историю существования Молдавского (Бессарабского) и Румынского государств, включая периоды вассальной зависимости от Речи Посполитой, Османской империи и Российской империи. В то же время город Бендеры, расположенный на правом берегу Днестра, исторически находился в составе Молдавского княжества. Во время войны России с Турцией (1764–1774 гг.) крепость Бендеры была взята русскими войсками и входила в состав России вплоть до образования Молдавской АССР в составе Советской Украины.

Принятие парламентом Молдавии в 1989 г. Закона о функционировании языков на территории Молдавской ССР, в соответствии с которым молдавский язык был провозглашен государственным, явилось для молдаван не только актом и символом национального возрождения, но и создало правовую основу для продолжения начавшейся ранее кадровой чистки по этническому признаку работников административно-управленческого аппарата и общественной сферы. Это был первый законодательно оформленный шаг к расколу Молдавской ССР и будущей Республики Молдова, что стало началом разрыва с советским прошлым и символом национального реванша и возрождения. В дальнейшем власти Республики Молдова самостоятельно, без согласия России, объявили своей собственностью военные городки, базы, вооружение, средства передвижения, технику и другое имущество, принадлежавшее частям Советской армии, дислоцирующимся на территории республики. Тем самым декларировалась готовность войти в Тирасполь, для чего были мобилизованы вооруженные силы. Это был серьезный вызов России и Тирасполю.

Сил, которые могли бы остановить распространение национализма, на республиканском уровне оказалось недостаточно. Центром противодействия этой политике, исходившей из Кишинева, стали районы компактного проживания немолдавского населения: город Бельцы, южные районы Молдавии, населенные гагаузами, а также Приднестровье – молдавское левобережье Днестра и правобережный город Бендеры.

Как геополитическая особенность Приднестровский регион достался Молдавии от советского прошлого, когда эта территория являлась стратегическим плацдармом в противостоянии СССР – НАТО. После распада СССР Приднестровье вместе с инфраструктурой и подразделениями Советской армии оказались в составе Молдавии.

Большую роль в прекращении начавшегося вооруженного конфликта сыграло присутствие в ПМР российского воинского объединения – 14-й гвардейской армии, только что переведенной под юрисдикцию России. В дальнейшем она была преобразована в Оперативную группу войск в Приднестровском регионе Республики Молдова (ОГРВ ПРРМ). После распада СССР 1 апреля 1992 г. в соответствии с указом Президента России Бориса Ельцина 14-я гвардейская армия перешла под юрисдикцию Российской Федерации. Армия оказалась в окружении независимых государств на территории самопровозглашенной республики, вооруженные силы были сформированы из вышедших в отставку военнослужащих 14-й армии. Состав армии пополнили и представители местного населения.

В пророссийской самоидентификации населения Приднестровья свою роль сыграли экономические особенности региона, где размещалось значительное количество крупных промышленных предприятий союз-

ного подчинения, в том числе входящих в военно-промышленный комплекс. Приднестровье превратилось в важный индустриальный район: на его территории, занимающей лишь 12% площади МССР, где проживало 17% ее населения, в советский период производилось 40% ВВП МССР, 90% электроэнергии, 56% промышленных товаров народного потребления, треть сельскохозяйственной продукции.

Важно отметить, что многие промышленные предприятия находились не в республиканском, а в союзном подчинении. Сформировался круг направленных сюда Центром хозяйственных руководителей, достаточно независимых от республиканской власти, под контролем которых находились значительные людские, материальные и финансовые ресурсы. В силу этого преодоление нынешней экономической разрухи жители Приднестровья связывают преимущественно с восстановлением союзных структур или с присоединением в той или иной форме к России.

В свою очередь внешнеэкономические связи Приднестровья ориентированы не только на Россию. С учетом ограниченных ресурсов последней и отсутствия общей границы с Российской Федерацией Тирасполь развивает торгово-экономические связи с Украиной, Белоруссией, а также странами Западной Европы. С экономической точки зрения Приднестровье в целом является самодостаточной единицей. Оно экспортирует электротехнические изделия, литейное и кузнечно-прессовое оборудование, приборы и средства автоматизации, автомобильные прицепы, в том числе рефрижераторные. Из сельскохозяйственных продуктов экспортируются в свежем или частично обработанном виде овощи, фрукты и табачный лист.

За счет импорта регион полностью удовлетворяет свои потребности в первичных энергоносителях, минеральных удобрениях, цветных металлах, бумаге, сельскохозяйственной технике, металлорежущих станках, автомобильном и железнодорожном транспорте, радио- и телеаппаратуре, вычислительной технике.

Кроме России, Украины и других стран СНГ, Приднестровье поддерживает в тех или иных объемах торговые и экономические контакты с ФРГ, Болгарией, США, Испанией, Японией, Венгрией, Италией, Канадой, Румынией, Сингапуром, Индией, Чехией, Израилем, Пакистаном, Австрией, странами бывшей Югославии.

В России некоторые политические элиты считали, что важно было сохранить свое военное присутствие на территории приднестровского региона Молдавии в виде определенной группировки войск, статус, задачи и структура которой должны не просто обеспечивать гарантии политического урегулирования конфликта, а сдерживать возможные намерения каких-либо молдавских и румынских радикальных кругов силой решить

приднестровскую проблему или отреагировать на ту или иную военно-политическую ситуацию, которая складывается в этом регионе.

Потенциальная угроза Приднестровью сохраняется. По мнению депутата Верховного совета Приднестровья А.М. Сафонова, сотрудничество молдавских вооруженных сил с НАТО и Румынией [5] заставляет Приднестровье и российскую Оперативную группу войск в ПРПМ осуществить ответные действия. В 2017 г. Россия провела 150 военных учений, в то время как в 2016 г. – 48. Некоторые были частью маневров, проводимых Западным военным округом ВС России. В 2018 г. проведено уже 27 учений, 3 из них – совместно с воинскими подразделениями Приднестровья. Самое значительное учение – с участием танковой роты с боевыми стрельбами, «уничтожившей» бронегруппу противника, которая перешла государственную границу.

Несмотря на пророссийскую ориентацию Приднестровья, отделение ПМР от Молдавии и вхождение в состав России могли бы стать еще одним прецедентом. Россия признает целостность молдавского государства. Официальная позиция стран – членов ОБСЕ – приверженность принципам этой организации и международному праву, неприкосновенность системы европейских границ, несмотря на уже созданный прецедент с Косово. Европейские политики понимают, что всякая попытка изменить границы Молдавии чревата неуправляемой цепной реакцией во всей Юго-Восточной Европе.

Вопрос Приднестровья – это фактор политической борьбы между элитами Молдовы, прежде всего между президентом И. Додоном и парламентом республики. Этот парламент (как и парламенты других постсоветских государств) состоит из первого поколения политиков молодого государства.

На первый взгляд пророссийская ориентация И. Додона имеет положительное значение. Российская сторона как бы сделала ставку на Додона. Его поддерживает лично президент России В.В. Путин. Хотя, как представляется, это имело положительный результат только на первый взгляд. Демонстрация российскими центральными телеканалами особого отношения Путина к И. Додону вызвало негативную эмоциональную реакцию в молдавском парламенте и очередную попытку ограничить его полномочия как президента.

В свою очередь Гагаузия – в ожидании приезда президента Турции Р. Эрдогана – просит Турцию защитить ее от юнионистских устремлений Румынии. Гагаузы уверены, что Турция их не бросит. Глава гагаузской автономии Ирина Влах считает, что Гагаузия должна «дать отпор антигосударственным силам, ратующим за объединение Молдовы с Румынией».

В 2016 г. Россия утратила статус главного торгового партнера Молдавии. Это связано с отсутствием общей границы и затяжным экономическим кризисом в России. Сократилось число трудовых мигрантов. Одна из причин – постоянное внесение поправок в существующие российские законы, частое несоответствие правоприменительной практики и действующего миграционного законодательства. Но у молдаван есть альтернатива в виде выезда на работу в западные государства, особенно в романоязычные страны Южной Европы (и с учетом введенного безвизового режима с Европой).

Одновременно ЕС настраивает Молдавию и Приднестровье на диалог и объединение под своим посредническим началом. Этому способствует и тот факт, что Евросоюз допустил пророссийски ориентированное непризнанное государство на условиях свободной торговли на свои рынки. По признанию самой приднестровской стороны, она успешно развивает свои экономические отношения со странами ЕС и США, тем более у последних ресурсные возможности для этого есть. Кроме того, у Запада есть возможности давления на Кишинев. Выходит, что именно экономика играет здесь определяющую роль. Евросоюз, таким образом, рассчитывает подтолкнуть Приднестровье к отказу от пророссийской ориентации и удержать от вхождения в состав России.

В свою очередь российскому руководству удалось мобилизоваться и сдержать комплексы патернализма и мессианства. Последние выражались в том, что существовали настроения у некоторых военных и национал-радикальных кругов, говорящие о необходимости во что бы то ни стало сохранить военное присутствие в Приднестровье с прежней стратегической функцией на южном и балканском направлениях, а также для сохранения прежнего статуса Москвы на западной периферии Евразии. Причем можно было слышать рассуждения о том, что сам конфликт с его затяжным характером только способствует сохранению присутствия России в регионе. Необходимо отметить, что подобные настроения в России в какой-то степени стимулировались приднестровской элитой, которая проводила соответствующую работу в Москве в думских кругах.

Фактор Приднестровья, или, иными словами, проблема территориальной целостности Молдавии, является краеугольным камнем и в полемике об объединении Молдавии и Румынии. Румыния выступает против решения Приднестровской проблемы через федерализацию Молдавии. Кишинев также видит в качестве идеальной модели общего государства унитарное государство с предоставлением автономии Приднестровью и выводом из региона военных миротворцев. Вряд ли после вооруженного конфликта, задержек по его урегулированию и поиску вариантов сохранения единого молдавского государства Приднестровская сторона согласит-

ся даже на конфедерацию. Приднестровье считает себя самостоятельным государством и считает, что со временем будет признано по крайней мере Россией.

Вряд ли действующий парламент пойдет на ранее предлагаемый путь федерализации государства, надеясь на помощь ЕС и НАТО в сохранении целостности Молдавии. В то же время сложная геополитическая обстановка по западной периферии Евразии объективно требует сохранения в Приднестровье российского военного подразделения и его сотрудничества с непризнанной Приднестровской Молдавской республикой.

В настоящее время нельзя однозначно утверждать, что настоящее и будущее этих стран так безоблачно. В частности, начало развертывания Вашингтоном системы противоракетной обороны в Европе вблизи границ России ставит под угрозу безопасность не только последней, но и стран Центральной и Восточной Европы, поскольку они опять могут стать заложниками отношений великих держав.

В заключении еще раз обратим внимание на тот факт, что Молдавия является малым государством и находится на периферии евразийского постсоветского пространства. Постбиполярный мир открыл для малых стран и народов новые возможности в плане доступа к ресурсам и достижениям других стран и всего человечества, а формирующееся разнообразие многополярного мира дало надежды на свободный выбор моделей развития и внешних гарантов безопасности и противовесов внешним угрозам. Другое дело, как реализовать эти возможности.

Государства могут переживать кризис национальной идентичности, когда возникает, с одной стороны, потребность в социальной сплоченности перед вызовами новой реальности, а с другой – необходимость пересмотра национальных ориентиров. Прежде всего, это касалось малых государств, безопасность которых особенно зависима от внешних обстоятельств.

В постбиполярный период трансформация геополитической периферии осуществляется чрезвычайно болезненно и сложно. Малые страны Восточной Европы избрали прозападную модель модернизации, а некоторые вступили в ЕС и НАТО; однако нельзя сказать, что такой выбор обеспечивает их безопасность, так как Молдавия как малое государство оказывается заложником отношений Российской Федерации и США.

При этом остается сохраняющееся в национальной памяти для малых государств традиционное восприятие внешних угроз, исходящих от региональных империй, которое они не могут преодолеть [6]. Но в настоящее время проблемы и угрозы безопасности уже более не детерминированы так однозначно государственными границами прошлого [7]. Участие в гражданской войне в Сирии целого ряда государств, включая Рос-

сию, а также экстремистских организаций и частных военных компаний, превратило внутренний конфликт в международный. В этих условиях ответы на вызовы безопасности требуют особых подходов в контексте решения приднестровского вопроса.

Заключение

Стратегия развития и безопасности малых стран основана на сочетании ряда факторов различного характера. Во-первых, это учет местоположения в системе региональных и мировых международных отношений. Во-вторых, умение балансировать в системе отношений «государства – центры силы». Дело в том, что «существование малых государств напрямую зависит от конкретного состояния международных отношений» [8]. Малым нациям и государствам приходится интенсивно культивировать свое отношение к международной политике: любая внешнеполитическая активность в истории является не чем иным, как временным изменением баланса сил [8: 13]. В-третьих, имидж государства как посредник в конфликтах и участник миротворческого процесса. В-четвертых, установление четких рамок своих интересов и умение использовать те возможности, которые существуют в международных институтах – союзах и соглашениях, вырабатывающих решения. В этом плане малые государства не следует считать «малыми» буквально, если они в мировую и региональную политику приходят с новыми идеями в области международной безопасности, сотрудничества между государствами и решения гуманитарных и других проблем. Кроме того, они обладают меньшей сферой национальных интересов, что позволяет им сфокусироваться на действительно важных вопросах при получении содействия через ассоциацию с ЕС.

Россия придерживается принципа целостности молдавского государства. Но, по аналогии с признанием референдумов в Южной Осетии, Абхазии и Крыму, Россия при попытках Кишинева решить приднестровский вопрос силой могла бы признать Приднестровье суверенным государством.

Такое решение требуется для защиты русскоязычного населения и граждан России. Как известно, их сложное положение в постсоветских государствах свидетельствует о том, что подобное будет происходить и в Молдавии при неблагоприятном для них развитии ситуации. Например, в Казахстане (вроде бы лояльном к России), развивается ситуация с государственным языком, переходом на латинскую графику и новый алфавит, которая создает некомфортные условия проживания в стране для русского населения и способствует его дальнейшему оттоку из страны.

Признание российской стороной независимости Приднестровья, как европейскими странами Косова, принципиально не изменит в худшую

сторону геополитическую ситуацию в юго-западном углу Евразии. Молдавские политики, очевидно, надеются (как в Грузии) своими действиями подвигнуть НАТО на вмешательство и обострить международную обстановку. Россия может продемонстрировать, что она реально защищает своих сторонников и соотечественников на постсоветском пространстве.

Маловероятно, что приднестровцев устроит создание с молдавской стороны конфедерации. В силу этого можно ожидать, что существование непризнанного государства при балансе сил в регионе продолжится.

Источники и литература

1. *Тельнов Н.П.* Археологические исследования Приднестровья // Русин. 2012. № 1 (27). С. 1–10.
2. *Щербакова Т.А.* К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III – первой четверти II вв. до н.э. // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварской культур. Тирасполь, 1997. С. 19–22.
3. *Дрожжин С.* Интерпретация истории в российско-германских отношениях // Аналитические записки. 2002. Сентябрь.
4. *Левяш И.Я.* Средняя Европа: структура и геополитический выбор // Полис. Политические исследования. 1995. № 1. С. 58–59.
5. *Сафонов А.М.* Бухарест и Кишинев создают прецедент, объединяя силовые структуры // НГ-ДИПКУРЬЕР. 2018. 12 февр.
6. *Buzan B.* People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. N. -Y. L., 1991. P. 186–229.
7. *Колосов В.А.* Теоретическая лимнология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3. С. 44–58.
8. *Крейчи О.* Геополитика Центральной Европы: Взгляд из Праги и Братиславы: Пер. с чешского. М.: Научная книга; Прага: Оттово накладателстви, 2010. 424 с.

Проблема Косово и военная интервенция НАТО на Балканах

The Kosovo problem and NATO's military intervention in the Balkans

А.Г. Анашкина

Анашкина Алена Геннадьевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: автор анализирует результаты агрессии НАТО против Югославии, которая стала апогеем гегемонистских устремлений альянса на Балканах. Трагические события 1999 г., а также развернутое позже международное присутствие в Косово при ведущей роли НАТО во главе с США, положили начало процессу отделения Косово от Сербии и способствовали укреплению военно-политического господства альянса в Юго-Восточной Европе. Отметившая 17 февраля 2018 г. десятилетний юбилей своей «независимости», частично признанная Республика Косово продолжает оставаться одной из основных точек опоры политики Вашингтона на Балканах. При этом сама проблема Косово не продвинулась по пути своего разрешения, а приобрела более сложный характер, и ее сущность уже не сводится лишь к вопросу признания самостоятельности края Белградом.

Ключевые слова: Сербия, США, НАТО, Россия, Косово, албанцы, гуманитарная интервенция, военное присутствие.

Abstract: the author analyzes the results of NATO's aggression against Yugoslavia, which became the apogee of the hegemonic aspirations of the alliance in the Balkans. The tragic events of 1999, as well as NATO's presence in Kosovo under leading role of the United States, initiated the process of secession of Kosovo from Serbia and contributed to strengthening the military and political dominance of the alliance in South-Eastern Europe. Noting the tenth anniversary of its «independence» on February 17, 2018, the partially recognized Republic of Kosovo continues to be one of the main points of support for Washington's policy in the Balkans. At the same time, the problem of Kosovo has not progressed to resolution, but has acquired a more complex character, and its essence today is no longer limited to the question of recognizing the independence of the province by Belgrade.

Key words: Serbia, USA, NATO, Russia, Kosovo, Albanians, humanitarian intervention, military presence.

В истории народов Балканского полуострова найдется немало трагических страниц. К одной из них относятся события конца XX века, когда неразрешенные межнациональные и межгосударственные противоречия в Юго-Восточной Европе были использованы ведущими международными силами на пути к укреплению своего влияния в этом стратегически важном регионе. НАТО во главе с США приступило к реализации плана установления военно-политического господства на Балканах в ходе югославского кризиса. Кульминационной точкой в этом процессе стали конфликт в Косово и агрессия альянса против Югославии. Войну НАТО на Балканах сразу же стали называть первой полномасштабной войной в Европе после 1945 г., которая в корне изменила геостратегическую обстановку на континенте и показала, что крушение биполярной системы международных отношений не принесло избавления от угрозы новых конфликтов [11: 46–49; 20: 37].

В период распада Югославии бывшие союзные республики, провозглашая независимость, стремились максимально реализовать свои национально-территориальные притязания, что рассматривалось Западом как справедливая борьба за свободу. Однако в отношении Сербии стремление к оформлению своей территориальной целостности воспринималось как авторитаризм. Международные организации придерживались антисербской позиции, чаще оказывая не посредничество в разрешении конфликта, а прямое давление на Белград, направляя ход событий в необходимое Западу русло.

В связи с этим в замке Рамбуйе под Парижем 6 февраля 1999 г. состоялось открытие переговоров между представителями Югославии и Косово. Договор, предлагаемый к подписанию в процессе переговорного процесса в Рамбуйе, предусматривал ввод войск НАТО на территорию Косово с распространением сферы их действий на всю Югославию. Данное положение, как и некоторые другие, не рассматривалось предварительно в Контактной группе¹; оно было пролоббировано США и предъявлено сторонам в самый последний момент [4: 64]. Белград был готов подписать политическую часть навязываемого Западом договора, но с условием продолжения переговоров по поводу объема и характера междуна-

¹ Контактная группа – международная структура, включавшая представителей России, США, Великобритании, Франции и Германии. Была создана под эгидой ООН в 1992 г. в целях содействия установлению контактов между противоборствующими сторонами в ходе конфликта в БиГ. Позже трансформировалась в один из основных механизмов урегулирования положения на Балканах.

родного присутствия на территории Югославии. Несмотря на всю объективность возражений сербской стороны, именно ее обвинили в срыве переговоров. Был искусственно создан повод для начала военной операции войск НАТО против Югославии.

Попытки снять напряженность в регионе политическими методами, в чем существенную роль сыграла Россия, и уступки Белграда наталкивались на несбалансированный подход к сторонам конфликта и стремление некоторых западных партнеров через проблему Косово осуществить окончательный развал Югославии и ослабление Сербии. В процессе соперничества различных политических сил в среде косоваров постепенно нарастало влияние экстремистского течения и сторонников вооруженной борьбы. При этом лидеры нелегально созданной Освободительной армии Косово (ОАК) якобы для защиты притесняемых албанцев занимались похищением людей, торговлей человеческими органами и наркотиками, контрабандой оружия [14: 96–100]. По некоторым данным, ОАК была создана весной 1993 г., а в 1996 г. ее члены уже совершали систематические террористические операции против мирного населения и полиции Сербии [7: 450]. ОАК признавалась террористической организацией всем международным сообществом, в том числе США, по крайней мере до марта 1998 г. В Резолюции СБ ООН № 1160 и документах Контактной группы по состоянию на март 1998 г. ОАК позиционируется как террористическая организация, однако в Резолюции СБ ООН № 1199, принятой в сентябре 1998 г., подобной формулировки уже нет [17; 18]. С этого времени Запад начинает рассматривать членов ОАК как полноправную сторону конфликта. Более того, косовские албанцы представляются невинной жертвой, страдающей от сербского деспотизма. Главными идеологами в этом процессе выступили США и их союзники по НАТО.

Со стороны Запада в августе 1998 г. были предприняты попытки провести через Совет Безопасности ООН резолюцию, санкционирующую применение силы против Югославии. Но Россия прямо заявила, что будет ветоировать подобную резолюцию [15: 217]. Российско-китайское заявление 24 ноября 1998 г. по итогам двусторонней встречи на высшем уровне содержало положение о недопустимости действий в обход СБ ООН при принятии решений о применении силы и о приоритете международного права, а не права силы. Еще до трагических событий 1999 г. Чрезвычайный и Полномочный посол, профессор Дипломатической академии МИД России О.Н. Хлестов писал, что современное международное право признает лишь два варианта применения военной силы: при самообороне и по решению СБ ООН для пресечения действий агрессора. Поэтому если НАТО «осуществит принудительные действия без санкций Совета Безопасности, это взорвет всю правовую систему, на которой зиждутся отно-

шения между членами мирового сообщества», и станет «актом агрессии, как она определена в документах ООН...» [21: 5].

В отношении вопроса о судьбе Косово в ООН в международной политике сформировались две линии. Российская Федерация и ряд других стран, придерживаясь норм международного права, выступала за решение косовской проблемы на основе переговоров и компромисса сторон конфликта. США и НАТО, прикрываясь лозунгами отстаивания прав албанцев Косово на самоопределение, фактически сделали ставку на поддержку косовских сепаратистов, чтобы получить дополнительные средства давления на Сербию – традиционного союзника России – и ослабить ее.

Уступки, на которые пошел Белград, попытки России использовать дипломатические инструменты для политического урегулирования и даже отсутствие санкций ООН не смогли предотвратить уже запланированный акт агрессии против Югославии. Особо нужно отметить позицию Е.М. Примакова, занимавшего с 1996 по 1998 г. пост министра иностранных дел России, а затем – пост председателя Правительства РФ, который планомерно отстаивал верховенство норм международного права в косовском вопросе. Однако вслед за его отставкой последовало изменение внешнеполитической позиции страны. Роль России на Балканах была сведена к минимуму, а давление на Югославию усилилось.

К концу 1990-х гг. завершалась разработка новой стратегической концепции НАТО. Положения документа фактически закрепили постепенную трансформацию альянса в организацию, присвоившую право действовать по своему усмотрению за пределами зоны, зафиксированной в Вашингтонском договоре 1949 г., и без санкции СБ ООН. Эта стратегическая концепция была принята в 1999 г., к 50-летию юбилею существования альянса. В документе провозглашались решимость блока наращивать силы «посредством совершенствования готовности войск Североатлантического союза к развертыванию и мобильности, ведению длительных действий, улучшения материально-технического обеспечения, живучести и готовности к эффективному ведению боевых действий», возможность «размещения и развертывания сил за пределами своей территории и территориальных вод и передовое базирование сил по мере необходимости», использование вооруженных сил вне статьи 5 Вашингтонского договора, то есть не только в случае агрессии против одного из членов блока. Подчеркивалась возможность применения как обычных вооруженных сил, так и ядерного оружия, а также проведения миротворческих и иных операций не обязательно «под эгидой Совета Безопасности ООН», а например «под ответственность ОБСЕ» [16: 17, 53, 57–58]. Таким образом, НАТО отказывалось признавать исключительное право ООН на использование силы. Североатлантический альянс взял официальный курс

на вытеснение и последующую замену собой ООН. На практике планировалось уже к юбилею продемонстрировать свои силовые возможности всему миру; объектом для этого и стала Югославия.

24 марта 1999 г. авиация НАТО, поддерживаемая военно-морской группировкой, начала бомбардировку югославской территории. Великобритания, ФРГ и Франция приняли активное участие в операции против Югославии. Лондон, Рим и Анкара предоставили военные базы на территории своих стран в качестве перевалочных пунктов для авиации США, игравших главную роль в воздушной кампании [19: 212]. Военные действия НАТО в Югославии получили название «гуманитарная интервенция». В разгар описываемых событий в мае 1999 г. Генри Киссинджер писал: «Пунктом, в первую очередь нуждающемся в пересмотре, является концепция гуманитарной интервенции, которая выдается за вклад администрации [Клинтон] в новые подходы к внешней политике. Воздушную войну в Косово оправдывают тем, что она устанавливает принцип, согласно которому отныне международное сообщество – или, по крайней мере, НАТО – будет карать за нарушения, допускаемые правительствами по отношению к их собственным народам». Бывший государственный секретарь США далее отмечает, что НАТО действует так не повсюду, а только там, где можно избежать для себя чрезмерного риска. В связи с этим он задает следующий вопрос: «...какой гуманизм выражает неготовность нести военные потери, в то время как мирная экономика противника разрушается на десятилетия вперед?» [11: 46]. В такой недвусмысленной формулировке было определено истинное лицо проводимой военной операции.

Агрессия НАТО против Сербии повлекла большое количество жертв и пострадавших среди гражданского населения, целенаправленное уничтожение средств гражданской коммуникации и инфраструктуры, исторических памятников, разрушение химически опасных объектов. В ходе военной операции страны НАТО использовали запрещенные военные средства и виды оружия. Количество беженцев во время агрессии НАТО в несколько раз превысило число беженцев во время предшествующих межнациональных столкновений. Югославии был нанесен колоссальный гуманитарный, экономический и экологический ущерб [3; 4: 65; 5: 677, 679; 6].

Несмотря на активную антиюгославскую пропаганду, дальнейшее продолжение бомбардировок усилило степень общественно-политического резонанса. Гораздо более решительно зазвучали голоса стран, не входивших в НАТО. После попадания одной из бомб в китайское посольство в Белграде и гибели нескольких его сотрудников произошел надлом в американо-китайских отношениях. В западной литературе стали появляться работы, ставящие под сомнение правильность действий НАТО. Отмечалось, что крайней необходимости в «гуманитарной интер-

венции» не было, что действия НАТО преследовали совсем не те цели, о которых было заявлено. В итоге бомбардировки привели к гуманитарной катастрофе и многочисленным жертвам среди гражданского населения [22: 29–42; 23: 22; 25: 167–182]. Ряд западных исследователей также подтвердил, что действия НАТО нарушили нормы международного права [24: 58–89; 27: 828–834].

Однако осуждение действий альянса не нашло отражения ни в одном правовом документе, принятом международными организациями. Проект резолюции, предложенный Россией на рассмотрение СБ ООН и содержащий требование прекратить бомбардировки, был поддержан только КНР и Намибией как членами Совета Безопасности ООН, а также представителями Индии, Белоруссии и ряда других стран, которые были приглашены принять участие в заседании Совета [8]. План мирного урегулирования косовского кризиса, фактически ультиматум, предложенный бывшим президентом Финляндии М. Ахтисаари и специальным представителем России на Балканах В.С. Черномырдиным, с которым С. Милошевич согласился на 72-й день бомбежек, также не включал критику действий НАТО, но содержал обвинения в адрес Югославии в репрессиях по отношению к албанскому населению.

Несмотря на то, что упомянутый план мирного урегулирования был одобрен Скупщиной 3 июня, а военно-техническое соглашение о процедуре вывода из Косово сил безопасности Союзной Республики Югославия (СРЮ) представители НАТО и СРЮ подписали 9 июня, решение о прекращении воздушной операции НАТО было принято только 20 июня 1999 г. Истинные цели, а также сплоченность действий ряда западных стран под руководством США, становятся еще более очевидны при знакомстве с содержанием переговоров Е.М. Примакова с политическими деятелями Запада как до бомбардировок, так и во время них. Е.М. Примаков отмечал, что у него не раз создавалось впечатление, что западные коллеги рассматривали косовскую проблему через призму возможности окончательного развала Югославии при резком ослаблении Сербии [15: 211–218, 214, 292–306]. В итоге, помимо этнической проблемы, в данном регионе отчетливо проявилась еще одна – стремление НАТО к расширению своего влияния при грубых нарушениях международного права и ликвидации единой, суверенной страны на Балканах. Данное обстоятельство придало проблеме Косово международный характер.

Бомбардировки Югославии 24 марта – 10 июня 1999 г. стали продолжением агрессивной политики США на Балканах и показали в действии новую внешнеполитическую стратегию НАТО. Конечной целью данной стратегии являлись ликвидация существовавшей системы устройства международных отношений и установление нового мирового порядка.

В этих целях США поддерживали бандформирования албанцев-косоваров, занимавшихся террором и иной незаконной деятельностью в сербском автономном крае Косово. США и страны НАТО планомерно шли к осуществлению военных действий против Югославии, используя дезинформацию, подтасовку фактов и вымышленный предлог защиты прав албанского населения края – прав меньшинства на территории СРЮ.

Применив вооруженные силы против Югославии без санкции СБ ООН, НАТО вышло за пределы своей компетенции, нарушило Устав ООН, Заключительный акт СБСЕ и ряд других международных документов, которые предусматривают принцип невмешательства во внутренние дела другого государства, взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, разрешение международных споров только мирным путем и возможность применения силы исключительно на основе резолюции Совета Безопасности ООН. Операция НАТО носила необоснованный характер и представляла собой превышение пределов необходимого применения силы, так как не все дипломатические средства были исчерпаны.

Страны НАТО, воспользовавшись определенными коллизиями в современной системе международного права, совершили незаконное применение силы в отношении суверенного государства. Одной из таких коллизий стало отсутствие четких правовых границ между принципами территориальной целостности государства, а также невмешательства в его внутренние дела, и институтом прав человека, в частности правами меньшинств. Операция НАТО мотивировалась якобы совершаемым сербскими властями геноцидом албанского населения в Косово, факт совершения которого не был подтвержден ни ООН, ни ОБСЕ. Прикрываясь идеями защиты албанского меньшинства в СРЮ и спекулируя на искусственно созданной демонизации сербских властей, страны НАТО во главе с США на самом деле осуществили грубое незаконное вмешательство в дела независимого государства с применением военной силы. Сделано это было не исходя из официально заявленных целей, таких как ликвидация «гуманитарной катастрофы», а исходя из своих геополитических интересов [2: 33].

Данная проблема является достаточно серьезной на современном этапе международных отношений в связи с большим количеством внутригосударственных конфликтов. Ни одно государство мира, являющееся многонациональным образованием, не имеет правовой защиты от обвинений в нарушении прав проживающего на его территории национального меньшинства. В современных международных отношениях ведущие государства часто манипулируют правами человека и правами меньшинств в целях достижения необходимых политических результатов.

Резолюция СБ ООН № 1244 от 10 июня 1999 г., призванная урегулировать конфликт, установила международное гражданское присутствие

(Миссия ООН в Косово – МООНК или УНМИК) и присутствие по безопасности (Силы для Косово – СДК). Но мир в Косово не наступил. Большинство условий этой Резолюции не было выполнено, так как урегулирование косовского кризиса с самого начала проходило под жестким диктатом НАТО. В соответствии с Резолюцией в Косово должны были вводиться международные силы с существенным участием НАТО под эгидой ООН. Однако в американской прессе принятие Резолюции воспринималось как легитимация оккупации Косово натовскими вооруженными силами. Международные силы, согласно американской трактовке, должны были действовать в регионе не под эгидой ООН, как это записано в Резолюции, а под эгидой НАТО [12: 202, 206–207, 209]. Сама Резолюция, хотя и давала возможность нормализовать ситуацию в крае, ставила эту возможность в зависимость от ее исполнителей, их заинтересованности в справедливом урегулировании косовского кризиса, от того, насколько крепким было государство СРЮ, и от линии, проводимой международным гражданским присутствием, США и НАТО, а также руководством Сербии. Поэтому с момента принятия данного документа происходило не воплощение в жизнь положений Резолюции в соответствии с нормами международного права, а их произвольная трактовка в интересах более сильной стороны и реализация планов стран НАТО. В условиях однополярности международной политической системы ООН не смогла обеспечить истинно правового решения проблемы Косова. Несмотря на то, что многие политические силы заявляли о необходимости решения вопроса о статусе края исключительно через СБ ООН, фактически важнейшие решения принимались вне рамок ООН. Резолюция № 1244 стала ступенью к изменению статуса Косово и достижению странами НАТО своих стратегических целей. Запад планомерно следовал заранее намеченному плану действий, согласно которому Косово должно было стать международным протекторатом. Дальнейшее одностороннее провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 г. также произошло в рамках этого плана. За спиной Приштины стояли США [1: 50–54], военный контингент которых уже располагался на территории Косово в одной из крупнейших военных баз в Европе – Кэмп-Бондстил. Вашингтон продолжает держать этот регион под контролем и рассчитывает использовать его в качестве одной из точек опоры своей политики в Юго-Восточной Европе. Поездка президента Косово Хашима Тачи в Вашингтон в феврале 2018 г. доказала благосклонность к нему со стороны ряда влиятельных американских политических деятелей [26].

Частично признанная Республика Косово 17 февраля 2018 г. отмечала десятилетие своей «независимости», итог которой, по словам Посто-

янного представителя РФ в СБ ООН В.А. Небензи, печален. Уровень безопасности и правопорядка в самопровозглашенной республике крайне низкий. За демократическим фасадом Косово скрываются разгул организованной преступности, приверженность клановым интересам и источник распространения терроризма. Косовский вопрос остается одним из главных в ряду не только региональных, европейских, но и международных проблем [9].

В настоящее время большинство балканских стран являются членами НАТО, и в планы альянса входит дальнейшее расширение. Но завершению реализации плана по установлению военно-политического господства в регионе препятствует Сербия, не желающая вступать в НАТО [10], хотя и активно сотрудничающая с альянсом. Растущее влияние России на Балканах также не вписывается в сценарий, написанный США и их союзниками. Логическим продолжением описанных выше событий стал проект новой американской стратегии «Балканы, вперед – новая американская стратегия для региона», разработанный Атлантическим советом в конце 2017 г. Проект предполагает постоянное военное присутствие США в Юго-Восточной Европе, историческое примирение с Сербией (в перспективе – близким партнером и союзником США), активное посредничество Вашингтона в решении региональных споров [13]. Для реализации проекта США необходимо скорейшее решение наиболее проблемного в отношении с Сербией вопроса – вопроса о статусе Косово. В настоящее время диалог между Приштиной и Белградом при посредничестве ЕС находится в состоянии стагнации. Косовские албанцы не выполнили взятые на себя еще в апреле 2013 г. обязательства по созданию Сообщества сербских муниципалитетов Косово. Сербия выражает готовность продолжить диалог, но справедливо опасается его бесперспективности по причине невыполнения предыдущих договоренностей. Для Белграда проблема Косово была и остается чрезвычайно актуальной, но современный подход к ней претерпел серьезные изменения. Перспективы возможного вступления в ЕС к 2025 г. провоцируют сербские власти на скорейшее разрешение территориального спора и отказ от незыблемой в прошлом позиции «Косово – часть Сербии». Однако едва ли такое развитие событий поставит точку в вопросе Косово. За годы «независимости» косовская проблема не продвинулась по пути своего разрешения, а приобрела более сложный характер, и ее сущность сегодня не сводится лишь к вопросу признания Белградом самостоятельности Косово. НАТО во главе с США в лице СДК не обеспечили подлинную безопасность в регионе, ситуация в котором сегодня создает угрозу не только для Балкан, но и для всего европейского континента.

Источники и литература

1. Анашкина А.Г. ООН и проблема Косово. Посредническая миссия Ахтисаари // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. С. 50–54. Серия «История и политические науки».
2. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений в XXI веке. М.: Восток-Запад, 2009. 96 с.
3. Гуськова Е.Ю. 12 лет назад бомбили Югославию... // Фонд стратегической культуры. 2011. 26 марта. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/pview/2011/03/26/12-let-nazad-bombili-jugoslaviju-2629.html> – Дата обращения: 15 февр. 2018.
4. Гуськова Е.Ю. Динамика косовского кризиса и политика России // Косово: международные аспекты кризиса. М.: Гедальф, 1999. С. 32–78.
5. Гуськова Е.Ю. Исполняется 15 лет с начала бомбардировок Югославии силами НАТО // ИТАР-ТАСС. 2014. 24 мая. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1069126> – Дата обращения: 15 февр. 2018.
6. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. 714 с.
7. Дель Понте К., Судетич Ч. Охота: я и военные преступники. М.: Эксмо, 2008. 640 с.
8. Заседание СБ ООН от 24 марта 1999 // Организация объединенных наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/unmik/resolutions.shtml> – Дата обращения: 15 февр. 2018.
9. Заседание СБ ООН от 7 февраля 2018 // Организация объединенных наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/meetings/records/2018.shtml> – Дата обращения: 15 февр. 2018.
10. Заявления для прессы по итогам российско-сербских переговоров // Сайт Президента России. 2017. 19 дек. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/56418> – Дата обращения: 25 янв. 2018.
11. Максимычев И.Ф. Война НАТО на Балканах и будущее Европы // Национальные интересы. 1999. № 4 (5). С. 46–49.
12. Хомский Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова: Пер. с англ. М.: Праксис, 2002. 320 с.
13. Новая стратегия США на Балканах: «историческое примирение» против России // ИА REGNUM. 2018. 14 февр. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2351470.html> – Дата обращения: 20 февр. 2018.
14. Пономарева Е.Г. Вывихнутый век. Кто его вправит? Хаос, конфронтация, интеграция. М.: Книжный мир, 2016. 353 с.
15. Примаков Е.М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия. 2006. 362 с.
16. Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне. 1999. 23–25 апр. NATO Office of Information and Press. Brussels.
17. Резолюция СБ ООН № 1160 от 31.03.1998 S/RES/1160 // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/unmik/resolutions.shtml> – Дата обращения: 15 февр. 2018.
18. Резолюция СБ ООН № 1199 от 23.09.1998 S/RES/1199 // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/unmik/resolutions.shtml> – Дата обращения: 15 февр. 2018.

19. *Рубинский Ю.И.* Политика западноевропейских держав в отношении косовского кризиса // Косово: международные аспекты кризиса. М.: Гедальф, 1999. С. 212–246.
20. *Терзич С.* От «Pax Ottomana» до «Pax Americana» по дороге так называемой стабилизации Юго-Восточной Европы // Национальные интересы. 1999. № 4 (5). С. 33–38.
21. *Хлестов О.Н.* Если по Югославии нанесут удар // Независимая газета. 1998. 24 окт.
22. *Chossudovsky M.* Kosovo «freedom fighters» financed by organized crime // Peace Research. 1999. Vol. 31. No. 2. P. 29–42.
23. *McCWire M.* Why did We Bomb Belgrade? // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 2000. Vol. 76. No. 1. P. 1–23.
24. *O'Connell M.E.* The UN, NATO, and International Law after Kosovo // Human Rights Quarterly. 2000. Vol. 22. No. 1. P. 57–89.
25. *Rogel C.* Kosovo: Where It All Began // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2003. Vol. 17. No. 1. P. 167–182.
26. Таџи у специјалној мисији у САД са Раџијем обилази познате албанске лобисте // Blic online. 2018. 2 феб. – Режим доступа: <https://www.blic.rs/vesti/politika/taci-u-specijalnoj-misiji-u-sad-sa-racolijem-obilazi-poznate-albanske-lobiste/t36t1me> – Дата обращения: 15 фебр. 2018.
27. *Wedgwood R.* NATO's Campaign in Yugoslavia // The American Journal of International Law. 1999. Vol. 93. No. 4. P. 828–834.

**Развитие геополитической ситуации
на Ближнем Востоке и в Северной Африке
(от «арабской весны» к новым кризисам)**

**Geopolitical Development of the Middle East and North Africa
(from the «Arab Spring» towards the New Crises)**

О.А. Тимакова

Тимакова Ольга Александровна, кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: статья раскрывает особенности политических процессов, произошедших в регионе Ближнего Востока и Северной Африки с начала «арабской весны» в 2011 г. Автор анализирует особенности кризиса государственного управления стран региона, рассматривает ключевые тенденции, способные оказать негативное воздействие на политическое развитие региона. Особое внимание уделяется трем трендам: формированию новых границ ближневосточных государств; трансформации роли политического ислама; эскалации иранской проблемы. Выявлены причины противоречий государств и негосударственных акторов в вопросе государственных границ. Проведен анализ влияния исламизма на политические процессы в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Освещены основные последствия аннулирования Д. Трампом Совместного комплексного плана действий для кризиса в регионе и перспективы дальнейшего ухудшения отношений между Ираном и Израилем.

Ключевые слова: Ближний Восток, Северная Африка, «арабская весна», курды, Иран, США, Россия, Европа, политический ислам.

Abstract: the article covers the specificities of the political processes that took place in the region of the Middle East and North Africa since the beginning of the «Arab Spring» in 2011. The author analyzes the features of the crisis of state governance of the countries of the region and considers the key trends that could have a negative effect on the political developments of the region. Particular attention is paid to three trends: the formation of new borders of Middle Eastern states; transformation of the role of political Islam; escalation of the Iranian problem. The causes of the contradictions between states and non-state actors in the issue of state

borders are revealed. The analysis of influence of Islamism on political processes in the countries of the Middle East and North Africa is carried out. The main consequences of the cancellation of the Joint Integrated Plan of Action by D. Trump for the crisis in the region and the deterioration of relations between Iran and Israel are highlighted.

Key words: Middle East, North Africa, «Arab Spring», Kurds, Iran, USA, Russia, Europe, Political Islam.

Регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) продолжает находиться в цикле взаимосвязанных кризисов. Последний из них начался с трагических событий 11 сентября 2001 г. и в своем пике вылился в серию волнений, названных «арабской весной». За почти два десятилетия большинство региональных правительств столкнулись с протестами, забастовками, требованиями автономии и сецессии. Длительные конфликты во многом стали причинами разрушения регионального порядка и кризиса власти.

В 2011 г., когда произошли первые бунты, правительства многих стран не смогли адекватно ответить на вызовы нарастающего кризиса. Многие из них проводили политику, которая только усиливала проблемы, углубляла социальное неравенство, ослабляла институты и способствовала разрастанию экстремистских группировок.

Второе десятилетие XXI века принесло драматические изменения в регион: гражданские войны, смены режимов и иностранные интервенции. Такие события привели к разрушению государственного строя некоторых арабских стран. Режимы и правители, которые десятилетиями казались «неотъемлемой частью» региона, исчезли с политической арены. Новые экстремистские и террористические группы появились на политической арене и продолжают расширять свое влияние и устанавливать контроль над регионом.

Система государственного управления таких стран, как Ирак, Йемен, Ливия и Сирия, требует серьезных реформ, так как она либо полностью уничтожена (государство больше не функционирует), либо подверглась серьезному разрушению. Алжир, Бахрейн, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Судан и Тунис все еще продолжают испытывать на себе последствия социальных и политических потрясений.

По оценкам экспертов международного дискуссионного клуба «Валдай», «если государства, успешно справившиеся с вызовами начала 2010-х гг., не докажут дальнейшую устойчивость к внутренним вызовам и угрозам, не исключена вторая трансформационная волна, отличная от первой, но, вполне возможно, более жесткая» [5].

Конфликты на Ближнем Востоке в условиях сложившейся международной обстановки – самая большая угроза либеральному миропорядку. Необходимость скоординированных действий международного сообщества становится все более необходимой [1: 14]. Пока не удалось создать дорожную карту, способствующую установлению долгосрочного мира и стабильного развития в регионе. За 15 лет после объявления Западом войны с международным терроризмом в регионе БВСА невозможно с полной уверенностью предсказать дальнейшее развитие событий. Поэтому не удивительно, что в своей региональной политике государственные деятели, дипломаты, эксперты и международное сообщество остаются сфокусированными на краткосрочной повестке дня.

Однако уже сейчас прослеживаются тенденции, которые могут стать источниками будущей нестабильности. Из них можно выделить три, имеющие военно-политический характер: формирование новых границ в регионе; трансформация роли политического ислама; эскалация иранской проблемы.

Формирование новых границ в регионе

Первая тенденция связана с попытками окончательного разрушения порядка, основанного еще после Первой мировой войны. Именно Великобритания и Франция, будучи среди стран – победительниц Первой мировой войны, решили судьбу территорий бывшей Османской империи и создали карту современного БВСА. После того как в 1924 г. светские националисты Турецкой Республики «отменили основной институт панисламского единства, халифат... мусульманский мир оказался «подвешенным» между победоносным Вестфальским международным порядком и отныне превратившейся в неосуществимую мечту концепцией Дар аль-ислам» [4: 151]. Именно это событие важно для понимания причин Иракской войны, «арабской весны» и распространения ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация). С момента образования первого халифата пророком Мухаммедом и до 1924 г. в данном регионе всегда существовал халифат, представляющий исламскую умму (в исламе умма – религиозная община). После распада Османской империи государства региона неизменно пытались создать легитимный политический порядок с особыми отношениями ислама и государства.

Определяющим принципом порядка, созданного в начале XX века, было понимание региональных сообществ как группы этнических и конфессиональных общностей, не способных образовать стабильное государство. Великобритания и Франция использовали их противоречия в классической стратегии «разделяй и властвуй», поддерживая меньшинства

(особенно религиозные), чтобы не позволить большинству заполучить власть и проводить независимую политику.

Кроме того, «внешние силы в лице как отдельных государств (США, Англия, Франция и другие страны НАТО. – *О. Т.*), так и международных организаций на протяжении многих десятилетий с различным успехом оказывали влияние на международные отношения в регионе» [3: 99], и именно влияние транснациональных сил стало другим значимым фактором ослабления государственности.

Границы, установленные соглашением Сайкса – Пико¹, сохранились до наших дней практически неизменными. Политические режимы стран региона эволюционировали, но так до конца и не смогли избавиться от зависимости от внешних акторов.

Региональный порядок оказался под угрозой во время «арабской весны». Однако еще в начале второго десятилетия XXI века в политическом дискурсе в регионе появилась тенденция нивелирования значимости и долговечности существующих государственных границ. Связано это было с тем, что государства региона претерпевали кризис легитимности. В международных и региональных переговорах не отрицалась возможность их изменения. К примеру, западные политические деятели и аналитики не раз поднимался вопрос о необходимости разделения Сирии для успешного разрешения конфликта в стране [10].

Это привело к тому, что «в странах с нестабильными политическими системами подобная неуверенность не позволяет участникам политического процесса выстраивать долгосрочные стратегии развития, способствует политическому эгоизму и конъюнктурности поведения лидеров, препятствует становлению качественного управления» [5].

Развал нескольких арабских государств и последовавший хаос предоставил возможность двум группам негосударственных акторов (террористическим вооруженным формированиям и этно-религиозным сообществам) осуществить попытку стереть границы, которые они считали несправедливыми и попытаться перекроить их по своему дизайну.

Широкомасштабные изменения привели к парадоксу: Ближний Восток стал одновременно «старым» и «новым». «Новый» в том смысле, что одни арабские страны, созданные в XX веке, распались, границы между другими (например, между Египтом и Ливией, Сирией и Ливаном, Ираком и Сирией) перестали быть четко определенными. «Старым» он остался пото-

¹ Соглашение Сайкса – Пико – договор, заключенный 16 мая 1916 г. между Великобританией, Францией, Российской империей и позднее – Италией, по разграничению сфер влияния территории Османской империи на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. Впоследствии именно оно легло в основу распределения мандатов Лиги Наций.

му, что на повестку дня вернулись две изначальные модели идеологического, политического и социального устройства общества, которые существовали в регионе задолго до договора Сайкса – Пико [14]. Первая модель – это идея Исламского халифата, в своей экстремальной интерпретации выразившаяся в террористической организации ИГИЛ, стремящаяся к всемирному Исламскому халифату, который поглотит значительную часть Евразии и Африки. Вторая модель – идея независимых политических образований, основанных на этническом, религиозном, социальном и родо-племенном единстве в рамках определенных территориальных границ. Самыми значительными представителями данной группы негосударственных акторов являются курды, которые борются за свою независимость уже более 100 лет.

По словам ученого-международника И.Д. Звягельской, традиционные идентичности оказались очень устойчивыми, и в условиях слабых государственных институтов самоорганизация по этническим, конфессиональным, региональным, племенным признакам компенсировала неспособность государства обеспечить понимаемую в широком смысле безопасность общества [3: 101]. В регионах, богатых полезными ископаемыми и другими ценными ресурсами, все сильнее заметно недовольство их низким уровнем развития. Кроме ситуации с курдами, подобное развитие событий мы видим в Хузестане (Иране), Гафсе (Тунисе), восточных провинциях Саудовской Аравии и др. Неудовлетворенность населения таких регионов ведет к социальной фрагментации и далее – к попыткам сецессии.

Ни относительно легитимные методы курдских националистов, ни экстремистские средства террористов не смогли, на данный момент, разрушить существующие границы. Не приходится сомневаться, что они не оставят попыток достичь своей цели. Ни тех ни других нельзя недооценивать в их стремлении к цели.

Ответ может лежать не в разрушении существующих границ, а в трансформации модели политического устройства стран. Попытки найти лучшую форму государства будут успешными, только если их поддержат общества каждой конкретной страны. В противном случае политические системы останутся нестабильными и уязвимыми перед внешним вмешательством.

Трансформация роли политического ислама

Не менее значимым для будущего развития региона, государственных и негосударственных акторов будет процесс определения новой социальной и политической роли религии.

Термин «исланизм», или «политический ислам», появился в современном политическом дискурсе арабского мира после иранской революции

1979 г. Первой исламистской партией стала партия «Братья мусульмане», созданная в Египте еще в 1928 г. и распространившаяся по всему региону БВСА. Новый термин был необходим, чтобы описать феномен политических движений, возглавляемых образованными мусульманами, которые стремились вернуть ислам в систему государственного управления.

Современный исламизм устанавливает, что ислам (или исламское право) должно играть центральную роль в политической жизни общества. Термин применяется к партиям, которые функционируют в рамках институциональной политики и существующих структур, даже секулярного характера [23: 127].

Политический ислам представлен во многих проявлениях в регионе: от партии «Ан-Нахда» (Партия возрождения) в Тунисе до радикальных джихадистских террористических группировок, таких как ИГИЛ или «Джебхат ан-Нусра» (Фронт поддержки).

Повестка дня исламистских движений колеблется от требований политических и социальных реформ до ультраконсервативно настроенных предложений координации повседневной жизни обычных людей в соответствии с Кораном [17: 104].

Появился исламизм в ответ на фундаментальный вызов XX века – секуляризацию и импорт западных идеологий в регион БВСА. Именно развал Османской империи стал первопричиной современных исламистских движений. Мусульмане, пережившие колониализм и неудачные попытки построения социализма и национальных государств, в которых автократы и диктаторы пытались использовать ислам в собственных целях, стремились найти альтернативу, которая бы совместила ислам и современные государственные институты власти.

Исламизм может существовать только в противопоставлении секулярной идеологии. Такого рода органичный для мусульман БВСА дуализм до сих пор определяет особенности противостояния в арабском мире: борьбу представителей политического ислама, видевших веру как главный фактор идентичности и навязывавших свое видение с разной степенью насилия, и протагонистов условно светской концепции, объединяющей арабский мир на основе прежде всего этничности. Фундаментальные разногласия между исламистами и сторонниками светского режима особенно четко проявились во время «арабской весны».

Именно на период начала 2010-х гг. пришелся пик политического влияния исламистов в регионе. Партии «Братьев мусульман» получили власть в ряде стран, а мечети стали местом, где принимаются главные политические решения.

Одновременно, «арабская весна» подпитывала возрождение джихадистского салафитского исламизма и эскалацию сектантства в мусуль-

манском мире [18: 310]. Разумеется, джихадистский исламизм представляет собой лишь небольшой фрагмент более широкого ландшафта политического ислама [11]. Тем не менее волна воинствующего исламизма нацелена на коренной пересмотр мусульманского мира. Джихадисты привлекают внимание международных СМИ и сообществ, усиливают негативные стереотипы о мусульманах, исламе и исламистах.

На Западе идея, что исламизм может стать двигателем политических реформ и демократизации, утратила свою силу [13: 94]. Политические события в регионе привели к тому, что разные направления исламизма смешиваются в представлении западной общественности. Журналисты, ученые, политики свободно используют термин «исламизм» относительно умеренных партий, таких как «Ан-Нахда» («Движение возрождения»), или террористических группировок (подобно ИГИЛ).

Политический ислам находится под ударом как реакционных правительств, так и джихадистов. Катар как главный спонсор исламистских партий оказался в изоляции. Саудовская Аравия и Египет призывают страны Запада признать партии «Братья мусульмане» террористическими [19: 19].

Все это приводит к тому, что умеренный исламизм теряет свои позиции. Одновременно обостряются противоречия между различными исламистскими партиями в рамках региона, которые уже получили название «арабская холодная война» [24: 29; 27: 14]. Правительства государств рассматривают большую часть исламистских партий как угрозу своему режиму и решают указанную проблему часто с помощью авторитарных мер. Это значительно подрывает процесс государственного управления, так как данные партии представляют значительную часть населения стран региона.

Возрождение такой государственной политики сопровождается ростом исламофобских настроений под влиянием популистских этнонационалистов на Западе. Убийство посла США в Ливии К. Стивенса 11 сентября 2012 г. и роль джихадистских группировок в сирийском и иракском конфликтах способствовали тому, что на Западе стали критически относиться к приверженности исламистов демократическим принципам. Военный переворот в Египте в 2013 г., укрепил сами исламистские партии в их подозрении, что западная поддержка демократии и прав человека непоследовательна и прочно связана с узкими геостратегическими и экономическими интересами [20: 9].

Войны и кризисы последних лет нивелировали весь прогресс, достигнутый умеренным политическим исламом. Снова набирает силу идея отделения религии от государства, что ведет к возникновению угрозы активизации джихадистов. Разграничение политических целей от религиоз-

ных и социальных заставит молодых мусульман, которые ищут свою «истинную» религиозную и политическую идентичность, обратиться к экстремистским группам, предлагающим свою интерпретацию исламского закона.

Наилучшим решением стало бы признание роли ислама в политической жизни общества и объединение всех точек зрения при условии уважения верховенства закона. Важным в данном случае является опыт тунисской партии «Ан-Нахда». Лидер партии Рашид Ганнуши объявил, что «отделение религии и политики не позволит больше чиновникам использовать религиозные призывы для манипулирования обществом» [8: 62]. С 2016 г. данная партия официально прекратила быть исламистской и стала партией «мусульман-демократов».

Эскалация иранской проблемы

Понимание роли Ирана в современных геополитических процессах в БВСА необходимо для анализа будущего региональных политических процессов.

8 мая 2018 г. Д. Трамп принял решение единолично наложить «экономические санкции самого высокого уровня» на Иран, тем самым аннулируя участие США в Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД) [22]. Договор, ставший результатом многих лет сложных переговоров, был подписан 15 июля 2015 г. семью странами и Европейским союзом и поддержан Советом Безопасности ООН в резолюции № 2231 от 20 июля 2015 г. Президент Соединенных Штатов уже давно критиковал данное соглашение как «одну из худших сделок» [21].

Трамп принял решение о выходе из договора, несмотря на отсутствие доказательств нарушения Ираном условий соглашения. МАГАТЭ, напротив, неоднократно подтверждало обратное [6]. Фактически США стали первым государством, которое нарушило условия сделки. И хотя некоторые страны региона приветствовали решение Президента США (в частности, Израиль и Саудовская Аравия), международное сообщество в целом выразило разочарование.

Выйдя из договора, Д. Трамп очередной раз доказал свою решимость подорвать основы главных международных институтов и соглашений¹.

Страны ЕС оказались перед необходимостью либо также расторгнуть сделку, либо попытаться сохранить договор. Отказ от сотрудничества

¹ См., например, решения Д. Трампа в отношении Парижского соглашения по климату, Соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве и др.

с Ираном находится в прямом противоречии с интересами безопасности стран Европы. К тому же в случае уступки требованиям США пострадает их имидж в регионе как надежных и ответственных партнеров.

Европейские члены группы международных посредников надеялись, что можно будет продолжить сохранять действие договора даже после выхода из него США, но Д. Трамп предупредил, что введет санкции против любой кампании, которая продолжит сотрудничать с Тегераном. Администрация Белого Дома потребовала в мае 2018 г. от своих европейских партнеров прекратить любые экономические отношения с Ираном [26].

Это уже второе решение Трампа, которое ухудшает трансатлантическую солидарность – после его требования повысить расходы на безопасность в рамках НАТО [2: 35]. Давление на страны Европы и по вопросу иранской ядерной сделки, приведет к тому, что часть европейского истеблишмента перестанет считать США надежным партнером. Иран же в свою очередь лишь укрепит отношения с Россией и Китаем.

Одновременно от решения Европы зависит дальнейший ход переговоров о тарифах, которые ввел Вашингтон на импорт стали и алюминия из стран Евросоюза с 1 июня 2018 г. [12]. Однако Д. Трамп продолжит реализацию своей протекционистской политики независимо от иранского вопроса [9].

Президент Франции Э. Макрон и канцлер Германии А. Меркель пытались переубедить Д. Трампа как в отношении иранской сделки, так и в вопросе тарифов в ходе своих визитов в Вашингтон, но потерпели неудачу. По неоптимистичным представлениям в правительстве Германии, СВПД был последней преградой, которая сдерживала военный конфликт в регионе до разрастания его в термоядерную войну [16].

Несомненно, последствия этого решения президента США для региона БВСА будут разрушительными при любом возможном сценарии развития событий. Из-за того, что подорваны основы единственного успешного многостороннего договора в регионе, усилится его нестабильность, и последствия этого скажутся в первую очередь на странах Европы.

За аннулированием ядерной сделки последовала реализация другого решения Президента США, принятого им еще в 2017 г. С 14 мая 2018 г. посольство США в Израиле переехало из Тель-Авива в Иерусалим. Признание Соединенными Штатами Иерусалима в качестве неделимой столицы Израиля является нарушением резолюции № 478 Совета Безопасности ООН о двойном статусе Иерусалима и дополнительным фактором обострения напряженности в регионе.

Существует «наименее плохой» сценарий развития событий, при котором Россия, Европа и Китай смогут убедить Иран продолжить выполнять условия договора. Но это потребует продолжения экономического

сотрудничества и, соответственно, необходимости обезопасить европейские кампании от санкций Америки. И хотя Китай не преминет воспользоваться уменьшением инвестиций со стороны Европы, Иран вряд ли останется в договоре без продолжающихся экономических и политических обязательств со стороны Европы. Уже сейчас можно говорить, что экономика Ирана сильно пострадает от решения тех кампаний и международных банков, которые опасаются санкций со стороны США [7].

Более негативное развитие событий грозит, если Иран больше не будет видеть для себя выгод придерживаться условий договора без участия в нем США, одновременно находясь под давлением со стороны противников сделки внутри страны. Не скованный условиями договора, Иран сможет восстановить работу над созданием ядерного оружия в короткие сроки. У других стран региона снова появятся опасения за собственную безопасность, что может повлечь за собой их решение начать собственные программы разработки ядерного оружия [25].

Политика Израиля в данном вопросе становится все более настойчивой [28], и эскалация конфликта между силами Тель-Авива и Тегерана в Сирии может стать предвестником полномасштабной войны между государствами региона. Разрешить такой конфликт только силами региональных держав будет невозможно.

Трамп, однако, не скрывает своего намерения заключить с Ираном новую сделку, которая бы затрагивала вопросы не только ядерной программы, но и программы баллистических ракет, региональной политики и соблюдения прав человека. Однако тем самым фактически подрываются принципы СВПД.

Выход США из иранской ядерной сделки скорее всего станет причиной усиления конфронтации. Кроме прямого влияния на геополитические события в регионе БВСА, данное решение Д. Трампа может негативно сказаться на перспективах урегулирования ядерной проблемы с КНДР [15]. Среди главных аргументов возможности срыва переговоров с Северной Кореей можно выделить сомнения в надежности обещаний США и их способности придерживаться международных обязательств. Под ударом окажутся усилия всего международного сообщества по укреплению глобального режима нераспространения ядерного оружия.

* * *

Сохранение приоритета за краткосрочными интересами безопасности за счет структурных политических реформ показывает, что уроки «арабской весны» не были приняты во внимание. Более семи лет после начала первой революции геополитические взгляды главных акторов как внутри, так и вне региона, остаются в рамках тех же знакомых параметров

безопасности, стабильности и экономических интересов, что и при пре-небрежении реформами.

Без коренного пересмотра отношения к проблемам социально-экономического и политического развития региона и без сохранения режима нераспространения ядерного оружия БВСА продолжит оставаться в стадии постоянных конфликтов.

Одновременно стабилизация БВСА – фактор, который важен для всего международного сообщества. Ответы на вопросы дальнейшего развития региона необходимо искать совместно с внешними акторами, задействованными там. Установление новой стабильности потребует ответственного государственного управления и реформ. Достижение этой цели требует постоянных и долгосрочных международных инвестиций, а не военного решения.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? // *Обозреватель – Observer*. 2009. № 7. С. 5–15.
2. *Данилов Д.А.* Североатлантический альянс: бремя Трампа // *Международная жизнь*. 2017. Апрель. С. 20–41.
3. *Звягельская И.Д.* Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 2. С. 97–109.
4. *Киссинджер Г.* *Мировой порядок*. М.: АСТ, 2016. 512 с.
5. *Наумкин В.* Ближний Восток: гармония полифонии // *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/20411/> – Дата обращения: 19 мая 2018.
6. Проверка и мониторинг в Исламской Республике Иран в свете резолюции 2231 (2015) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций // *Доклад МАГАТЭ*. 2018. 23 февр. – Режим доступа: https://www.iaea.org/sites/default/files/18/03/gov2018_7_derestricted_rus.pdf – Дата обращения: 16 мая 2018.
7. *Раванди-Фадаи Л.* Иранская ядерная сделка: сможет ли «сердитый и униженный» ЕС противостоять США? // *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. – Режим доступа: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/iranskaya-yadernaya-sdelka/?utm_source=newsletter&utm_campaign=69&utm_medium=email – Дата обращения: 4 июня 2018.
8. *Al-Ghannūshī R.* From political Islam to Muslim democracy: The Ennahda party and the future of Tunisia // *Foreign Affairs*. 95(5). 2016. P. 58–75.
9. *Biscop S.* Will Trump's decision on Iran end Europe's servility? // *Clingendael Spectator*. 2018. 21 mar. – Режим доступа: https://spectator.clingendael.org/en/publication/will-trumps-decision-iran-end-europes-servility?utm_source=Clingendael+Newsletter&utm_campaign=0ad2c0574b-EMAIL_CAMPAIGN_2018_03_21&utm_medium=email&utm_term=0_ec8de12e45-0ad2c0574b-79828381 – Дата обращения: 23 мая 2018.

10. *Choksy C. Choksy J.* To resolve the Syrian crisis, partition is necessary // Yale Global Online. – Режим доступа: <https://yaleglobal.yale.edu/content/resolve-syrian-crisis-partition-necessary> – Дата обращения: 28 июня 2018.
11. *Esposito J. L., Mogahed D.* Who speaks for Islam? What a billion Muslims really think. New York: Gallup Press. 2007. 204 p.
12. *Goodman P.S.* For Europe, an unpleasant question: confront Trump or avoid a costly trade war // The New York Times. 2018. June 1. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/06/01/business/europe-trump-trade-war.html> – Дата обращения: 4 июня 2018.
13. *Hamid Sh.* Islamic Exceptionalism: How the Struggle over Islam is Reshaping the World. St. Martin's Griffin, 2017. 320 p.
14. *Hiltermann J.* The Middle East in chaos: of orders and borders. Alsharq Forum, 2018. 15 p.
15. *Kaye D.D.* Hard to see how Iran decision serves US interests or regional stability // The Hill. – Режим доступа: <http://thehill.com/opinion/finance/387085-difficult-to-see-how-iran-decision-serves-us-interests-or-regional-stability> – Дата обращения: 4 июня 2018.
16. *Leonard M.* How Europe can save the Iran nuclear deal // Project Syndicate. – Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/how-europe-can-save-the-iran-nuclear-deal-by-mark-leonard-2018-04> – Дата обращения: 15 мая 2018.
17. *Marsh A.* Political Islam: Theory // Annual Review of Political Science. 2015. 18(1). P. 103–123.
18. *Mohamedou M.O.* The Militarization of Islamism: Al-Qā'ida and Its Transnational Challenge // The Muslim World. 2011. Vol. 10. No. 2. P. 307–323.
19. Muslim democrats, inshallah // The Economist. 2017. 26 aug. – 1 sep. P. 18–20.
20. Politics of Islamism / Edited by J. Esposito, L. Zubaidah Rahim, N. Ghobadzadeh. Palgrave Macmillan, 2018. 292 p.
21. Remarks by President Trump on Iran Strategy // The White House. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/> – Дата обращения: 4 июня 2018.
22. Remarks by President Trump on the Joint Comprehensive Plan of Action // The White House. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-comprehensive-plan-action/> – Дата обращения: 4 июня 2018.
23. *Roy O.* Political Islam After the Arab Spring // Foreign Affairs. 2017. November/December. Vol. 96. No. 6. P. 127–132.
24. *Ryan C.* The New Arab Cold War and the struggle for Syria // Middle East Report (262). 2012. P. 28–31.
25. *Solana J.* A new era of nuclear uncertainty // Project Syndicate. – Режим доступа: https://www.project-syndicate.org/bigpicture/another-middle-east-meltdown?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=d27918e826-op_newsletter_2018_18_05&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-d27918e826-93856777&mc_cid=d27918e826&mc_eid=5314e34c2b – Дата обращения: 26 мая 2018.
26. *Swaine J.* US threatens European companies with sanctions after Iran deal pullout // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/13/>

us-sanctions-european-countries-iran-deal-donald-trump – Дата обращения: 4 июня 2018.

27. *Valbjorn M., Bank A.* The New Arab Cold War: Rediscovering the Arab dimension of Middle East regional politics // *Review of International Studies*. 2012. 38(1). P. 1–22.
28. We May Hit Russian Systems in Syria, Israel Says After Threats of 'Catastrophic Consequences' // *The Haaretz*. – Режим доступа: https://www.haaretz.com/whdcMobileSite/israel-news/.premium-israel-may-hit-russian-systems-in-syria-defense-minister-warns-putin-1.6027919?utm_campaign=newsletter-most-read&utm_medium=email&utm_content=https%3A%2F%2Fwww.haaretz.com%2Fisrael-news%2Fwe-may-hit-russian-systems-in-syria-israel-says-after-threats-of-catastrophic-consequences-1.6027919&utm_source=smartfocus – Дата обращения: 28 мая 2018.

Экологическая обстановка в Каспийском регионе

Ecological Situation on the Caspian Sea

С.Ю. Черницына

Черницына София Юрьевна, аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: автор рассматривает экологические вопросы, связанные с добычей и транспортировкой углеводородов из Каспийского региона в последние годы. Автор отмечает, что активное промышленное освоение нефтегазовых месторождений может привести к загрязнению водоема и непоправимым экологическим последствиям. Иностранные компании представляют новые технологические разработки, которые оказываются неэффективными, в то время как количество добываемого и транспортируемого сырья продолжает расти. Основным сдерживающим фактором в процессе освоения нефтяных и газовых месторождений на шельфе Каспийского моря по-прежнему остается неурегулированный международно-правовой статус моря. Он не позволяет приступить к полномасштабному освоению ресурсов и ускоренному уничтожению Каспия.

Ключевые слова: Каспийское море, экология, разработка и добыча углеводородов, международно-правовой статус, подводные трубопроводы.

Abstract: the article entitled «Ecological Situation on the Caspian Sea» is about ecological issues, which are connected with the production and transport of hydrocarbons from the Caspian region during last years. The author says that an active industrial development of oil and gas fields may lead to pollution of the sea and irreparable consequences. Foreign companies present new technological developments, which are ineffective, while the amount of produced and transported raw materials continues to grow. According to the author, the main limiting factor in the oil and gas development and production of the Caspian sea is still unregulated legal status of the sea, which is the only obstacle to begin a full-scale development of resources and accelerated destruction of the Caspian sea.

Key words: the Caspian sea, ecology, hydrocarbon development and production, legal status, underwater pipelines.

Каспийское море – один из крупнейших водоемов мира. Его особенность заключается в том, что оно является замкнутым и бессточным [1: 1–2]. Море не только имеет важное значение в регуляции климатических условий большого по своей площади региона, простирающегося от Северного Кавказа до Центральной Азии, но и непосредственно само очень тонко реагирует на изменения климатических факторов, в том числе на те процессы, которые происходят в результате деятельности человека.

Значительную часть загрязняющих веществ приносят в водоем реки, которые впадают в Каспий, особенно Волга [2: 15]. Попадание в водоем большого количества неорганических соединений приводит к неконтролируемому активному росту и распространению различного рода фитопланктона, часто несвойственного данному водоему и климатическому поясу. В связи с этим происходит нарушение естественного развития и функционирования моря, ухудшается качество воды и исчезают те виды рыб, которые являются кормовыми для промысловых видов. Снижается популяция ценных пород рыб, укрепляется в своих позициях браконьерство.

Несмотря на то, что в последние годы нет точных данных о том, откуда попадает в Каспий большинство загрязняющих веществ (с суши или с моря), очевидно, что с ростом значения Каспийского водоема для развития экономики прибрежных государств вопрос экологии в водоеме становится все острее. При этом разработку нефтяных месторождений можно назвать едва ли не единственным значимым антропогенным фактором влияния [3: 4].

Дальнейшее активное промышленное освоение углеводородных месторождений может привести к усилению нефтяного загрязнения водоема. У берегов Азербайджана уже наблюдаются «мертвые» зоны, которые образовались в XIX веке вследствие добычи нефти еще на самом первом этапе освоения энергетических ресурсов. На современном этапе основными угрозами для водоема, связанными с нефтью, могут стать разработка месторождений на шельфе, транспортировка углеводородных ресурсов танкерами и с помощью подводных трубопроводов, загрязнение моря в результате поднятия его уровня и затопления ближайших нефтяных объектов, а также выходы нефти из естественных поверхностных источников на дне моря.

Исследование поверхности Каспия на предмет наличия темных нефтяных пятен дает неутешительные результаты: обширные затемнения просматриваются на всех радиолокационных изображениях и во всех частях Каспийского моря [4: 95–98]. Однако эта проблема не придается широкой огласке, так как полученные результаты не публикуются.

Такой подход позволяет игнорировать проблемы, связанные с загрязнением, и продолжать работу энергетических ресурсов ускоренными

темпами. Решение экологических вопросов предлагается искать следующим поколениям, которые будут получать прибыль от экспорта углеводородов, а следовательно, будут иметь необходимые финансовые и технические возможности для их решения.

В последние десятилетия разведку и освоение углеводородных ресурсов удается сдерживать только «благодаря» неурегулированному статусу Каспийского моря [5: 3–4]. Так, Азербайджан, Туркменистан и Иран не начинают освоение подводных нефтяных месторождений в связи с тем, что до сих пор нет понимания о принципах раздела дна водоема в пятистороннем формате. Пока объемы добычи сохраняются на достаточно низком уровне. На данном этапе удается избежать строительства нефтепровода по дну Каспийского моря. Тем не менее погоня за потенциально огромными прибылями, которые можно получить в результате продажи нефти, добытой в регионе [6: 1–2], ведет не только к наращиванию объемов нефтяной промышленности, но и к тому, что крупнейшие транснациональные корпорации, ведущие деятельность в регионе, научились обходить или игнорировать неурегулированные вопросы и проблемы.

Ряд российских научно-исследовательских институтов, такие как Мурманский морской биологический институт КНЦ РАН [7], Институт океанологии РАН [8] и другие, провели несколько собственных экспедиций в целях определения схемы экосистемы Каспия (речь идет о Северной его части). Кроме того, они провели анализ основных биологических видов, их взаимосвязь друг с другом, и сформулировали перечень воздействий, которым эти виды могут быть подвержены в случае эксплуатации месторождений и при возможных разливах нефти.

По результатам исследований были сделаны следующие выводы: безаварийная деятельность не окажет существенного влияния на экосистему. В случае разлива нефти (более 200 м³) и при достижении нефтяными пятнами береговой линии под негативным воздействием окажутся водоплавающие птицы и тюлени, морские обитатели, например рыбы.

Основной угрозой разлива служат шельфовые разработки [9]. Наиболее перспективное из всех шельфовых месторождений – это месторождение Кашаган (Казахстан) [10; 11]. Его разработка требует особой осторожности и технических навыков. Сочетание таких факторов, как высокое давление и значительное содержание сероводорода, не просто затрудняет разработку месторождения, но и создает огромные экологические риски. В результате таких сложных геофизических условий многие технологии для разработки месторождений Каспийского моря приходится создавать с нуля. С учетом мелководья [1: 3] в этой части Каспия обычные нефтедобывающие платформы не могут быть установлены. К тому же стоит принять во внимание тот факт, что этот участок водоема замер-

зает зимой. Следовательно, необходимо не только создать замкнутый цикл эксплуатации в целях сохранения целостности окружающей среды, внедрить механизм максимального извлечения ресурсов в этих условиях, но и защитить многокилометровые металлические конструкции ото льда, воздействия сероводорода и высокого давления [16: 104–106].

Компании-разработчики (итальянская Eni и британская BG) представили на рассмотрение Казахстана проект потенциальных работ и новые технологические разработки, которые, по мнению иностранных инженеров, должны были минимизировать все возможные риски, в том числе экологические, при разработке Кашаганского месторождения [11]. Однако руководство Казахстана не приняло безоговорочно предложенный проект, сославшись на то, что он не гарантирует полной безопасности. Так, предлагалось покрывать все металлоконструкции специальным составом, после чего прятать их в песок, придавливать бетонными плитами, а получаемую при добыче нефти серу складировать закрытым способом в специальных емкостях, которые со всех сторон были бы покрыты материалом со встроенными микроскопическими датчиками. Но даже при таких условиях эксплуатации месторождений разработчики не исключали риск разлива нефти (около 5 т), которые могут попасть в водоем со вспомогательной техники, при условии, что аварии будут случаться не чаще одного раза в 10 лет. В итоге разработчики не смогли предложить механизм управления этим бедствием для уникальной экосистемы и рассчитать его эффективность [4: 135].

Очевидно, что в вышеприведенной технологической концепции не были учтены влияние добычи на миграцию популяций рыб и тюленей, а также проблемы, связанные с послеэксплуатационным загрязнением окружающей среды из скважин [4: 135–136], которые уже отработали свой ресурс [12: 53–55]. С учетом очень высокого пластового давления старые заглушенные скважины могли вновь начать работать. Фонтана нефти любой интенсивности будет достаточно, чтобы нанесенный водоему урон оказался непоправимым [13].

Другим опасным для региона аспектом нефтегазовой деятельности можно считать транспортировку энергоносителей [3: 4–5]. Если учитывать удаленность Каспийского моря от основных рынков сбыта и потребителей, то транспортировка рассматривается не только как важное звено в цепочке энергопотребления, но и как потенциальная угроза для экологии региона. Среди основных направлений и способов транспортировки выделяются танкеры и подводные трубопроводы. На фоне получения сверхприбыли и геополитических выгод экологический аспект отходит на второй план. Промышленное освоение ресурсов неизбежно ведет к поискам путей транспортировки энергоносителей с восточного берега

Каспия на западный и далее в Европу. Предпочтение отдается морской транспортировке танкерами или подводными трубопроводами [3: 4–5].

В настоящее время танкеры транспортируют большую долю энергоносителей в регионе. С каждым годом использование танкеров получает все более широкое распространение. Несмотря на сложные погодные условия (частые штормы, ледовый покров в северной части водоема), танкерные перевозки не только не прекращаются, но и расширяются. Танкерный флот при этом не соответствует нормам экологической безопасности. Большую часть танкеров составляют старые суда, которые не просто вышли из строя, а изначально не были приспособлены под перевозку нефти и нефтепродуктов. Зачастую эти суда переделаны из бывших сухогрузов. Несложно понять, что такого рода танкеры не подходят для транспортировки особо опасных для экологии грузов. В случае даже самой незначительной аварии экологической катастрофы Каспийскому морю не избежать [4: 102]. По этой причине страны региона предпринимают меры, направленные на обеспечение экологической безопасности. Так, Казахстан еще в 2008 г. разместил заказ на производство 12 танкеров, которые соответствовали всем международным нормам экологической безопасности [10]. Азербайджан также обновляет свой танкерный флот.

Остается открытым вопрос относительно тоннажности судов. В 2006 г. британская компания Greenoak намеревалась пролоббировать проект о вводе в эксплуатацию трех танкеров водоизмещением 60 т [17]. Однако руководство азербайджанской компании «Каспийское морское пароходство» выступило против реализации этой идеи, обосновав свой протест тем, что использование крупнотоннажных судов небезопасно для Каспия как с точки зрения мореплавания, так и с точки зрения экологических рисков [15: 256]. В то же время получение дополнительной прибыли и выгод диктуют свои правила: использование крупнотоннажных танкеров может минимизировать транспортные расходы при транспортировке через Каспий и позволит сэкономить более 1 млрд долларов [11].

Еще более опасный способ транспортировки нефти – использование подводных трубопроводов, проекты которых активно инициируются западными странами, в том числе США. Эти проекты направлены в первую очередь на изоляцию России, отстранение ее от участия в формировании транспортных потоков, в том числе через ее территорию [6].

При использовании подводных трубопроводов можно выделить следующие экологические риски. *Во-первых*, трубопроводные трассы должны проходить по зонам, где опасность возникновения оползней отсутствует или совсем мала. Оползневые явления в свою очередь появляются по причине подводных землетрясений. Поскольку дно Каспия сложено из рыхлых по-

род, его нельзя назвать подходящей «площадкой» для прокладки трубопровода [16: 96–99].

Во-вторых, помимо естественных природных катаклизмов в виде оползней и подводных землетрясений, нельзя исключать и террористические атаки, которые вероятны в связи с нестабильной политической обстановкой в прикаспийских странах, и стремление террористических группировок нанести экономический ущерб США и их партнерам [2: 102]. Транскаспийские трубопроводы подходят для этих целей по всем показателям: с одной стороны, атака на подобные объекты вызовет резонанс в мировом сообществе, с другой – станет причиной многомиллиардных финансовых потерь США и их партнеров.

В-третьих, подводные трубопроводы, особенно если речь идет о газо- и нефтепроводах большой пропускной способности, могут вызывать виброакустические поля, которые на неглубоких участках могут стать непреодолимым препятствием для осетра в период сезонной миграции. В результате осенью популяция этой ценнейшей рыбы не сможет уйти в теплые воды южной части Каспия на зимовку, а весной – вернуться в дельту Волги для нереста [4: 130].

Таким образом, нефте- и газодобыча в замкнутом, внутриконтинентальном море, которым является Каспий, могут нанести экосистеме непоправимый вред. Это, несомненно, повлечет за собой угрозу здоровью и, возможно, даже жизни тысяч людей, которые проживают на берегах Каспийского моря.

Очевидно, что экологические проблемы необходимо решать добросовестно и совместными усилиями. После образования новых прикаспийских государств в результате распада Советского Союза в 1991 г. была подписана Алма-Атинская декларация. В ней бывшие республики, в том числе расположенные на Каспии, гарантировали выполнение международных обязательств, которые были закреплены в договорах и соглашениях, подписанных СССР [5: 4]. В октябре 1992 г. в столице Ирана прикаспийские страны приняли решение по формированию специализированных комитетов, среди которых были и комитет по охране окружающей среды, и комитет по сохранению и использованию биоресурсов.

В период с 1994 по 1997 г. в рамках регионального сотрудничества было предложено несколько соглашений и договоров, касающихся природоохранной деятельности прикаспийских государств, среди которых отметим Соглашение по изучению и освоению минеральных ресурсов Каспийского моря (1994 г.), Соглашение по защите Каспийского моря от загрязнения (1994 г.) и др. Тогда эти документы так и не были приняты, так как возник вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря.

Экологические аспекты нефтегазовой отрасли непосредственно связаны с решением вопроса международно-правового статуса водоема [5: 4–5]. Исторически Каспий был условно разделен между Россией и Персией, позже – между Персией и СССР. С XIX века двусторонние договоры и соглашения регулировали статус водоема, режим судоходства, торговлю, мореплавание. После распада СССР статус Каспия как закрытого водоема не должен был измениться, так как все новообразованные государства должны были признать не только преемственность территориальных прав, но и юридическую силу актов, в соответствии с которыми определялись статус Каспийского моря, а также права и обязанности сторон. Тем не менее заинтересованные в добыче углеводородного сырья на Каспии западные страны, а также новые прикаспийские республики, поддавшись давлению внерегиональных государств, настаивали на несостоятельности действующего в период СССР статуса Каспия и добивались его изменения. Основной целью было превращение Каспия из «рыбного» водоема в «нефтяной» в целях получения прибыли [6].

Нерешенность международно-правового статуса Каспийского моря не сняла с региональных стран ответственность за экологическую ситуацию на Каспии. Все прибрежные страны понимали, что для сохранения и защиты уникальной экологической системы необходимо не столько глобальное, сколько региональное сотрудничество. Развитие такого сотрудничества возможно только при условии прочной правовой основы, которая будет учитывать и физико-географические, и международно-правовые особенности водоема [5: 4–5].

В 1998 г. в рамках международной межправительственной организации была предложена Каспийская экологическая программа (КЭП) [2: 101–102]. Основными целями КЭП провозглашались «экологически устойчивое развитие и управление морской средой Каспия с целью достижения положительных долгосрочных эффектов для населения, проведение мер по защите здоровья населения, восстановление экологической целостности и обеспечение устойчивости региона для будущих поколений» [14].

Однако с течением времени эта организация становилась все более закрытой, общественность не имела никакой информации о деятельности КЭП, в руководстве не было выделено ни одного места для представителя общественности. На Каспии стали все чаще появляться транснациональные корпорации (ТНК). Точных данных о том, насколько вошедшие в регион ТНК соблюдали общепринятые экологические правила и насколько добросовестно они отчисляли средства в специально создаваемые экологические фонды, нет.

Подводя итог деятельности КЭП, необходимо сказать, что она должна была работать на благо региона и координировать усилия экологических

организаций. Однако по факту она оказалась структурой, лоббирующей интересы нефтегазовых корпораций. Западные страны, принесшие идею КЭП, не могли иначе попасть в регион и получить возможность беспрепятственно эксплуатировать топливно-энергетические ресурсы региональных стран. КЭП не только не помогла решить экологические проблемы, но и не предотвратила и даже не предупредила о новых вызовах, хотя обладала большим объемом информации об экологии региона и могла организовать принятие необходимых мер на национальном, региональном и международном уровнях.

В заключении хотелось бы обратить внимание на несколько ключевых моментов. Несмотря на то, что объем потенциальных запасов углеводородов Каспийского моря до сих пор точно не определен, ведется масштабная деятельность по их добыче. Следовательно, ежедневно Каспийское море подвергается риску. Освоение ресурсов, которое ведется на Каспии, идет несколько медленнее ожидаемых темпов. Прирост объемов добываемых ресурсов происходит за счет разработки и ввода в эксплуатацию наиболее опасных с точки зрения экологии морских месторождений.

Растущий спрос на нефтегазовые ресурсы ведет к поиску новых путей транспортировки сырья. Маршруты транспортировки нефти и газа, добываемых на Каспии, находятся на «перекрестке» основных перспективных рынков сбыта, что также усиливает экологические риски.

Не оправдан подход, когда экологический фактор принимается во внимание при выборе маршрутов и способов транспортировки энергоносителей в последнюю очередь [2: 100–102]. Анализируя основные виды деятельности человека в регионе, можно с уверенностью сказать, что именно деятельность, связанная с добычей и транспортировкой углеводородов, а также возможные разливы нефти выступают в качестве основных факторов экологической катастрофы для прибрежных территорий водоема [4: 95–96].

Таким образом, неэффективные механизмы сотрудничества в области охраны природы, а также отсутствие у региональных стран взаимодействия могут стать причиной ухудшения экологии. Масштабная деятельность, направленная на добычу углеводородных ресурсов, проводимая на Каспии на протяжении последних десятилетий, может стать не просто источником загрязнения уникального водоема, но и предпосылкой для разрушения его экосистемы. Это может негативно сказаться на социально-экономической ситуации в прибрежных районах и на жизни людей, проживающих на берегах Каспия [2: 100–102].

Источники и литература

1. Каспийское море. Величайший бессточный водоем на планете // Наука и техника. Природа и экология. – Режим доступа: <http://sci-nature.ru/kaspijskoe-more-velichajshij-besstochnyj-vodoyom-na-planete>. – Дата обращения: 15 мая 2018.

2. Каспий. Проблемы Каспия, решения проблем Каспия на современном этапе. – Режим доступа: <https://ecoteco.ru/library/magazine/zhurnal-111/ekologiya/kaspiy-problemy-kaspiya-resheniya-problem-kaspiya-na-sovremennom-etape> – Дата обращения: 15 мая 2018.
3. Быстрова А.К. Проблемы транспортной инфраструктуры и экологии в Каспийском регионе (добыча и экспортные перевозки углеводородов). М.: ИМЭМО РАН, 2009. 96 с. – Режим доступа: <http://old.imemo.ru/ru/publ/2009/09027.pdf> – Дата обращения: 12 мая 2018.
4. Картамышева Е.С., Иванченко Д.С. Последствия добычи нефти и газа на Каспийском море // Молодой ученый. 2017. № 25 (159). – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/159/44710/> – Дата обращения: 12 мая 2018.
5. Defining the Caspian Sea: A sea or a Lake? // Каспийский вестник. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/konventsiiya-o-pravovom-statuse-kaspijs> – Дата обращения: 18 мая 2018.
6. Катона В. Нефть и газ Каспийского региона между Европой и Азией. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neft-i-gaz-kaspijskogo-regiona-mezhdu-evropoy-i-aziey> – Дата обращения: 12 мая 2018.
7. Официальный сайт Мурманского морского биологического института. – Режим доступа: <http://www.mmbi.info> – Дата обращения: 18 мая 2018.
8. Официальный сайт Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН. – Режим доступа: <https://ocean.ru>. – Дата обращения: 18 мая 2018.
9. Каспийский шельф: новые горизонты «ЛУКОЙЛа». – Режим доступа: <https://glavportal.com/materials/kaspijskij-shelf-novye-gorizonty-lukoilja> – Дата обращения: 15 мая 2018.
10. Johnston D. Chapter 12. Kashagan and Tengiz – Castor and Pollux // International exploration economics, risk, and contract analysis. Tulsa, Oklahoma: PennWell Corporation, 2003. P. 201–203.
11. Полтавский Д. Пресса Британии: «Подключайте Путина» // NEWS. Русская служба. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/uk/2015/09/150921_brit_press/ – Дата обращения: 15 мая 2018.
12. Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион. Политика, экономика, сотрудничество. М.: Аспект Пресс, 2017. 304 с.
13. Мартынюк О. Кашаган или жизнь. – Режим доступа: <https://www.caravan.kz/articles/kashagan-ili-zhizn-371700> – Дата обращения: 16 мая 2018.
14. Использование каспийского потенциала биоресурсов // Каспийский вестник. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/ispolzovanie-kaspijskogo-potentsial/> – Дата обращения: 16 мая 2018.
15. Широкоград А.Б. Борьба за Каспий и Каспийская флотилия. М.: Вече, 2016. 384 с.
16. Свиточ А.А. Большой Каспий. Строение и история развития. М.: Издательство Московского университета, 2014. 272 с.
17. Усейнов А. Танкерная конкуренция на Каспии обостряется. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1055305320> – Дата обращения: 16 мая 2018.

Особенности реализации американской стратегии сдерживания на современном этапе

Features of American deterrence strategy implementation at present stage

А.К. Нестеров

Нестеров Алексей Константинович, аспирант Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: статья посвящена исследованию ключевых принципов реализации американской стратегии сдерживания, а также ее концептуальных основ. Подробно исследуется роль стратегии во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов. Детально рассмотрены практические шаги применения стратегии сдерживания. В частности, внимание акцентируется на силовом факторе стратегии, который активно используется Соединенными Штатами на Ближнем Востоке в качестве основного способа достижения внешнеполитических целей в регионе. В связи с изменением политики США в отношении Китая, усиления градуса силового и экономического противоборства между двумя странами, в работе также исследуются характерные признаки трансформации сдерживания против КНР. Особое внимание уделяется исследованию методов использования американской стратегии сдерживания в отношении Российской Федерации. Отдельно анализируется роль Североатлантического альянса в качестве инструмента сдерживания России. Ввиду динамичного развития наукоемкого и высокотехнологичного потенциала США автор предпринял попытку выявить новые направления американской стратегии сдерживания с учетом появления новых вызовов и угроз.

Ключевые слова: Соединенные Штаты, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, стратегия сдерживания, международная безопасность, кибербезопасность, ядерное вооружение.

Abstract: the article is devoted to the examination of the key principles of the implementation of the American deterrence strategy, as well as its conceptual framework. The author examines the role of the strategy in US foreign policy. The article pays significant attention to practical steps of deterrence strategy implementation. In particular, the author focuses on the role of hard power in the strategy which the United States actively

practices on the Middle East as the main way to achieve foreign policy goals in the region. In connection with USA changed it's policy towards China along with the increasing military and economic confrontation between the two countries, the article also examines crucial aspects of deterrence strategy transformation against China. The research provides the practical measures of the US deterrence strategy towards the Russian Federation. The author analyzes a role of NATO as a tool to deter Russia. Nowadays The United States develop dynamic it's science-intensive and high-technology potential in consequence of the author has attempted to identify new ways of the US deterrence strategy taking into account the emergence of new challenges and threats.

Key words: the United States, Russia, China, deterrence strategy, international security, cyber security, nuclear weapon.

Современный этап международных отношений переживает переходный период, суть которого заключается в формировании полицентричной международной системы. В настоящее время мировое сообщество начинает взаимодействовать на качественно новых принципах. В первую очередь это обусловлено экономической, информационной и культурной глобализацией. Возрастает фактор взаимовыгодного сотрудничества между странами разных регионов земного шара.

В настоящее время расстановка сил на мировой арене отражает тот факт, что после распада биполярного мира и продолжающихся безуспешных попыток Соединенных Штатов создать монополярное мироустройство появляются новые центры силы: страны БРИКС и АСЕАН, ШОС, Россия, Китай, Бразилия, Индия.

Стремление западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством влияния на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях. Борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития [3].

С учетом современных конъюнктуры в мировой политике и международной безопасности Соединенные Штаты начали постепенно утрачивать единоличное и безоговорочное лидерство в мировых делах. В связи с этим концепция стратегии сдерживания вновь стала главным принципом при разработке нового американского внешнеполитического курса. При этом особенное внимание США уделяют выработке новых механизмов сдерживания в целях сохранения контроля над рядом ключевых международных политических и экономических процессов.

Современная концепция американской стратегии сдерживания состоит из двух основных компонентов: «...во-первых, из демонстрации намерений защищать определенные интересы; во-вторых, из демонстрации способности фактически добиваться необходимой цели или нанести такой ущерб оппоненту, что даже если он сможет достичь своей цели, то это для него будет невыгодным» [19].

Среди отличительных особенностей стратегии сдерживания в эпоху многополярности необходимо выделить изменение целевого объекта сдерживания. В период холодной войны Соединенные Штаты противостояли исключительно государственному актору. В настоящее время США вынуждены одновременно эффективно сдерживать две разные категории противников. К первой категории относятся государственные акторы, такие как Россия, Китай, Северная Корея. Вторая категория включает в себя внесистемных акторов, например, террористические организации, которые не имеют определенной государственной принадлежности, что стало причиной пересмотра ряда аспектов стратегии сдерживания.

Стремительный рост влияния ряда региональных лидеров на формирование политической и экономической повестки дня наносит ущерб жизненно важным интересам Соединенных Штатов в разных частях земного шара. В связи с этим российский эксперт О.П. Иванов подчеркивает: «Стратегия сдерживания не может продолжать фокусироваться только на каком-либо одном или двух противниках, а должна быть нацелена на более многочисленных и разных по степени опасности угроз региональных противников США, т.е. политика сдерживания становится все более регионально ориентированной» [5: 48].

На этом фоне одна из главных характерных особенностей стратегии в полицентричной системе миропорядка – это появление модели регионального сдерживания. В сложившейся ситуации перед руководством и экспертным сообществом США возникла необходимость решения ряда задач: 1) определить круг первостепенных национальных интересов ввиду неограниченных материальных и военных ресурсов; 2) проанализировать сильные и слабые стороны страны-противника, а также особенности его внешней и оборонной политики.

Важность разработки новой стратегии сдерживания с учетом текущей обстановки в области международной безопасности также подтверждает положения действующей Стратегии национальной безопасности США: «Сегодня осуществлять сдерживание значительно сложнее, чем во время холодной войны. Противники изучили американские способы ведения военных действий и начали вкладывать средства в те возможности, которые не только направлены на наши сильные стороны, но и воздействуют на слабые. Распространение точного и недорогого ору-

жия, а также использование киберинструментов позволили государственным и негосударственным оппонентам наносить вред Соединенным Штатам в разных областях. Такие возможности оспаривают области, до недавнего времени считавшиеся сферой господства США: сухопутная, воздушная, морская, космическая, а также киберпространство. Это также позволяет противникам совершать стратегические нападения на Соединенные Штаты без применения ядерного оружия, способами, которые могли бы подорвать нашу экономику и способность развертывать наши вооруженные силы. Таким образом сдерживание должно быть расширено на все эти направления и учитывать все возможные стратегические атаки» [4: 27].

Анализируя особенности реализации американской стратегии сдерживания, стоит отметить фактор силы, который связывает единой нитью всю стратегию сдерживания. Как утверждает американский политолог Р. Каган, «США с гораздо большей легкостью прибегают к силе и проявляют куда меньше терпения в дипломатии. Для США мир сводится к противостоянию добра и зла, делится на друзей и врагов. Сталкиваясь с реальным или потенциальным противником, Соединенные Штаты скорее готовы принуждать, а не убеждать, грозить наказанием. В международных отношениях американцы хотят окончательной определенности: проблемы должны быть решены, угрозы устранены. И разумеется, Соединенным Штатам все более становится свойственна односторонность подхода. Они не склонны решать общие задачи в сотрудничестве с другими государствами, при посредстве международных организаций вроде ООН, более скептически настроены по отношению к международному праву и готовы выйти за его рамки тогда, когда это кажется им необходимым или даже просто полезным» [13].

В качестве доказательства приверженности США регулярному использованию своих силовых возможностей можно констатировать следующие факты. Проведенное экспертами Соединенных Штатов исследование показывает, что в течение XX века США применяли военную силу за рубежом более 200 раз [14]. Начиная с 2000 г. по настоящее время Соединенные Штаты прибегали к использованию военной силы с учетом краткосрочных военных операций более 15 раз [15].

Среди характерных признаков американской стратегии сдерживания в условиях полицентричной международной системы стоит выделить возрастающую роль дипломатии. Фактор распространения ОМП, увеличение числа членов «ядерного клуба» и экономическая взаимозависимость среди государств мирового сообщества не позволяют Соединенным Штатам в одностороннем порядке применять силовые элементы стратегии сдерживания и использовать нечто большее, чем военное мастерство.

Американский эксперт Ч. Фримен отмечает: «Сдерживание может стать отправной точкой для дипломатических усилий по урегулированию конфликта интересов. Но если оно не подкрепляется дипломатией, такой конфликт может сохраняться и даже усиливаться. Пытаясь снять неопределенность посредством одних только инструментов сдерживания, без дипломатических усилий и полагая, что наша (США. – А.Н.) колоссальная мощь делает сдерживание само по себе адекватным ответом на угрозы нашим интересам в том виде, в котором мы их понимаем, мы по неосмотрительности продлеваем опасность вооруженного конфликта, создавая задел проблем на будущее, а также даем нашим потенциальным противникам запас времени для наращивания своих сил по отношению к нашим» [20].

В то же время, реализуя стратегию сдерживания посредством дипломатии, необходимо учитывать следующие аспекты. Во-первых, перед тем как использовать дипломатические методы, нужно понимать, сработает ли сдерживание именно в формате дипломатии или потерпит неудачу. Во-вторых, нужно проанализировать предыдущий опыт применения дипломатических элементов в отношении целевого оппонента. В-третьих, многое зависит от военно-политических и экономических возможностей страны, так как только исключительно сильное государство может проводить внешнеполитический курс, опираясь на свой дипломатический потенциал. В этом случае актуально высказывание короля Фридриха Великого: «Дипломатия без оружия, что музыка без инструментов» [21: 71].

Финансовые возможности позволяют Соединенным Штатам в XXI веке активно применять экономические рычаги сдерживания в отношении стран, которые уступают по этим показателям их потенциалу. В этом случае США применяют следующий алгоритм действий: 1) создается изоляционный режим; 2) вводятся санкции против объекта сдерживания. В дополнение, в целях нанесения противнику более тяжелого ущерба, США привлекают самый широкий круг союзников, которые в свою очередь также применяют ограничительные меры в отношении объекта сдерживания.

На сегодняшний день Соединенные Штаты ввели санкции в отношении 20 стран в разных регионах мира. По мнению руководства США, санкции являются эффективным средством сдерживания оппонентов на мировой арене. В Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов отражено: «Мы будем использовать санкции и другие инструменты для изоляции государств и лидеров, которые угрожают нашим интересам и действия которых противоречат нашим ценностям» [4: 42].

В настоящее время можно наблюдать новый виток отношений США и Китая. Динамичное развитие китайского экономического могущества и политического влияния бросает вызов интересам США, вынуждая их по-

стоянно моделировать новый подход сдерживания КНР. Несмотря на наличие относительного военного паритета между двумя странами, Соединенные Штаты предпринимают разные методы силового сдерживания Китая. В практическом плане это выражено в противоборстве обеих сторон в Южно-Китайском море. Данный вопрос важен для Китая по нескольким причинам. Во-первых, Южно-Китайское море призвано стать базой для подводных ядерных сил страны. Во-вторых, через его воды осуществляется обеспечение экономической безопасности страны путем бесперебойных поставок углеводородов из стран Северной Африки и Ближнего Востока.

Со своей стороны Соединенные Штаты постоянно демонстрируют КНР сосредоточение военно-морской мощи США в регионе, в частности направляя корабли ВМС в район архипелага Спратли, тем самым, по мнению Китая, нарушая суверенитет КНР. Улучшению китайско-американских отношений не способствует факт размещения на территории Республики Корея системы комплексов ПРО THAAD, против чего решительно выступает КНР. По мнению китайских специалистов, «это лишь еще более усилит взаимные подозрения и недоверие между двумя державами» [16]. При этом Соединенные Штаты расширили спектр сдерживания против Китая с помощью экономических мер. 22 марта 2018 г. президент США Д. Трамп, регулярно «вспоминая» в ходе своей предвыборной президентской кампании об убытках, который Китай несет экономике США, подписал указ о вводе торговых санкций против КНР. Как уточнил Трамп, «введение санкций было частью усилий для восстановления справедливости. Китай налагает 25%-ный тариф на американские автомобили, в то время как США – только 2,5%-ную пошлину на китайские автомобили. Они наносят ущерб нам, мы делаем то же самое им» [17]. По предварительным подсчетам, общий объем китайских товаров, затронутых торговыми санкциями, оценивается в 60 млрд долл. и составляет более 10 % импорта Соединенных Штатов.

Яркий пример реализации американской стратегии сдерживания с непосредственным использованием силовых методов наблюдается в политике США на Ближнем Востоке. Руководствуясь принципом продвижения демократических ценностей в регионе, Соединенные Штаты осуществили в 2003 г. военное вторжение в Ирак. Спустя восемь лет инициировали ввод сил международной коалиции в Ливию, способствовали организации беспорядков и политической дестабилизации в нескольких странах региона, которые до сих пор переживают период дестабилизации, фактически находясь на грани распада. Однако интерес США к Ближнему Востоку продиктован отнюдь не заботой о торжестве демократии в регионе. «Значимость Ближнего Востока в современном мире продиктована

экономическими, политическими, военно-стратегическими факторами. С военно-политической точки зрения Ближний Восток занимает важное геостратегическое положение. Контроль над этим регионом позволяет связать воедино Западную Европу, Средиземноморье, Индийский океан, Восточную Азию. Это значительно сокращает протяженность морских коммуникаций. Кроме этого, в последнее столетие возросло значение некоторых проливов, расположенных на Ближнем Востоке. Это связано с выполнением ими экономических функций и особенно функций «нефтяного транзита» [18].

Наращение военно-политического противоборства между Россией и США дает возможность констатировать, что сегодня Соединенные Штаты также реализуют расширенное сдерживание в отношении Российской Федерации. Американский эксперт П. Бейкер отмечает: «Подобно тому, как США после Второй мировой войны решили противостоять Советскому Союзу с его глобальными амбициями, сегодня (Соединенные Штаты. – А.Н.) сосредоточились на изоляции России, разрывая ее экономические и политические связи с внешним миром, ограничивая экспансионистские амбиции этой страны на ее ближайшей периферии и, по сути, превращая ее в отверженное государство» [6].

Несмотря на наличие ядерного паритета, Соединенные Штаты по-прежнему полагают, что им удастся организовать изоляцию и блокаду России, и намерены выстраивать свою стратегию сдерживания, основываясь на этих принципах. Можно предположить, что причиной является уверенность в собственной исключительности или попытка выдать желаемое за действительное.

Одним из главных сдерживающих инструментов США против Российской Федерации остается Североатлантический альянс. Руководство НАТО пытается продемонстрировать всему мировому сообществу «угрозу» начала военных действий в целях оккупации Прибалтики и Скандинавских стран, исходящую со стороны Российской Федерации. Проведение масштабных учений, полеты стратегической авиации, обновление северного флота России воспринимается как угроза безопасности и вызывает озабоченность у США и их союзников – Великобритании, Японии. Среди практических мер реализации стратегии сдерживания России с помощью возможностей Североатлантического альянса можно выделить следующие:

- расширение количества стран – членов НАТО и приближение военной инфраструктуры Альянса к границам Российской Федерации;
- развертывание вооружений ядерного характера, например, в Германии и Турции, которые перекрывают военный потенциал России практически до Урала, т. е. до той части территории Российской Федерации, на которой сосредоточен основной ядерный потенциал России.

В связи с возрастающей ролью информационных технологий в системе международной безопасности особое внимание Соединенные Штаты также уделяют обеспечению кибербезопасности страны. «Кибератаки стали ключевой особенностью современного конфликта. Соединенные Штаты будут удерживать, защищать и в случае необходимости уничтожать злонамеренных участников, которые используют возможности киберпространства против Соединенных Штатов» [4: 25].

Практика показывает, что Соединенные Штаты нередко используют возможности киберпространства для сдерживания оппонентов на международной арене. Американский эксперт Д. Сангер, раскрывая некоторые аспекты киберполитики США, утверждает, что Соединенные Штаты уже долгое время занимаются поиском мер в целях проведения атак по объектам противника без применения живой силы. Один из таких способов – разработка вируса Stuxnet в рамках операции «Олимпийские игры». Первые исследования были проведены при президенте Дж. Буше в начале 2000-х гг. На практике Соединенные Штаты применили вирус Stuxnet для атаки ядерной инфраструктуры Ирана в 2010 г. Как подчеркивает Сангер, «после ряда консультаций с директором Центрального разведывательного управления Б. Обама отдал приказ о проведении серии атак. В результате вирус Stuxnet вывел из строя 1000 из 5000 центрифуг, которые Иран использовал для обогащения урана» [7]. В связи с этим можно полагать, что операция «Олимпийские игры» – первый случай, когда Соединенные Штаты целенаправленно реализовали стратегию сдерживания с помощью кибероружия.

В опубликованном Обзоре ядерной политики Соединенных Штатов также отмечается, что США намерены продолжать модернизацию своих ядерных сил для обеспечения сдерживания. Как заявил Д. Трамп, «стратегия укрепляет сдерживание стратегических атак против нашей страны, наших партнеров и союзников, которые могут быть осуществлены и не в форме применения ядерного оружия» [8].

Разработка новых видов вооружения всегда являлась главной движущей силой трансформации способов политического и силового сдерживания между государствами. В связи с этим наряду с развитием традиционных методов сдерживания Соединенные Штаты также уделяют особое внимание разработке оружия на новых физических принципах. Большинство проектов в данной области занимается Агентство перспективных исследовательских проектов министерства обороны США, или DARPA. Среди приоритетных направлений можно выделить исследования в сфере генного вооружения. Согласно отчетам правительства США и DARPA, для работы над проектом ведомство получило 100 млн долл. Новое оружие будет способно изменять гены живых организмов таким образом,

что они не смогут воспроизводить потомство [9]. Успешно проходят также испытания лазерного оружия, которое уже установлено на ядерный авианосец USS Gerald R. Ford и ряд самолетов BVC США [22].

Существует также ряд вспомогательных программ для реализации сдерживания, например, стратегия глобального мгновенного удара, разработанная вооруженными силами США. Суть данной программы заключается в нанесении массированного разоружающего удара по любой стране в течение 1 часа. Стратегия глобального мгновенного удара будет дополнять соединения Сил передового развертывания, экспедиционных воздушных сил, которые могут быть развернуты в течение 48 ч, и авианосных ударных групп, которые могут развернуться на театре военных действий в течение 96 ч. Prompt Global Strike позволит атаковать в течение 60 мин любую область планеты или ближнего космоса. Повышенное внимание к этой стратегии обусловлено постоянным увеличением расходов в рамках данной программы. В официальном документе Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles отражено, что на 2019–2021 гг. в рамках этой программы запланировано выделить более 1 млрд долл. [11]. Силовой потенциал глобального мгновенного удара обеспечен высокоточными современными видами вооружения. В частности, отметим Hypersonic Technology Vehicle (HTV-2) — гиперзвуковой летательный аппарат, предназначенный для полета в атмосфере, развивающий скорость до 13 201 миль/ч (21 000 км/ч).

Можно констатировать, что вопреки появлению новых центров силы на политической карте мира США продолжают исходить из однополярного мироустройства, во главе которого находятся Соединенные Штаты. В связи с этим США действуют с позиции силы против оппонентов, сдерживая их с помощью политических или силовых методов вразрез нормам международного права. Главная цель внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов – сохранение и укрепление глобального доминирования, охватывающего все основные области интересов государства: политическую, экономическую, военную, геополитическую, идеологическую.

Несмотря на текущее поэтапное формирование полицентричной модели мироустройства, Соединенные Штаты используют широкий спектр мер для сохранения единоличного военно-политического или экономического мирового лидерства. В связи с этим США активно применяет возможности стратегии сдерживания, которая в настоящее время занимает особое место в американской внешнеполитической концепции.

В политико-экономическом плане американская стратегия сдерживания реализуется посредством санкций и создания изоляционного режима. Сегодня подобные меры активно практикуются Соединенными Шта-

тами в отношении Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Ирана и КНДР.

Ключевым аспектом внешней политики США остается осуществление силового сдерживания. Наряду с использованием традиционных методов, таких как вооруженные силы или угроза применения ядерного оружия, особое внимание уделяется разработке новых перспективных мер. В первую очередь Соединенные Штаты начали использовать и активно исследовать возможности киберпространства в качестве элемента сдерживания. Они сохраняют свой интерес и к разработкам оружия на новых физических принципах. Наличие данного типа вооружения также позволяет придать стратегии сдерживания новый импульс и повлиять на баланс сил в системе международной безопасности.

Стоит отметить, что американская стратегия сдерживания не решает глобальные международные проблемы, а зачастую приносит дополнительный негативный характер. Реалии современной международной обстановки подтверждают безоговорочное формирование полицентричного мироустройства. Вопреки увеличению политической, экономической и военной роли России, Китая и ряда других стран на мировой арене, Соединенные Штаты сохраняют приверженность стратегии сдерживания в качестве краеугольного камня внешнеполитической деятельности.

Процесс осознания новой действительности миропорядка, где Соединенные Штаты не являются единственным глобальным игроком, будет проходить долго и сопровождаться появлением новых очагов противоборства между США и другими мировыми лидирующими странами в военно-политической и экономической плоскости. В связи с этим стратегия сдерживания сохраняет свою первостепенную значимость во внешней и оборонной политике США. Между тем представляется, что детальное исследование американской стратегии сдерживания поможет ключевым государствам мирового сообщества выработать альтернативные контрмеры для купирования ее влияния и, возможно, подтолкнет Соединенные Штаты к началу равноправного диалога, уважению интересов других государств, будет способствовать корректировке американского внешнеполитического вектора.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. М.: Восток – Запад, 2011. 166 с.
2. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? // *Обозреватель – Observer*. 2009. № 9 (236). С. 6–15.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/>

- foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 – Дата обращения: 23 марта 2018.
4. National Security Strategy of the United States of America. December. 2017. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> – Дата обращения: 23 марта 2018.
 5. *Иванов О.П.* Применение военной силы США: рациональный и иррациональный подход: Монография. М.: Научная книга, 2007. 160 с.
 6. *Baker P.* In Cold War Echo, Obama Strategy Writes Off Putin // The New York Times. 2014. April 19. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/04/20/world/europe/in-cold-war-echo-obama-strategy-writes-off-putin.html?hp&_r=2 – Дата обращения: 19 янв. 2018.
 7. *Sanger E. D.* Obama Order Sped Up Wave of Cyberattacks Against Iran // The New York Times. 2012. June 1. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2012/06/01/world/middleeast/obama-ordered-wave-of-cyberattacks-against-iran.html> – Дата обращения: 9 дек. 2017.
 8. Statement by President Donald J. Trump on the Nuclear Posture Review // The White House. 2018. Febr. 2. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-donald-j-trump-nuclear-posture-review/> – Дата обращения: 1 марта 2018.
 9. *Neslen A.* US military agency invests \$100m in genetic extinction technologies // The Guardian. 2017. Dec. 4. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/science/2017/dec/04/us-military-agency-invests-100m-in-genetic-extinction-technologies> – Дата обращения: 14 янв. 2018.
 10. *Sanger David E., Shanker T.* White House Is Rethinking Nuclear Policy // The New York Times. 2010. Febr. 28. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2010/03/01/us/politics/01nuke.html> – Дата обращения: 21 марта 2018.
 11. *Wolf A.F.* Amy Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. 2016. Febr. 24. – Режим доступа: <https://fas.org/sgr/crs/nuke/R41464.pdf> – Дата обращения: 12 дек. 2017.
 12. *Morgan P.M.* The Concept of Deterrence and Deterrence Theory // Oxford Research Encyclopedias. 2017. July. – Режим доступа: <http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-572> – Дата обращения: 30 апр. 2018.
 13. *Kagan R.* Power and Weakness // Policy Review. № 113. – Режим доступа: <http://homepage.univie.ac.at/vedran.dzihic/Kagan.pdf> – Дата обращения: 20 апр. 2016.
 14. *Collier E.C.* Instances of Use of United States Forces Abroad, 1798–1993 // Washington DC: Congressional Research Service. 1993. – Режим доступа: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/crs/crs_931007.htm – Дата обращения: 21 марта 2016.
 15. Список военных операций США // РУКСПЕРТ. 2015. 3 нояб. – Режим доступа: https://ruхpert.ru/Список_военных_операций_США – Дата обращения: 22 апр. 2016.
 16. Южно-Китайское море: арена противостояния между Китаем и США // ТАСС. 2016. 10 авг. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3526271> – Дата обращения: 29 апр. 2018.

17. US imposes sanctions on China, stoking fears of trade war // The Guardian. 2018. March 22. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/mar/22/china-us-sanctions-trade-war> – Дата обращения: 30 апр. 2018.
18. Боровкова И.А. Американская военная стратегия на Ближнем Востоке // Центр стратегических оценок и прогнозов. – Режим доступа: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/amerikanskaya-voennaya-strategiya-na-blizhnem-vostoke-5918> – Дата обращения: 2 мая 2018.
19. Long A. Deterrence from the Cold to Long War // National Defense Research Institute and Air Force. 2008. – Режим доступа: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG636.pdf – Дата обращения: 18 июня 2018.
20. Freeman C. America's Diplomatic Crisis // The American Conservative. 2015. June 16. – Режим доступа: <http://www.theamericanconservative.com/articles/americas-diplomatic-crisis/> – Дата обращения: 13 июня 2018.
21. Фридрих II Великий // Большой словарь цитат и крылатых выражений / Сост. К. В. Душенко. М.: Эксмо, 2011. 1216 с.
22. Keck Z. America's New Aircraft Carriers Will Use Lasers to Annihilate Missiles // The national Interest. 2015. June 18. – Режим доступа: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/americas-new-aircraft-carriers-will-use-lasers-annihilate-13140> – Дата обращения: 30 апр. 2018.

Медиаландшафт в Китае. Экспансия китайских СМИ на Запад

Chinese media landscape. Chinese media goes global

Ю.М. Борисова

Борисова Юлия Михайловна, аспирантка Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в последние годы Китай становится активным участником глобальных процессов на всех уровнях. Пекин ставит целью увеличить свое присутствие в информационном поле и пересмотреть международную систему с учетом своей растущей мощи. В рамках реализации новой стратегии, направленной на укрепление своих позиций, Китай активно развивает СМИ, ориентированные на зарубежную аудиторию: расширяет сеть теле- и радиовещания, аудиторию онлайн, печатных газет и журналов, присутствие китайских медиа в Интернете. Большое внимание уделяется развитию медиасотрудничества с Россией и другими странами, с которыми активно выстраивается торгово-экономическое и политическое сотрудничество. Однако пока нельзя говорить о том, что Китаю удалось укрепить свои позиции в глобальном медиапространстве.

Ключевые слова: медиаэкспансия, информационная политика, китайские СМИ.

Abstract: for past decades China has become an active participant in international political and economic processes. Chinese government considers China's presence in global media sphere and revision of its role in global system according to its influence as one of the main aims of informational policy. Within the framework of this new strategy China is developing foreign-oriented media, expands TV and radio broadcasting, increase audience of on-line newspapers and magazines and Chinese media presence on-line. Great importance is attached to mediacooperation with economic and political partners, such as Russian Federation. But still, China hasn't strengthened its position of a global media influencer yet.

Key words: mediaexpansion, informational policy, Chinese media.

Введение

Активная вовлеченность Китая в глобальную медиасистему обусловлена растущим политическим и экономическим влиянием Китая в мире. Китай готов взять на себя лидирующую роль во многих глобальных экономических и политических процессах, в то время как США и страны Западной Европы теряют статус «двигателей» процесса глобализации. Ослабив контроль государства в экономической сфере и провозгласив курс на «социализм с китайской спецификой», Китай вошел в глобальные экономические процессы, прочно закрепившись на первых позициях, несмотря на неоднократные предостережения о скором «перегреве» экономики и новом экономическом кризисе. Китай – один из крупнейших глобальных инвесторов. В то же время Пекину удастся привлечь большое количество прямых иностранных инвестиций. Рост влияния Китая на мировых рынках укрепил юань, который стал гораздо чаще использоваться при международных расчетах.

Такое усиление Пекина соотносится с концепцией, которую американский исследователь Фарид Закария описывает как «незапад». Тенденциями развития постамериканского мира становятся развитие сильных региональных игроков и формирование мирового порядка, в котором США больше не являются гегемоном. Исследователь отмечает, что «Китай спрессовал два века индустриализации Запада в свои три десятилетия» [1]. Страна с активно работающим рыночным механизмом и самым большим по численности населением в мире – это новый вызов Соединенным Штатам, вызов, с которым Америка ранее не сталкивалась и к которому оказалась неподготовленной.

В западных СМИ в отношении Китая часто делается акцент на негативные аспекты, такие как нарушения прав человека, экологические проблемы, цензура в СМИ, территориальные споры и вопросы независимости Тайваня и Тибета, авторитаризм и поддержка недемократических режимов.

Теоретическая основа медиаэкспансии

Сегодня информационное медиапространство рассматривается как процесс международной или глобальной коммуникации. Международная коммуникация определяется как свободный поток информации от агента-государства, не ограниченный территориальными границами национальных государств. Его осуществляют глобальные вещательные сети, такие как BBC, RT, China Radio, Голос России.

Процесс глобальной коммуникации определяется как асинхронный или синхронный, разнонаправленный поток новостей, фото, видео, инфор-

мации, мнений по всему миру между представителями различных сообществ, культур, идеологий, который невозможно представить вне сети Интернет, реже – вне информационного пространства Facebook или Google. Так, глобальная аудитория социальной сети Facebook составляет более 2 млрд человек, что больше населения Китая (1,4 млрд) и Индии (1,2 млрд).

Если международная коммуникация опирается на связи между национальными государствами, то глобальную коммуникацию можно соотнести с эллинистическим мировоззрением мирового гражданства – космополитизмом. Подобная концепция – утопическая версия кантрианского общества, где все люди принадлежат к единому обществу, которое является естественным состоянием человека и «венцом истории».

Древнекитайский философский концепт «тянься» («поднебесная») соответствует древнегреческому понятию *cosmos*. Китайский философ Чжао Тинян в своей книге «Система Тянься: философское введение в мировую организацию» переосмысливает древний концепт поднебесной, сформировавшийся в эпоху династии Чжоу. Данный подход применим к вопросу о развитии международной коммуникации, направленной на формирование единого универсального общества и пространства в нескольких измерениях: географическом, политическом, экономическом и информационном [2].

Начало современной информационной политики

Практика использования медиа в качестве инструмента публичной дипломатии в Китае используется уже не первое десятилетие. Это нашло отражение в формировании системы китайской пропаганды, которая включает в себя мероприятия и набирающую обороты активность за рубежом.

В период с 1949 по 1970-е г. основным направлением работы китайских медиа было вещание для аудитории в социалистических и некоторых развивающихся государствах в Азии, Африке и Латинской Америке. В материалах, которые были доступны для зарубежной аудитории, делался акцент на политической и идеологической тематике. Основными проводниками информационной политики Китая были подразделения информационного агентства Синьхуа. Сотрудничество в рамках ТВ-вещания ограничивалось в основном обменом документальными фильмами с коммунистическими странами.

Развитие китайских медиа, нацеленных на внешнюю аудиторию, во многом стало ответом именно на западную критику событий 4 июля 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. В марте 1990 г. была воссоздана Китайская группа внешней пропаганды, которую в 1993 г. переименовали в Китайскую группу внешней политики, более известную как Пресс-канцелярия Государственного совета КПК. Эта структура, по сути, стала департамен-

том международных связей с общественностью, задача которого – показывать Китай миру в наилучшем свете.

В ноябре 2002 г. на XVI съезде КПК была провозглашена концепция «мирного подъема» [3], направленная против политики силы, гегемонизма, односторонности и запугивания «китайской угрозой», в пользу многополярности и многостороннего сотрудничества, использования глобализации как способа решения задач собственного длительного развития. Новая стратегия была призвана сделать мировое общественное мнение более лояльным Китаю и одновременно усилить китайское влияние в мире. Большое внимание уделялось в том числе развитию коммуникаций и культурных связей.

В 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпинь объявил, что Китай должен лучше доносить свою позицию до мирового сообщества и создать правильный нарратив, который позволит миру лучше узнать Китай. Так, восприятие Китая в глобальном дискурсе в последние годы меняется с образа «Срединное королевство» и подхода «держаться в тени и хладнокровно наблюдать», заложенного в политике Дэн Сяопина, на образ «стремление к достижениям». Для того, чтобы противопоставить свою позицию западному видению политики Китая, китайские медиа активно выходят на глобальный уровень.

«Один пояс – один путь» и развитие коммуникаций

В мае 2017 г. представители 68 стран собрались в Пекине на первом Международном экономическом форуме «Один пояс – один путь», чтобы стать свидетелями официального запуска Китаем флагманской инициативы Председателя КНР Си Цзиньпина. Это крупнейшая инфраструктурная программа, впервые выдвинутая Си Цзиньпинем в 2013 г. во время визитов в страны Центральной Азии, включает в себя 900 проектов, общая стоимость которых оценивается в 1,3 трлн долларов. В реализации инициативы примут участие 65 стран с совокупным ВВП 29% от общемирового, 4,4 млрд человек [4]. «Один пояс – один путь» позволит соединить Китай и Европу через Центральную Азию, тогда как новый морской путь выведет Китай к Индийскому океану и Средиземному морю.

Создание информационных и коммуникационных сетей – важнейшая часть проекта. На эти цели из инвестиционного фонда «Шелковый путь», общая капитализация которого составляет 3 трлн долларов, выделено 40 млн долларов.

Более 15 лет назад был запущен первый англоязычный китайский телеканал CCTV-9, созданный в рамках стратегии Пекина, направленной

на расширение аудитории за рубежом, в первую очередь в США и Европе. За этот период на развитие внешних коммуникаций было выделено порядка 6,5 млрд долларов [5], в том числе и на развитие китайских вещательных сетей, таких как CCTV (в 2016 г. переименована в China Global Television Network – CGTN, ребрендинг также включил в себя запуск официальных каналов в Twitter, Facebook, YouTube, которые заблокированы в Китае), англоязычный канал Xinhua, CNC World. В 2017 г. аудитория CGTN за пределами Китая составила 200 млн человек. Вещание канала ведется на шести иностранных языках, в том числе на арабском, испанском и русском, и охватывает 98 % населения земного шара.

Если до 1970 г. влияние китайских СМИ ограничивалось странами соцлагеря, то в настоящее время одним из приоритетов для Пекина является развитие китайских медиа в тех регионах, где наиболее развиты экономические и торговые отношения. Так, в 2012 г. сеть CCTV запустила специальный африканский канал со штаб-квартирой в Найроби. Подобная медиаэкспансия происходит в рамках развития экономических отношений: объем торговли между Африкой и Китаем вырос с 10 млрд долл. в 2000 г. до 170 млрд долл. в 2017 г. [6].

Печатные издания

Основанная в 1981 г. газета China Daily выходит за рубежом тиражом 600 тыс. экземпляров и является основным печатным изданием, в котором выражается официальная позиция Пекина. Ее аудитория составляет 45 млн читателей [7]. Кроме английского, ежемесячное приложение China Watch издается на французском, немецком и испанском языках. В России приложение выпускается совместно с «Российской газетой».

China Daily USA начала свою работу в 2009 г. Форматы газеты: 16-страничный номер (с понедельника по четверг) и большой пятничный номер на 20 страниц; газета доступна в США и Канаде. Это издание ведет активную рекламную кампанию с использованием большого количества уличной рекламы, распространяется в основных аналитических центрах, государственных организациях, здании ООН.

Также выпускаются China Daily Asia Weekly, China Daily European Weekly, China Daily Latin America Weekly и China Daily African Weekly. Аудиторию, к примеру, China Daily Asia Weekly на 77% составляют читатели от 25 до 44 лет, из них 81% имеют высшее образование, 58% – руководители высшего звена.

С 1997 г. онлайн-версия еще одной газеты, The People's Daily, закрепились в Топ-10 самых читаемых изданий в мире. Издание доступно на

9 языках в более чем 200 странах и предлагает не только традиционный контент в формате статей и видео, но и адаптированные под Weibo материалы. Иностранное бюро газеты находится в Нью-Йорке, Москве, Йоханнесбурге, Сан-Франциско, Сеуле, Лондоне, Париже и других странах, что позволяет «значительно укрепить влияние газеты за рубежом и увеличить аудиторию во всем мире» [8].

Еще один популярный ресурс – англоязычное издание Global Times, структурное подразделение государственной газеты «Жэньмин жибао». В материалах Global Times часто затрагиваются чувствительные социальные темы, которые государственные СМИ либо совсем не освещают, либо освещают неполностью: отношение в обществе к детям, больным СПИДОМ, борьба с коррупцией, реновация и принудительное расселение жителей и т.д. Важный элемент редакционной политики – изложение вопросов, которые касаются места Китая в мире и формирования нового миропорядка.

Одним из ключевых показателей эффективности работы газеты является цитируемость в западных СМИ, которые считают Global Times относительно надежным источником информации о происходящем в КНР. Все более значительную роль играют негосударственные медиа, которые также работают с внешней аудиторией. К примеру, большой популярностью пользуются такие ресурсы, как Caixin Global и South China Morning Post.

Первая принадлежит частной медиагруппе Caixin Media Company Ltd. и является англоязычной версией популярного делового и бизнес-издания Caixin. Для того, чтобы обеспечить свободную среду для независимой журналистики, компания учредила Совет Попечителей, в который, помимо руководства группы, входят влиятельные китайские ученые и эксперты. Совет попечителей участвует в редакционной политике, без его одобрения невозможна смена главного редактора.

Влиятельная частная газета South China Morning Post, основанная более 100 лет назад в Гонконге, принадлежит Alibaba Group – крупнейшей китайской компании в сфере интернет-коммерции. Международное издание газеты освещает вопросы внутри китайской повестки, ключевые события в азиатско-тихоокеанском регионе и в мире. Джозеф Цай, исполнительный вице-председатель Alibaba Group, отметил, что «миру нужен плюрализм мнений, когда речь идет о Китае. Политическое и экономическое развитие Китая имеет слишком большое значение для всей планеты, чтобы иметь на это только одну точку зрения» [9]. После смены собственника газеты у читателей появились сомнения в объективности издания и отсутствии цензуры и самоцензуры, однако руководство компании подчеркнуло, что редакционная политика останется неизменной.

Несмотря на зарегулированность медиасферы Китая, частные издания имеют возможность более открыто говорить о проблемах общества, тем самым повышая интерес аудитории и рекламодателей, конкурентоспособность на рынке.

Преимущества и проблемы централизованной медиаструктуры

В марте 2018 г. ЦК КПК представил план по дальнейшему реформированию основных партийных и государственных институтов, в том числе по созданию новой телерадиокомпании «Голос Китая» под прямым руководством Госсовета КНР. В ее состав вошли CCTV, CGTN, China Radio и China Radio International. Ее основная задача – дать миру более четкую картину жизни Китая, его уникального пути развития, понимание того, что значит усиление КНР для всего мира.

Централизованное управление ключевыми медиаактивами имеет ряд преимуществ, основное из которых – возможность проводить единую информационную политику с использованием всех медиаинструментов. Однако китайские медиа, несмотря на большой охват и централизованное управление, пока не смогли стать важными игроками в глобальном медиапространстве. Ни одна из тем, предложенных корпусом китайских медиа, не стала по-настоящему глобальной. Государственные СМИ в Китае менее конкурентоспособны, чем частные, их профессиональный уровень ниже. Журналисты-расследователи в частных СМИ предлагают аудитории более качественный и интересный контент. Серьезной проблемой также является уровень доверия к государственным СМИ из-за цензурных и самоцензурных ограничений.

Значительная преграда на пути экспансии китайских СМИ – недостаток управленческого опыта у медиаменеджеров и технического уровня западных конкурентов. В 1960–1970 гг. креативные индустрии за рубежом развивались, тогда как в Китае этот процесс был ограничен работой преимущественно с коммунистическими странами. Несмотря на то, что сейчас Китай активно преодолевает отставание в развитии медиаотрасли, процесс перестройки работы государственных структур идет довольно медленно. Такие меры, как заимствование иностранного опыта и привлечение иностранных специалистов не имеют систематического характера и не приносят значительной пользы.

Кроме того, для достижения поставленных целей недостаточно выстроить множественные коммуникации с внешним миром, что позволяет делать технологическая и финансовая база китайских СМИ. Нарратив «мирного подъема» оказался не в полной мере убедительным для глобальной аудитории.

Россия – Китай. Развитие сотрудничества в медиасфере

Отношения с Китаем занимают одно из ключевых мест во внешнеполитической стратегии России. Двусторонние контакты, несмотря на нестабильную геополитическую ситуацию, продолжают демонстрировать устойчивое многовекторное развитие. В последнее время наряду с традиционными сферами сотрудничества (энергетикой, лесопромышленным комплексом) набирает обороты взаимодействие в таких областях, как интернет, телекоммуникации, медиаресурсы.

При содействии правительств двух стран состоялись три форума СМИ России и Китая, призванные способствовать укреплению медиа-сотрудничества двух стран, синхронизации уровня доступности информации о России и Китае. Одна из важных задач такого сотрудничества – формирование нового мирового информационного порядка, главными чертами которого являются ответственность, честность и повышение медиаграмотности аудитории.

Заключен ряд партнерских соглашений между российскими и китайскими СМИ, в том числе о запуске русскоязычного канала «Катюша» в Китае, который будет вещать с китайскими субтитрами; часть контента будет полностью переведена на китайский.

Еще одно направление сотрудничества – совместное производство кино, сериалов, документальных фильмов. Россия и Китай намерены осуществлять взаимный прокат лучших кинокартин, сериалов, художественных, документальных и анимационных фильмов. Большой популярностью пользуются российские блокбастеры, мультфильмы и фильмы на военно-патриотическую тематику. Для проката российского кино лидеры российского кинорынка, компании «Централ Партнершип» и «Каро», создали совместную компанию для дистрибуции российского кино на китайском рынке с китайской компанией China Film Group.

Большое внимание уделяется развитию новых медиа. В КНР большинство СМИ разработали свои мобильные приложения, каналы в Wechat и Weibo. Это особенно актуально для Китая – страны с наибольшим количеством пользователей сети. По данным на конец 2017 г., их число составило 772 млн человек (отчет Китайского сетевого информационного центра (CNNIC). Мобильным интернетом пользовались 753 млн человек, из них большинство, в том числе и в деревенских районах, не имеет альтернативного доступа в сеть посредством компьютера или ноутбука. Таким образом, в настоящее время интернетом пользуются 55,8% населения Китая [10].

Новые медиа уже стали каналом передачи актуальной информации и играют важную роль в формировании общественного мнения. МИА «Россия сегодня» совместно с Международным радио Китая запустили дву-

язычное мобильное приложение «Россия – Китай: главное». В приложение также включены функция мгновенного перевода, шопинг-ресурсы, туристическая справка и другие полезные сервисы [11].

Заключение

Усиление политического и экономического влияния Китая в мире требует новой информационной политики, направленной на формирование четкого представления о стране, ее месте в мире, целях руководства в контексте международных и торгово-экономических приоритетов Пекина. Эта задача стала особенно актуальной с запуском глобального инфраструктурного проекта «Один пояс – один путь», а также в преддверии Олимпиады в Пекине, которая должна состояться в 2022 г.

До сих пор имидж Китая в мировом информационном пространстве все еще формируется не китайскими, а западными СМИ. Основная аудитория китайских медиа – представители китайской диаспоры за рубежом, западноевропейская и американская аудитория, жители тех регионов, в которых ярко выражено китайское торгово-экономическое влияние. Несмотря на активную работу по расширению медиаприсутствия во всем мире (ТВ, радио, печатные издания, интернет), нарратив, предлагаемый Пекином, пока не стал преобладающим в общественном сознании. Во многом это вызвано качеством контента, уровень которого из-за цензуры и самоцензуры в китайских медиа остается не самым высоким.

Государственные СМИ, которые активно осуществляют информационную экспансию на Запад, фокусируются на событиях внутри Китая, на ситуации в развивающихся странах, Азии и актуальных международных проблемах. Основу их контента составляют актуальные международные и китайские новости, материалы о китайской культуре, экономических успехах страны. Конкуренцию им составляют частные медиа, которые затрагивают более чувствительные вопросы общественной жизни, темы, вызывающие наибольший интерес как у внутренней, так и у внешней аудитории.

По оценкам исследовательского центра Pew Research Center, 75% китайцев считают, что Китай играет более значительную роль в мире, чем 10 лет назад [12: 7]. Наиболее позитивно к Китаю относятся в Нигерии (72%), России (70%) и Австралии (64%). В странах Западной Европы, которые являются важной частью целевой аудитории китайских медиа, количество респондентов, ответивших положительно на вопрос, насколько желательно они воспринимают Китай, варьируется от 31% в Италии до 49% в Нидерландах. В Великобритании этот показатель составляет 45%, США – 44% [13].

Эти данные свидетельствуют о том, что западный негативный дискурс в отношении Китая пока не удалось заменить видением, которое продвигают китайские СМИ. Почти половина населения США и Западной Европы до сих пор относятся к Китаю нейтрально или негативно. Исходя из этого, задачи, поставленные руководством КНР, остаются актуальными, и расширение присутствия китайских СМИ будет активно продолжаться.

Источники и литература

1. *Zakaria F.* The Post-American World: Release 2.0. NY: W&W Norton and Company Ltd. 2012. 97 p.
2. *Zhao T.* A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia) // *Diogenes* 56(1):5–18. 2009. February. 7 p.
3. Мирное возвышение Китая: проблемы и перспективы. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. Т. 2. 84 с.
4. *Daya K. T., De Burgh H., Shi A.* Chinese media goes global. London: Routledge, 2018. 17 p.
5. *Yip H.* China's \$6 Billion Propaganda Blitz Is a Snooze. – Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2018/04/23/the-voice-of-china-will-be-a-squeak/> – Дата обращения: 10 мая 2018.
6. Statistics on China – Africa Bilateral Trade in 2017 // Ministry of Commerce of People's Republic of China. – Режим доступа: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/lanmubb/AsiaAfrica/201803/20180302719613.shtml> – Дата обращения: 29 июня 2018.
7. About China Daily Group. – Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/static_e/aboutus.html – Дата обращения: 9 мая 2018.
8. Introduction to People's Daily Online. – Режим доступа: <http://en.people.cn/102840/8347294.html> – Дата обращения: 11 мая 2018.
9. Statement from Alibaba Group for acquisition of South China Morning Post. – Режим доступа: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/1890059/statement-alibaba-group-acquisition-south-china-morning-post> – Дата обращения: 5 июля 2018.
10. Statistical Report on Internet Development in China. 2017. January. – Режим доступа: <https://cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/201706/P020170608523740585924.pdf> – Дата обращения: 1 июля 2018.
11. Эпоха интернета: Информатизация поможет // Российская газета. 2017. Спецвыпуск № 7308 (142). – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/29/kak-razvitiye-povyih-media-povliialo-na-sotrudnichestvo-smi-rf-i-kitaia.html> – Дата обращения: 9 мая 2018.
12. *Wike R., Stokes B., Stewart R.* Chinese public sees more powerful role in the world, names US as top threat // Pew Research Center, facts, numbers and trends shaping the world. 2017. October.
13. Global Indicators Database. Opinions on China // Pew Research Center. – Режим доступа: <http://www.pewglobal.org/database/indicator/24/> – Дата обращения: 11 мая 2018.

Языковая политика Республики Казахстан как индикатор этнополитической направленности государства

Language policy of the Republic of Kazakhstan as an indicator of ethno-political orientation of the state

И.А. Дмитриева

Дмитриева Ирина Анатольевна, кандидат философских наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ.

Аннотация: статья посвящена описанию основных тенденций языковой политики Республики Казахстан. Опираясь на базовые документы, определяющие языковую политику данного государства, автор фиксирует, что выделяя казахский язык как государственный и создавая ему соответствующие преференции, руководство Казахстана разрушает исторически сложившееся в республике двуязычие. В итоге это может привести не только к маргинализации русского языка и русской культуры, но и к вытеснению русскоговорящих граждан страны на периферию общественно-политической и культурной жизни. Эта тенденция противоречит заявляемой правительством программе создания полиэтничного государства. В статье утверждается, что исследование языковой политики государства позволяет не только выявить некоторые особенности этнополитических процессов, проходящих в стране, но достаточно точно определить направленность внешнеполитической стратегии государства в целом; также демонстрируются методологические возможности анализа языковой политики при комплексном изучении этнополитических процессов в различных странах.

Ключевые слова: этнополитические процессы, языковая политика, двуязычие, методология.

Abstract: the article is devoted to the description of the main trends of language policy of the Republic of Kazakhstan. Based on the basic documents that determine the language policy of the state, the author fixes that highlighting the Kazakh language as the state language and creating appropriate preferences, the leadership of Kazakhstan destroys the historically formed bilingualism. Ultimately, this can lead not only to the marginization of the Russian language and culture, but also to the displacement of Russian speaking citizens of the country to the

periphery of social, political and cultural life. This trend runs counter to the government's stated programs to create a multi-ethnic state. The article argues that the study of the language policy of the state allows not only to identify some features of the ethnopolitical processes taking place in the country, but also to accurately determine the foreign policy of the state. The article demonstrates the methodological possibilities of the analysis of language policy in the complex study of ethno-political processes in different countries.

Key words: ethnopolitic processes, language policy, bilingualism, methodology.

Этнополитические процессы как объект изучения сложны и многогранны, поскольку определяются множеством различных факторов, значимость которых зависит от конкретной социально-политической ситуации, от специфики межрелигиозного взаимодействия в стране, от национальных приоритетов государства и отношений между различными этническими сообществами. Кроме того, на этнополитические процессы существенное влияние оказывают внешнеполитические факторы. С учетом возникающих сложностей при изучении подобного объекта необходимо найти такие инструменты политологического исследования, которые позволили бы диагностировать и прогнозировать направленность этнополитического процесса в государстве, исходя из всего комплекса его обуславливающих факторов.

Одним из таких комплексных инструментов исследования этнополитических процессов в государстве может стать анализ языковой политики страны. По отношению государства к языкам народов, проживающих в нем, и по определению правительством их официального статуса можно выявить направленность этнической политики государства в целом. Это привилегированное положение анализа языковой политики страны связано с особой ролью, которую играет конкретный естественный язык как для отдельной этнической группы, так и для населения страны в целом.

Национальный язык – это сложная система, которая аккумулирует в себе весь социокультурный потенциал народа и непосредственным образом участвует в формировании индивидуального сознания граждан. Поэтому не случайно в официальных документах некоторых государств язык рассматривается в качестве одного из критериев внутренней стабильности и безопасности страны.

Национальный язык – это не только коммуникативный ресурс нации. На особое значение системы национального языка как мировоззренческого ядра нации исследователи обратили внимание еще в XIX веке. Но тщательное и планомерное изучение философами, лингвистами, культу-

рологами и политологами систем естественного языка как эпистемологического и идеологического ресурса было связано с так называемым лингвистическим поворотом в социогуманитарном знании. В первой половине XX столетия язык начинает рассматриваться как инструмент, способный сохранять уникальные особенности этноса, формировать основы мировоззренческих установок народа, определять его склад мышления и способы познания мира.

Установив, что национальный язык обладает мощным и разносторонним потенциалом, в XX веке политики начинают опираться на языковой фактор в политическом процессе, вырабатывая свою особую языковую политику. Использование языкового фактора в политическом процессе помогает решать разные задачи, в частности, способствовать сохранению национальной идентичности, расширению сферы влияния того или иного государства и т.д.

В своей языковой политике государство использует различные способы воздействия на конкретные языки и языковую ситуацию в целом. Языковая политика (как внутри страны, так и за ее пределами) служит для защиты, распространения языка и корректировки общей языковой ситуации, с применением для этого законодательной базы конкретного государства или международных организаций, а также использованием конкретных мер, реализуемых правительственными и неправительственными организациями в интересах той или иной страны. Цели и задачи языковой политики весьма разнообразны: сохранение и восстановление того или иного языка, расширение ареала распространения языка и увеличение числа людей, говорящих на том или ином языке, корректировка языковых структур и языкового узуса, выстраивание языковых иерархий и т.д. В конечном счете целью любой языковой политики остается создание языковых приоритетов как внутри страны, так и за ее пределами, которые позволяли бы более эффективно проводить внешнюю и внутреннюю политику конкретного государства. Соответственно, анализируя языковую политику того или иного государства, можно выявить с ее помощью и этнополитическую стратегию данного государства.

Стратегическую направленность этнической политики Республики Казахстан мы рассмотрим в контексте языковой политики этого государства. Для этого обратимся к нескольким ключевым документам, определяющим языковую политику страны на протяжении всей ее истории. Речь идет прежде всего о Конституции Республики Казахстан [6], Концепции языковой политики Республики Казахстан [4], Законе Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» [5] как фундаменте языковой политики республики, а также о Стратегии «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» [8] как проекте развития Казах-

стана, где направленности языковой политики уделено особое внимание. Эти документы обозначают разные этапы развития республики: первые два документа характеризуют становление Казахстана как независимого государства, а в последнем намечаются перспективы развития страны. Анализ этих документов позволит нам либо выявить радикальные повороты в этнической политике данного государства, либо показать, что на протяжении истории Казахстана реализовывалась единая этнополитическая стратегия, имевшая на каждом этапе свои особенности.

Для прояснения этнополитической ситуации, сложившейся в Казахстане в первое десятилетие после обретения им независимости, т.е. в период с 1989 по 2009 г., мы обратимся к статистике. Казахстан с самого начала своего развития как самостоятельного государства был многонациональной республикой, каковой и остается в настоящее время. Но остался ли прежним этнический состав этой страны? Какова была динамика изменения национального состава в республике?

В 1989 г. в Казахстане проживало 6,5 млн казахов, 6,2 млн русских, 960 тыс. немцев, 900 тыс. украинцев, 330 тыс. узбеков и еще более 10 национальностей, т. е. этнических казахов было меньше половины населения республики. Их численность примерно равнялась числу этнических русских. В 1999 г. ситуация радикально изменилась в силу массовой эмиграции прежде всего русскоязычного населения (русских, украинцев) и этнических немцев. В 1999 г. в республике проживало уже 8 млн казахов, что составляло 53 % от численности всего населения, 4,5 млн русских (30%), 350 тыс. немцев (2,3%), 550 тыс. украинцев (3,6%), 370 тыс. узбеков (2,5%). Число этнических русских и украинцев уменьшилось примерно на треть, при этом украинцев осталось немногим больше половины от прежнего населения, число немцев уменьшилось практически на две трети. Налицо серьезное изменение процентного соотношения этнического состава населения республики. Казахи составляют уже половину населения, а русские – примерно лишь одну треть. К 2008 г. в Казахстане сложился новый пропорциональный состав населения: этнических казахов насчитывалось 10 млн человек, русских – 3,8 млн, немцев – 180 тыс., украинцев – 330 тыс., узбеков – 450 тыс. человек. Данные на 2016 г. подкрепили выводы о том, что за 25 лет произошло кардинальное изменение этнического состава республики Казахстан: казахи отныне составляют 66% всего населения, русские – 21%, немцы, украинцы, узбеки в совокупности – чуть больше 5% от общей численности казахстанцев. В 2018 г. этнический состав принципиальных изменений не претерпел [1; 2; 3: 109–111].

Если выявить соотношение использования различных языков в Казахстане, то мы увидим принципиально иную картину. По статистическим данным, в 1999 г. русским языком владели 75% казахов, 100% русских,

99% немцев, 99,5% украинцев и 60% узбеков. В 2003 г. только 85% казахов владеют казахским языком (хотя эти данные считаются несколько завышенными), 39% казахов, проживающих в городе, используют русский язык для повседневного общения (а городское население Казахстана составляет 60% всего населения) Даже к 2007 г. только 30% официальной документации республики составлено на казахском языке [3: 128–129]. Нетрудно заметить, что при устойчивом росте численности казахского населения республики, в начале XXI века очевидно доминирование русского языка в государственной, социальной, культурной сферах и на уровне межличностного общения. В Концепции языковой политики Республики Казахстан [4] и Законе Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» [5] однозначно фиксируется существующий абсолютный приоритет русского языка как в официальной сфере, так и в сфере межличностного общения, говорится, что в различных сферах деятельности (правовой, экономической, политической и др.) официально может быть использован русский язык.

Важно отметить, что при официально подтверждаемой властями Казахстана гегемонии русского языка и фактически существующем в республике двуязычии, вопрос о придании русскому языку статуса второго государственного языка не ставится, а только предоставляется возможность его использования в различных сферах жизни республики¹. Закон о языке декларирует, что государственным языком является казахский, при этом подчеркивается, что он еще не обладает пока достаточным потенциалом, и в силу только одного этого обстоятельства в Республике Казахстан допускается широкое использование русского языка как языка межнационального общения. Власть обходит вниманием тот факт, что на момент принятия закона о государственном языке этнические казахи составляли чуть больше половины населения республики. При этом только этнических русских проживало 30% от населения республики; к ним необходимо прибавить украинцев, белорусов и немцев, говорящих в подавляющем большинстве на русском языке, которые в совокупности составляли около 7 % населения Казахстана. В сложившейся ситуации Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев напрямую увязывает проблему национальной независимости и суверенитета Казах-

¹ Необходимо отметить, что в п. 2 ст. 7 Конституции Республики Казахстан сказано, что в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. При этом Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г. (ныне утратившая силу) законодательно закрепила этнонациональный характер казахстанской государственности, определив Республику Казахстан как «форму государственности самоопределившейся казахской нации» [6].

стана с реализацией различных программ по усилению роли казахского языка как государственного и по фактическому расширению его функциональных возможностей. Обратной стороной этого процесса стало не только ослабление роли русского языка в республике, но и фактическое снижение значимости русскоговорящего населения, которое составляет не меньше 1/3 всего населения Казахстана, в развитии республики. Статистика по этническому составу населения Казахстана и использованию в республике языков, а также заявления руководства о языковых приоритетах говорят об однозначной направленности не только этнонациональной политики, проводимой в республике, но и перспективах всей внешней политики Казахстана.

Несмотря на то, что на уровне деклараций президент Казахстана выступает за развитие многонационального государства и за многоязычное языковое пространство, что зафиксировано в официальных документах, на практике реальная законодательная и финансовая поддержка государства предусматривается только для казахского языка. Например, предполагается гарантированный объем вещания в СМИ, квоты в системе образования, финансовая поддержка ученых, писателей и других деятелей культуры, работающих на казахском языке, а также создание объективных потребностей в использовании казахского языка. Очевидно, что предлагаемый комплекс мер однозначно направлен на ослабление позиций русского языка в республике и на постепенную его маргинализацию. Таким образом можно утверждать, что итогом первого этапа осуществления языковой политики Казахстана стало провозглашение языковой доминанты страны – государственного казахского языка. Это происходит на фоне активной эмиграции русскоговорящего населения республики, прежде всего славян и немцев. Языковая политика Казахстана расставляет конкретные приоритеты, выделяя в многонациональном государстве при фактически сложившемся двуязычии единственную языковую доминанту – казахский язык как государственный. Тем самым Н. Назарбаев обозначил этнополитический вектор развития республики, направленный в конечном счете на построение моноэтнического государства и создание условий для последующей максимальной дистанцированности от России.

Следующий этап языковой политики Казахстана связан с появлением в 2007 г. документа «О концепции расширения сферы функционирования государственного языка, повышения его конкурентоспособности на 2007–2010 годы» [7] (ныне утратил силу). В этом документе подчеркивалось, что за последнее десятилетие реальное двуязычие в республике в области языковой политики преодолеть не удалось. В частности, в нем говорилось, что только 30% делопроизводства осуществля-

ется на казахском языке, только половина из общего числа школ республики ведет обучение на казахском языке, что в большинстве своем это школы сельские, многие из них – малокомплектные. Существующее двуязычие рассматривалось в качестве проблемы, которая требует безотлагательного решения. Документ ставил задачи по расширению сферы применения государственного языка; например, говорилось о необходимости проводить официальные мероприятия как в государственных, так и частных организациях только на казахском языке, что неизбежно ущемило бы права русскоговорящего населения. В этом документе по языковой политике обсуждалась тема значимости языка и проводилось выстраивание иерархии значимости языков. Иными словами, в этом официальном документе языки делились на значимые и незначимые. Кажется бы, значимость должна определяться мерой использования языка как на государственном уровне, так и в межличностном общении, но документ говорит другое: необходимо преодолеть стереотип, что значимость языка определяется шириной его использования. То есть значимость языка, если она не определяется шириной его использования, должна определяться каким-то иным фактором, который связан со стратегическими целями государства.

Анализ указанного документа приводит к выводу, что руководство Казахстана активно и целенаправленно старается разрушить исторически сложившееся двуязычие и стремится свести русский язык к одному из диаспоральных языков. Зачем руководство Казахстана добивается устранения двуязычия? Все дело в реализации правящих интересов. Ведь по-прежнему существующее двуязычие связывает РФ и Казахстан значительно сильнее, чем хотелось бы нынешнему руководству Казахстана. В языковой политике казахстанских властей прослеживается одна цель – создание казахской этнической доминанты. Такая политика целенаправленно и последовательно наносит ущерб русскоговорящему населению. Подрыв значимости русского языка ставит под вопрос и саму заявленную руководством республики идею Казахстана как полиэтнического государства.

Третий этап развития языковой политики Казахстана связан с выходом в 2012 г. Стратегии «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» [8]. Это программа развития республики до середины XXI века, и в ней сформулированы семь приоритетов в развитии страны. Один из приоритетов – это «новый казахстанский патриотизм» как основа успеха многонационального и многоконфессионального общества; при этом особо подчеркивается, что эпоха мононациональных государств осталась в прошлом. В рамках данного приоритета особое место отводится языковой политике как одному из главных консолидирующих факторов казахской нации. И тут обращает на себя внимание

практически параллельное использование в документе двух отнюдь не синонимичных понятий: «казахстанский (патриотизм) и (единство) казахской (нации)». Внимательно читая текст, можно увидеть жонглирование этими двумя определениями. Достаточно обратить внимание, что в качестве синонима слова «казахский» часто используется прилагательное «родной». В частности, казахский язык постулируется духовным стержнем нации, который будет консолидировать народы Казахстана. Именно он объявляется условием суверенитета и независимости государства. Более того, в документе подчеркивается, что суверенность и независимость цементирует «родной язык».

Возникает вопрос: если государство декларируется как многонациональное, то каким образом казахский язык становится родным и для 21% этнических русских, и для множества других этносов, проживающих сегодня в Казахстане, а также для казахов-руссофонов, которых также достаточно много в республике. Это означает, что постулированная ранее в Концепции расширения сферы государственного языка 2007 г. этническая доминанта продолжает формироваться и укрепляться. И связь слов «казахский» и «родной» в документе не случайна, так же как и возможная альтернатива: «не казахский» – «не родной» или чужой?

Тема единства нации красной нитью проходит через весь документ. Но использование понятия «единство» также требует пристального внимания. В стратегии говорится, что «страна сильна только тогда, когда един народ». О каком единстве идет речь? О единстве всех этносов, населяющих Казахстан? А далее следует: именно единство казахов является ключевым вопросом. И вновь мы возвращаемся к идее безусловной этнической доминанты, без которой не мыслится развитие казахского государства. Конфессиональный фактор также призван способствовать формированию этой доминанты. В стратегии подчеркивается, что «мы гордимся, что являемся частью мусульманской умы. Это наши традиции» [8]. И далее: «Мы должны формировать религиозное сознание, соответствующее традициям и культурным нормам страны» [8]. О христианах и других религиозных конфессиях не сказано ни слова, и это при том, что число христиан (православных католиков и протестантов) составляет не менее трети населения страны. Как же возможно для многоконфессионального государства не включить в стратегию своего развития иные религиозные конфессии, практически отождествляя мусульманскую традицию с духовной традицией государства в целом.

В заключении анализируемого нами документа говорится о так называемом едином культурном коде нации, который представляет собой единство языка, традиций и ценностей. При этом из тезисов документа с очевидностью следует, что код нации укоренен в традициях казахского наро-

да. И тот самый заявленный казахстанский патриотизм банальным образом сводится именно к казахскому патриотизму, ибо никаких конкретных механизмов формирования именно казахстанского единства, сопряжения различных культур и традиций в документе не обозначено. Очевидно, что именно проблема казахского единства волнует правительство достаточно сильно. Не случайно в документе подчеркивается, что именно казахское единство требует укрепления, поскольку языковые приоритеты раскалывают казахов. И эта проблема актуальна для казахского государства.

Ключевое значение в этом документе отводится языковой политике, поскольку язык представляется одним из «главных консолидирующих факторов казахской нации». Казахский язык в Стратегии объявлен «духовным стержнем нации» [8]. И это несмотря на то, что только 60% школьников обучается на казахском языке, что также зафиксировано в этом документе. Очевидно, что, предлагаемая программа развития страны нацелена на последовательное преодоление исторически существующего двуязычия, минимизацию роли русского языка и русскоязычных граждан в социально-политической жизни республики и вытеснение их на периферию социально-политической жизни.

Продолжением заданного вектора языковой и, соответственно, этнической политики Казахстана стала выдвинутая руководством республики идея триединства языков (казахского, русского и английского). Еще в Послании 2007 г. «Новый Казахстан в новом мире» [9] Назарбаев предложил начать поэтапную реализацию культурного проекта «Триединство языков». Проект был выделен как отдельное направление внутренней политики и нашел свое отражение в Стратегии «Казахстан-2050». Заявленное триединство имеет жесткую иерархичную структуру, с указанием места и значения каждого из языков для развития государства. Казахский язык – это язык государственный, духовный стержень нации и государства, русский язык – это язык исторического прошлого. Открыто объявляется, что Казахстан не связывает свое будущее и перспективы собственного развития с Россией и не видит в русскоязычном населении стратегического потенциала для развития государства; таким ресурсом для дальнейшего развития страны видится английский язык, именуемый языком будущего. Именно он, считает правительство республики, открывает возможности для включение республики в мировое интеллектуальное пространство.

Определение роли и места того или иного языка в государстве однозначно указывает на отношение государства к носителям этого языка. Рассмотренные документы позволяют выявить основную направленность языковой политики Казахстана и экстраполировать ее на его этническую политику в целом. Несмотря на декларируемое строительство многонационального государства и реально существующее русско-казахское дву-

язычие, фактические шаги языковой политики Казахстана направлены на дезавуирование своих деклараций. Пока еще области науки и искусства составляют опорные пункты фактически сложившегося двуязычия, однако языковая политика властей такова, что и эти области постепенно будут переходить под патронаж английского языка. И определенные шаги в этом направлении в Казахстане уже делаются. В частности, ведется работа по сближению терминологических рядов казахского и английского языков в научной сфере, форсирование латинизации казахского языка. В 2017 г. даже предложили внести поправку в Конституцию Республики Казахстан, которой английскому языку придается статус государственного языка. Эту поправку не приняли.

Все шаги, совершаемые правительством Республики Казахстан, свидетельствуют о стремлении строить в конечном счете моноэтническое государство, максимально дистанцированное от прошлого, от связи с Россией. Именно в рамках проведения такого политического курса и осуществляется конкретная языковая политика в Казахстане.

Моноэтнический вектор национальной политики республики оказывает негативное влияние и на этнических русских, которые составляют примерно 1/5 населения страны, и на русскоговорящее население страны. Моноэтническая языковая политика правительства Казахстана имеет не только внутрисоциальное, но и внешнеполитическое значение. Планомерное вытеснение и локализация русского языка и культуры в конечном итоге будет приводить к частичному свертыванию программ сотрудничества с Россией. Казахское руководство форсирует ментальный отрыв русскоговорящих и российско-ориентированных казахов от РФ. На это направлена, в том числе, и программа триединства языков, которая фактически призвана переориентировать образованную часть казахского населения на английский язык как на язык будущего, т. е. на язык приоритетов внешней политики Казахстана. Этому также способствует принятая и уже реализуемая программа латинизации казахского языка, которая стартовала в 2017 г. Воплощение в жизнь данной программы создает дополнительные условия для европейской ориентации молодых казахов. Инициатива перехода казахского языка с кириллической на латинскую графику заявлена как один из принципиальных моментов осуществляемого в Казахстане национального проекта по «модернизации общественного сознания». Этот переход объявлен условием эффективной интеграции Казахстана в мировое культурное пространство. Еще в октябре 2006 г. во время своего выступления на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана [10] Назарбаев призвал всерьез заняться «отложенной» проблемой, мотивировав необходимость перехода казахского алфавита на латиницу тем, что латинская графика доминирует сегодня в мировом коммуникационном простран-

стве. В июле 2007 г. Министерство образования и науки республики предоставило президенту аналитическую записку «О переводе казахской письменности на латинскую графику» с цитированием зарубежного опыта, обоснованием стоимости проекта и аргументами в пользу необходимости такого шага для формирования национальной идентичности. А 26 октября 2017 г. глава Казахстана подписал указ о поэтапном переводе казахского алфавита на латинскую графику, который планируется завершить к 2025 г. Предполагается перевести на латинскую графику все делопроизводство, продукцию казахоязычных СМИ, а так же обеспечить издание в новом формате учебников и иной литературы на государственном языке.

При исследовании основополагающих документов по языковой политике Казахстана выявляется основная тенденция развития этнополитических процессов, осуществляемых в республике. При декларировании строительства многонационального государства и реально существующем в стране двуязычии официальный статус этого двуязычия в документах не закреплён, более того, из документа в документ прописываются меры по искоренению подобной языковой ситуации. Для этого ставится вопрос об укреплении значимости и расширении области функционирования государственного (казахского) языка посредством противопоставления его всем другим языкам, в том числе и русскому языку, на котором велась практически вся официальная документация, и который был основным языком межнационального и межличностного общения в республике.

Все усилия более чем 20-летней языковой политики руководства Казахстана были направлены на слом реально существующего двуязычия, маргинализацию русского языка и превращению его в диаспоральный язык, что в конечном счете должно, по замыслу казахского правительства, привести к вытеснению русского языка и его носителей из социально и политически значимых сфер жизни республики (на это указывает, в частности, программа триединства языков). Итогом такой языковой политики становится реальное ухудшение положения в Казахстане не только этнических русских, но всего русскоговорящего населения республики. Цель такой политики – ментальный отрыв русскоговорящих и российско-ориентированных граждан Казахстана от Российской Федерации.

Правительство Казахстана последовательно адаптирует население своей страны к изменению своего внешнеполитического вектора, о чем говорит и введение безвизового режима для граждан США в марте 2018 г., и открытие референс-лабораторий, работающих на территории Казахстана при финансовой поддержке США. Все эти факты говорят о последовательной дистанцированности правительства Казахстана от России. Этот процесс был фактически начат с момента создания Республики Казахстан как суверенного государства.

Языковая политика обнажает политику государства в различных ее аспектах. И если языковая политика такова, то нетрудно предположить, что и остальные политические процессы развиваются в том же направлении. Так, обратив внимание на языковую политику государства, можно достаточно точно определить направленность внешнеполитической стратегии государства.

Источники и литература

1. Казахстан за годы независимости, 1991–2007: Статистический сборник. Астана, Агентство Республики Казахстан по статистике, 2008.
2. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. – Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepis;jsessionid=JqvGTad6VA6P2H3Ba6AEwAcT25MDwQ-DNKdcPJq48Y0amjfxp85-!-11154588!-290063826?lang=ru&_adf.ctrl-state=13d88ibqte_4&_afLoop=4793688278260366#%40%3F_afLoop%3D4793688278260366%26lang%3Dru%26_adf.ctrl-state%3D14mqzzk3x7_4 – Дата обращения: 14 февр. 2018.
3. *Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я. М.* Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. М.: Центр книги Рудомино, 2015. 320 с.
4. Концепция языковой политики Республики Казахстан № 3186 от 4 ноября 1996 г. – Режим доступа: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsl/dok_pegfto.htm – Дата обращения: 28 февр. 2018.
5. Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» № 151-І от 11 июля 1997 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034 – Дата обращения: 25 февр. 2018.
6. Конституция Республики Казахстан: Принята на девятой сессии Верховного Совета Республики Казахстан двенадцатого созыва 28 января 1993 г. – Режим доступа: https://zakon.uchet.kz/rus/history/K930001000_/06.09.1995 – Дата обращения: 25 февр. 2018.
7. О концепции расширения сферы функционирования государственного языка, повышения его конкурентоспособности на 2007–2010 гг. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P070001122_ – Дата обращения: 3 марта 2018.
8. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». 2012. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> – Дата обращения: 10 марта 2018.
9. Новый Казахстан в новом мире. Послание Президента Н.А. Назарбаева народу Казахстана. М.: Астана, 2007. – Режим доступа: <http://ulttykarhiv.kz/ru/poslanie-prezidenta-rk/354-poslanie-prezidenta-strany-narodu-kazakhstana-ot-28-fevralya-2007-goda> – Дата обращения: 12 марта 2018.
10. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана. 2006. Астана, 24 окт. – Режим доступа: <http://www.zakon.kz/77635-vystuplenie-prezidenta-respubliki.html> – Дата обращения: 10 марта 2018 г.

Роль Ассамблеи народа Казахстана в формировании казахстанской модели единства и согласия

Role of the Assembly of the people of Kazakhstan in the formation of the kazakhstani model of unity and harmony

А.С. Сейдуманова

Сейдуманова Анель Сериковна, аспирантка кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: казахстанская модель межэтнического и межконфессионального согласия признана одной из наиболее успешных моделей этнополитики. Уникальной институциональной формой общественно-государственного этнополитического менеджмента является Ассамблея народа Казахстана (АНК). АНК интегрирована как в вертикаль административно-политической власти государства, так и в сетевые структуры общественной самоорганизации и самоуправления. Кроме того, в функции АНК входят медиация и координация деятельности по развитию и укреплению межнациональных отношений между всеми субъектами этнополитических процессов. На АНК также возложена функция экспертно-аналитической разработки концептуальных оснований этнополитики. Именно с разработкой и всенародным обсуждением, Доктрины национального единства Казахстана, подготовленной АНК связана наиболее острая и бескомпромиссная в новейшей истории страны дискуссия о принципах, приоритетах, стратегии, направлении, целях и механизмах реализации государственной национальной политики.

Ключевые слова: Ассамблея народа Казахстана (АНК), этнополитика, межэтническое согласие, нациестроительство, гражданское общество, гражданская нация, этнонация.

Abstract: the Kazakhstani model of the inter-ethnic and interfaith concord can be considered as one of the most successful ethnic policies. The Assembly of the People of Kazakhstan (APK) is a unique institutional form of public-state and ethnopolitical management. It is integrated not only in the chain of administrative-political power of the state, but in the structural networks of social organization and self-government as well. Moreover, other functions of the APK include mediation and coordination of certain activities that help to develop and strengthen the inter-ethnic

relations among all subjects of ethno-political process. The APK is also responsible for the expert-analytical development of the conceptual basis of ethno-politics. The most acute and uncompromising discussion of the principles, priorities, strategies and directions, goals and mechanisms of the state policy implementation began with the Doctrine of Kazakhstan's national unity, which was prepared by the APK.

Key words: the Assembly of the People of Kazakhstan (APK), ethno-politics, inter-ethnic concord, nation-building, civil society, civic nation, ethnation.

Стратегия и тактика, концептуальные модели и институциональные формы государственной этнополитики определяются историческим опытом данного государства и необходимостью решения конкретных проблем, возникающих в сфере этногосударственных и межэтнических отношений. Вместе с тем главная задача этнополитики – достижение и укрепление межэтнического согласия. В статье проводится анализ роли в решении этой задачи Ассамблеи народа Казахстана как институциональной формы общественно-государственного этнополитического менеджмента.

Федеративная структура России и унитарное устройство Казахстана определяют значительные различия как в стратегиях нациестроительства, так и в институциональных формах протекания этнополитических процессов. По мнению ряда экспертов, национальная политика в Российской Федерации формируется на фоне соперничества двух идеологий национально-государственного строительства: гражданской идеологии централизованного государства и идеологии местных национализмов [25: 284]. В Казахстане как унитарном государстве проблема «местного национализма» не является актуальной. Однако и в России, и в Казахстане ключевой вопрос нациестроительства – это нахождение оптимального для каждой из этих стран сочетания этатистских (гражданско-политических) и этнических (этнонациональных) моделей. Поэтому казахстанский опыт разработки и применения институциональных форм этнополитического менеджмента представляет интерес для российского научно-экспертного сообщества.

Государственная этнополитика Республики Казахстан со времени провозглашения национального суверенитета преследует главную стратегическую цель: укрепление межнационального единства и согласия. В достижении этой цели применяются различные тактические схемы, ставящие акцент либо на этнокультурных, либо на гражданских составляющих национальной идентичности. Циклические колебания и корректировки среднесрочных тактических схем знаменуют собой также этапы эволюции этнополитики Республики Казахстан, выступая основанием ее периодизации в работах ряда авторов, обращающихся к этой теме. Хотя вре-

менные рамки выделенных этапов не поддаются четкому определению, принцип периодизации может быть определен вполне однозначно: этим принципом является переход государственной этнополитики к той или иной модели разрешения фундаментального противоречия между этнокультурной и гражданской формами национально-государственного строительства.

В конце 1980-х гг. в Казахстане возникают национальные движения, которые впоследствии трансформируются в политические партии: «Алаш», «Азамат» («Гражданин»), «Желтоқсан» («Декабрь»), Республиканская партия. Их идеологические и политические установки отражали стремление казахской нации к утверждению своей государственной независимости, к политической легитимации национальной идентичности, самобытной культуры, языка, традиций, обычаев казахского народа. Этнонационализм стал также стержневой идеологией национально-государственного строительства в период 1991–1995 гг., что нашло отражение в официальных документах.

В Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 г. содержалось положение о народе Казахстана как гражданской нации: «Граждане республики всех национальностей составляют народ Казахстана, и он является единственным носителем суверенитета и источником государственной власти в Казахской ССР» [5]. Но уже в Конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 г. была включена фраза о «праве казахской нации на самоопределение» [10] (в преамбуле названной Декларации говорилось о «праве наций на самоопределение»). Первая Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г. законодательно закрепила этнонациональный характер казахстанской государственности, определив Республику Казахстан как «форму государственности самоопределившейся казахской нации» [11]. Фактически был провозглашен статус казахов не только как «этнокультурного ядра казахстанской государственности», но и как «государствообразующей нации». Тем самым в качестве социокультурного основания национально-государственного строительства были приняты генерализация и политико-идеологическая мобилизация ценностно-смысловых схем этнической самоидентификации титульного этноса.

Можно согласиться с оценкой первого этапа этнополитики, данной казахстанским политологом Ерболом Макашевым. Он считает, что, с одной стороны, государственная политика этнонационализма была оправдана, так как этнизация общественного сознания вписывалась в логику понимания обретенного государственного суверенитета как политической формы или политического механизма духовного возрождения и самоопределения казахской нации («казахского ренессанса»). С другой сто-

роны, приоритетность этнокультурной и этноконфессиональной идентификации, преобладание партикулярных этнических интересов над общегражданскими ценностями обусловили дезинтеграционные настроения, межэтническую поляризацию, превращение этничности в средство политического давления на органы власти [13]. Одним из наиболее болезненных результатов этнической сегментации общества стала массовая эмиграция из Казахстана русского населения и представителей ряда других этнических групп (немцев, украинцев, белорусов), пик которой пришелся на 1994 г.

Принятием в 1995 г. очередной Конституции Республики Казахстан, законодательно закрепившей понимание нации как надэтнической политической общности в качестве модели нациестроительства, ознаменовалось начало второго этапа эволюции государственной этнополитики. Из этой Конституции было исключено понятие «государствообразующая нация» и произошло разделение населения республики по критерию титульной и нетитульной наций. Основным вектор этнополитики был направлен на формирование единой казахстанской гражданской нации. В своем выступлении на III сессии АНК Назарбаев заявил: «Народ Казахстана рассматривается как политическая общность граждан разных национальностей, а не как новая этническая общность. На данном этапе развития единственно реалистичной является именно такая постановка вопроса» [16]. В этот период ощутимо меняются как идеологические установки, так и институциональные формы этнополитического менеджмента. Конституция 1995 г. закрепила в Казахстане президентскую форму правления, делегировав президенту чрезвычайно широкий круг полномочий. Как показала практика, на переходном этапе общественно-экономического и политического развития Казахстана президентская форма правления проявила себя как эффективная система обеспечения социальной стабильности и противостояния силам дезинтеграции, в том числе по линиям этнической сегментации общества.

Переход от традиционной (этнокультурной) к модернистской (гражданской) модели нациестроительства институционально должен быть обеспечен созданием сильных, многочисленных и разнообразных кросс-этнических коалиций – политических партий, общественных (неправительственных) объединений и движений, республиканских, региональных, местных институтов общественного самоуправления и т.д. Поэтому отнюдь не случайно практически одновременно с принятием Конституции Республики Казахстан 1995 г. и переходом к новой модели нациестроительства Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. была создана уникальная институциональная форма проведения госу-

дарственной национальной политики – Ассамблея народов Казахстана (АНК), с 26 июля 2007 г. – Ассамблея народа Казахстана.

Идея о создании Ассамблеи согласия и единения народов Казахстана как общенародной неполитической организации была публично высказана президентом страны еще в декабре 1992 г. во время его выступления на Форуме народа Казахстана. Однако на начальном этапе развития Казахстана как суверенного государства, когда задачи этнополитики решались в русле этнонациональной модели нациестроительства, для решения этих задач не было острой необходимости в практическом воплощении президентской идеи. Конституционное утверждение гражданского принципа нациестроительства с одновременным закреплением за главой государства широкого круга полномочий актуализировало вопрос о создании специального общественного института, способствующего разработке и реализации государственной этнополитики (национальной политики) со статусом консультативно-совещательного органа при президенте страны. Отметим, что этот статус АНК отличен от статуса созданной 8 июля 1998 г. Ассамблеи народов России как добровольной, самоуправляемой общероссийской общественной организации.

Национально-культурные центры (НКЦ), которые начали создаваться в Казахстане в 1990 г., выполняли исключительно культурно-просветительские функции, хотя и были попытки некоторых из них – с одной стороны, русско-славянских и казачьих общественных объединений (таких как «Русская община», «Лад», «Возрождение»), с другой стороны, казахских организаций («Қазақ тілі» – «Казахский язык») – воздействовать на национальную политику государства. 16 февраля 1995 г. Назарбаев провел совещание с руководителями НКЦ, на котором предложил создать новую институциональную форму объединения этносов для интеграции усилий национально-культурных центров по развитию их культур и языков, сохранению и укреплению межнационального согласия. Предложение было поддержано, и уже 1 марта Президентом Республики Казахстан был подписан Указ «Об образовании Ассамблеи народов Казахстана».

В Положении об Ассамблее народов Казахстана, утвержденном тем же указом президента, определены цели, задачи и основные направления деятельности этого органа. Содержащаяся в документе формулировка цели создания Ассамблеи народов Казахстана выражает принципиальную установку на реализацию гражданской модели нациестроительства, структурно гомологичной механизмам социальной интеграции, специфичным для президентской республики: «Целью Ассамблеи является выработка... практических рекомендаций, обеспечивающих консолидацию общества, а также оказание содействия Президенту Республики Казах-

стан в его деятельности как гаранту соблюдения прав и свобод граждан Казахстана независимо от их расовой, национальной, социальной принадлежности, вероисповедания и убеждений» [21].

Отметим, что трансформация тактических схем этнополитики, альтернативная расстановка акцентов и смена приоритетов в соотношении гражданской и этнонациональной моделей нациестроительства на третьем этапе эволюции государственной этнополитики обусловили и иную формулировку целей Ассамблеи. В Положении об Ассамблее народов Казахстана, утвержденном Указом Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 г., в качестве цели Ассамблеи указано «формирование казахстанской идентичности путем консолидации этносов Казахстана на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности при стержневой консолидирующей роли государственного языка и культуры казахского народа» [19]. Сравнение двух формулировок целей деятельности АНК наглядно демонстрирует укрепившуюся в начале 2000-х гг. тенденцию к выдвиганию на первый план этнонациональной проблематики нациестроительства.

Если обратиться к определению цели Ассамблеи, прописанной в Законе Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» от 20 октября 2008 г., то в нем зафиксирован следующий цикл (четвертый этап) этнополитики, возвращающий приоритетность задачам построения гражданской нации, формированию общеказахстанской гражданской идентичности: «Целью Ассамблеи является обеспечение межэтнического согласия в Республике Казахстан в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа» [20: 122].

После дискуссии 2010 г. вокруг Доктрины национального единства этнонационализм вернул утраченные позиции, что означало переход к пятому этапу (циклу) этнополитического процесса в Казахстане. В Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2020 г.), утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 18 апреля 2013 г., целью деятельности АНК предложено считать «...обеспечение общественного согласия, национального единства на основе патриотизма, общих ценностей при консолидирующей роли казахского народа и государственного языка» [22].

Наконец, в Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2025 года), утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 28 декабря 2015 г., целью АНК объявлено «повышение ее роли в укреплении казахстанской идентичности и единства на принципе гражданства, продвижении ценностей общенациональной патриотической идеи «Мәңгілік Ел»

и формировании Нации единого будущего» [23]. В казахском языке словосочетание «Мәңгілік Ел» имеет глубокий, многослойный смысл. На русский язык его основное значение можно (очень приблизительно) передать словами: «Вечная Страна», «Вечный Народ в его единстве с государством». Хотя происхождение идеи «Мәңгілік Ел» имеет этнокультурные и этнополитические истоки, но, как неоднократно подчеркивал глава государства, в условиях современного Казахстана эта идея является не только национальной идеей этнических казахов, но и общеказахстанской национальной идеей. Таким образом, начавшийся шестой этап этнополитического развития характеризуется стремлением к равновесию, синергетическому взаимодействию гражданского и этнокультурного начал нациестроительства. Более того, фактически проводится отождествление духовно-ценностного содержания гражданско-политической идентичности и «всеказахстанской национальной идеи». В принятой парламентом Республики Казахстан Декларации 25-летия Независимости Республики Казахстан говорится о формировании в Казахстане уникального типа общества с «особенно прочным сплавом духовности и гражданственности» [4].

Если в периодизации тактических схем нациестроительства руководствоваться теми принципами соотношения этнонациональных и гражданских моделей нации, которые зафиксированы программными документами Ассамблеи народа Казахстана в формулировках целей ее деятельности, то можно составить следующую картину этапов эволюции (циклов) идеологических установок государственной этнополитики Республики Казахстан (см. таблицу).

**Циклы (этапы) эволюции государственной этнополитики
Республики Казахстан**

Период	Тип соотношения этнонациональных и гражданских принципов нациестроительства
1991–1995 гг.	Приоритет этнонациональных принципов
1995–2002 гг.	Приоритет гражданских принципов
2002–2008 гг.	Приоритет этнонациональных принципов
2008–2010 гг.	Приоритет гражданских принципов
2010–2015 гг.	Приоритет этнонациональных принципов
С 2015 г.	Паритет этнонациональных и гражданских принципов

Циклическая смена или чередование векторов нациестроительства не означает механического воспроизведения, повторения использованной ранее схемы. На каждом новом этапе своей эволюции этнополитика выстраивается с учетом накопленного ранее опыта, на основе анализа его

позитивных результатов и негативных последствий. Разумеется, идеологические установки необязательно совпадают с реально проводимым курсом государственной этнополитики центральными и тем более местными органами власти. Однако схематически представленная картина смены тактики нациестроительства показательна как иллюстрация стремления властей сохранять подвижное равновесие здания национальной государственности через постоянное перераспределение нагрузки на его этнокультурные и гражданско-политические устои.

В структурно-функциональном плане Ассамблею народа Казахстана можно отнести к категории так называемых промежуточных социальных институтов, которые одновременно выступают несущими конструкциями и гражданского общества, и политической системы [3: 62]. Уникальность АНК как институциональной формы общественно-государственного этнополитического менеджмента заключается в том, что АНК, во-первых, интегрирована во все иерархические уровни вертикали административно-политической власти и в сетевые структуры самоорганизации гражданского общества. В Общие положения об Ассамблее народов Казахстана включен пункт о том, что Ассамблея осуществляет свою деятельность в тесном взаимодействии с государственными органами, общественными объединениями, органами территориального общественного самоуправления. Во-вторых, АНК выполняет функции посредника или медиатора между субъектами этнополитических процессов. Как записано в Положении 1995 г. об Ассамблее народов Казахстана, одной из ее главных задач является «межведомственная координация деятельности по развитию и укреплению межнациональных отношений» [21]. Тем самым обеспечивается комплексность и согласованность действий по регулированию сферы межэтнических отношений и этнополитических процессов.

Можно выделить несколько базовых уровней институционализации этнополитического менеджмента, ведущегося Ассамблеей народа Казахстана с момента ее образования.

1. АНК как институт общественного самоуправления. Персональный состав Ассамблеи формируется Президентом Республики Казахстан в основном из числа представителей национально-культурных центров или этнокультурных объединений, которые являются одной из основных организационных форм самоуправления гражданского общества.

2. АНК как институциональная форма межэтнических коммуникаций. Этнокультурные объединения, входящие в состав АНК, не только защищают интересы этнических групп, способствуют решению задач сохранения их духовно-культурного наследия, но и принимают активное участие в налаживании межэтнического диалога, развитии разнообразных форм и сетей межкультурной коммуникации. Таким образом, на этом

уровне реализуется возложенная на АНК функция интеграции усилий этнокультурных объединений по обеспечению толерантности, согласия, предотвращения конфликтов в межэтнических отношениях в Казахстане.

Один из главных рисков этнополитики – сопутствующая процессам внутренней консолидации этнических групп их самоизоляция, ведущая к этнокультурной и этнополитической поляризации общества. Риски дезинтеграции полиэтнического социума только усиливаются созданием разного рода этнокультурных объединений этническими общностями институтов самоуправления. Тем более что институты самоуправления меньшинств подчас демонстративно противопоставляют себя культурному мейнстриму, нормативно-ценностному консенсусу гражданской нации. Поэтому столь необходимой для современных полиэтничных обществ является институционализация межкультурного, кросс-этнического диалога. Эта проблема не может решаться только на уровне политических институтов. Как подчеркивается в Доктрине национального единства Казахстана Ассамблея народа Казахстана является «уникальным институтом развития межкультурного диалога» [6: 142], поскольку АНК институционально оформляет процессы формирования публичного коммуникативного пространства усилиями и инициативой самих этнокультурных объединений.

Первые два уровня институционализации этнополитического менеджмента локализованы в собственных структурах гражданского общества. Перейдем к рассмотрению функций АНК по регулированию этнополитических процессов через институты исполнительной и законодательной власти.

3. АНК как субъект проведения государственной этнополитики через институты представительной демократии. В 2007 г. в Казахстане была проведена конституционная реформа, в соответствии с которой был закреплен конституционный статус и полномочия АНК как института представительства интересов этнических групп в органах административно-политического управления. На основании нормативно-правовых актов конституционной реформы, а также Закона Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана», АНК получила гарантированное Конституцией право кооптировать в Мажилис парламента республики свою депутатскую группу в составе девяти депутатов. Тем самым АНК из консультативно-совещательного органа преобразовалась в полноправный субъект политической системы.

4. АНК как субъект проведения государственной этнополитики через институты идентитарной демократии. В президентской республике, каковой является современный Казахстан, вершина вертикали власти – это институт прямой, или идентитарной, демократии как пре-

вращенной формы непосредственного народовластия. Принципы всеобщей воли и общенародного блага должна олицетворять инстанция политической власти, стоящая выше всех частных целей и партикулярных интересов. Такой инстанцией в демократической республике является институт президентства. Соответственно в сфере национальной политики президент выступает гарантом и персонификацией неизменности политического курса государства на общенациональное согласие.

Соотношение президентской власти и парламентаризма структурно воспроизводится в схемах взаимоотношения АНК с национально-культурными центрами. Назарбаев Н.А. отмечает: «В рамках президентской формы правления статус главы государства позволяет ему находиться «над ситуацией»... Для полиэтничного и многоконфессионального общества, в котором к тому же происходит сильная социальная дифференциация, жизненно важно наличие в лице президента гаранта гражданского мира, общественной стабильности и межнационального согласия» [18]. Более того, по мнению Назарбаева, для эффективного решения задач национально-государственного строительства парламентарии должны не столько отстаивать особые интересы своего электората или своей партии, а тем более разнообразных «групп давления», сколько консолидировать политическую волю граждан, выполняя политические функции идентитарной демократии: «Это согласование социальных и национальных запросов, артикуляция их в общенациональный интерес, интерес государства, а значит – выражение воли всего народа» [15: 183].

Непосредственное подчинение Ассамблеи народа Казахстана Президенту Республики Казахстан позволяет Ассамблее выступать институтом идентитарной демократии в проведении государственной этнокультурной политики. Эта функция закреплена в организационных особенностях АНК. Первый Президент Республики Казахстан – Лидер нации – пожизненный председатель Ассамблеи народа Казахстана. Секретариат Ассамблеи входит в состав Администрации Президента Республики Казахстан. Высокий *политический* статус Ассамблеи народа Казахстана как *общественной* организации выражается в том, что все государственные органы обязаны принимать к рассмотрению и исполнению решения Сессии АНК.

5. АНК как связующее звено между политической системой и гражданским обществом, форма институционализации их прямых и обратных связей. Со времени образования Ассамблеи народа Казахстана на нее была возложена функция межведомственной координации деятельности по развитию и укреплению межэтнических отношений. К числу основных задач Концепции развития Ассамблеи до 2025 г., утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 28 декабря 2015 г., отнесены следующие задачи: «1) усиление роли АНК в качестве ко-

ординатора работы государственных органов всех уровней и институтов гражданского общества по укреплению общественного согласия, казахстанской идентичности и единства... 2) внедрение новых форматов взаимодействия государства и этнокультурных и иных общественных объединений для укрепления общественного согласия и общенационального единства» [23].

Таким образом, Ассамблея народа Казахстана, сочетая функции административно-политических институтов парламентской и идентитарной демократии с функциями институтов гражданского общества и функциями координатора работы всех государственных и общественных структур, де-факто выступает органом полицентричного, полисубъектного и вместе с тем консолидированного на принципах диалога и сотрудничества государственно-общественного менеджмента этнополитических процессов.

Совместно с совершенствованием институциональных форм этнополитики в Казахстане идет процесс разработки ее концептуальных основ. За годы развития Казахстана как независимого, суверенного государства накоплен определенный опыт экспертно-аналитической разработки мировоззренческих, идеологических, теоретико-методологических аспектов казахстанской модели межэтнического единства и согласия. Органы государственной власти приняли ряд программных документов, в которых определялись стратегические цели, задачи, принципы, ресурсная база, механизмы реализации национальной политики. Важнейшие элементы корпуса официальных документов по идеологии нациестроительства – закон об Ассамблее народа Казахстана и принятые в разные годы концепции и стратегии развития Ассамблеи народа Казахстана. Вместе с тем основная нагрузка в разработке доктринальных положений этнополитики лежит на научно-экспертных структурах Ассамблеи народа Казахстана.

Наиболее определенно и с приведением аргументов теоретического плана доктрина формирования гражданской нации в Казахстане сформулирована в Концепции формирования государственной идентичности Республики Казахстан (1996 г.). В этом документе предпринята попытка разработки концептуальной модели национально-государственной идентичности Республики Казахстан как государства-нации: «...определение Казахстана как национального государства учитывает стратегическую тенденцию в развитии государственной идентичности – становление в перспективе государства-нации. Такого государства, граждане которого независимо от этнической принадлежности образуют единый народ, и принадлежность к которому выступает для них главным идентифицирующим признаком» [12].

В Концепции также постулируется важный с точки зрения этнополитики демократический принцип принятия политических решений: решения должны приниматься не просто исходя из мнения большинства, а на основе сравнения и выбора из альтернативных вариантов. «При этом в максимально возможной степени демократия должна стараться обеспечить права меньшинства» [12].

Безусловная приоритетность курса на построение политической нации подтверждается в Концепции тем, что в идеологию национально-государственного строительства включаются исключительно либерально-демократические принципы и так называемые общечеловеческие ценности, даже без упоминания о духовно-культурных ценностях казахов и других этнических групп Казахстана: «...основными идеями государства должны стать единство народа, гражданский мир, социальная стабильность, межнациональное и межконфессиональное согласие, компромисс и терпимость» [12]. В дальнейшем при определении аксиологических оснований общенациональной идеи приоритет отдается не космополитическим нормативно-ценностным комплексам, а ценностям национальной духовной традиции.

В своей программной статье «Ключи от кризиса» Н.А. Назарбаев писал, что для начала радикального обновления необходимо обновить «оптику» или инструментарий нашего мышления [17]. В Стратегии «Казахстан-2050» речь идет не только о применении нового понятийно-терминологического аппарата, но и об изменении логики политического мышления в области проблем нациестроительства, вокруг которых в стране не прекращается острая идеологическая дискуссия. Можно предположить, что требование отказаться от догматических схем и стереотипов мышления в сфере национальной политики не в последнюю очередь является реакцией и ответом президента на беспрецедентно жесткую полемику, развернувшуюся в ноябре 2009 – апреле 2010 г. между сторонниками разработанного АНК проекта Доктрины национального единства Казахстана и сторонниками ее альтернативных вариантов: Концепции новой национальной политики Республики Казахстан на 2010–2020 гг., подготовленной группой активистов демократической партии Казахстана «Ақ жол» под руководством Амангельды Айталы, и Концепции национальной политики Республики Казахстан, предложенной Мухтаром Шахановым. Анализ аргументов противоборствующих сил во многом проясняет сложный идеологический контекст, в котором ведется разработка доктринальных оснований и институциональных форм государственной этнополитики Республики Казахстан.

Определяя этот контекст, один из лидеров казахских национал-патриотов, политолог Айдос Сарым использовал образ параллельных ми-

ров: «Сегодняшние споры о вариантах национальной идентичности – явное свидетельство того, что у нас не все благополучно. Почитайте газеты на казахском и русском языках, и вы увидите, что страна живет в двух измерениях» [24]. Однако эти разные измерения, или параллельные миры русских и казахских общественных объединений, сошлись в неприятии ими предложенного АНК проекта Доктрины национального единства, хотя и по прямо противоположным мотивам. Так, лидер республиканского славянского движения «Лад» Максим Крамаренко заявил в одном из своих интервью: «Подписавшись под пресловутой Доктриной национального единства, мы, русские, тем самым согласимся с национальными дисбалансами и со своим бесправным «окраинным» положением. Сначала нужно обеспечить реальное участие нетитульных этносов в управлении страной, а потом уже можно будет говорить о единстве» [26]. Но если активисты русских и некоторых других этнических объединений ограничились критикой проекта в целом или его отдельных положений, то казахские национал-патриотические движения и оппозиционные партии представили свои собственные варианты концепции государственной этнополитики Казахстана.

Основные различия Доктрины и альтернативных концепций определены принципиальными установками на приоритетность построения гражданской нации либо этнонации. Если в Доктрине и в концепции ДПК «Ақ жол» используется термин «казахстанская нация», то в концепции национал-патриотов нация названа «казахской». Сама идея построения казахстанской нации в этой концепции названа «опасной для будущего казахской нации и других этнических групп».

В связи с этим можно отметить, что в последнее время в России вновь вспыхнули дебаты вокруг понятия «российская нация». Президент России В.В. Путин одобрил идею разработки закона о российской нации. Его поддержал главный раввин России Берл Лазар. Российский этнолог В.А. Тишков в обоснование своего понятия «нация наций» говорит о том, что Россия как гражданская нация сохраняет в своем составе нации как этнические общности, обладающие территориальной и экстерриториальной автономиями. Согласно такой понятийной конструкции, российская гражданская нация состоит из русской, татарской, лезгинской, чеченской и прочих наций. Однако разработанная В.А. Тишковым концепция российской гражданской нации подвергается критике с разных сторон, в том числе высокопоставленными лицами Русской православной церкви. Первый зампред синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Александр Щипков заявил: «“Российская” нация имеет смысл только как синоним “русской”» [2].

В отличие от провозглашаемого Доктриной принципа равенства всех казахстанцев вне зависимости от этнической принадлежности, в концепции,

разработанной национал-патриотами, предлагается модель этнонациональной стратификации Казахстана, согласно которой «в казахском государстве есть только одна государствообразующая нация и другие этнические группы». Соответственно в национально-государственном строительстве должен соблюдаться «приоритет ценностей казахского народа перед ценностями других национальностей...», между тем как в Доктрине шла речь об общей для всех казахстанских этносов системе ценностей и идеалов.

В концепции ДПК «Ақ жол» проводится аналогичный концепции национал-патриотов принцип этнонациональной стратификации: частями «единого казахстанского общества» являются «государствообразующая казахская нация, русские и другие этнические группы». Тем самым утверждается, что единая гражданская общность состоит из разностатусных по отношению к государству социальных групп (в Доктрине «под национальным единством понимается целостность существования этнических общностей в составе единого государства» [7]). Но при этом принципом национальной политики объявляется «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, вероисповедания, его отношения к религии, а также принадлежности к социальным группам и общественным объединениям» [8]. Очевидно, что стремление объединить гражданские и этнонациональные принципы национал-патриотства обернулось не их интеграцией, а эклектичным смешением. Такого рода эклектика, впрочем, присутствует и в рассуждениях представителей крайних взглядов. Например, Айдос Сарым заявляет: «Почему бы сегодня не начать обсуждать формулу “казахская нация” плюс “межнациональное согласие”?» [24]

Идеология Доктрины национального единства выражает либеральные установки на формирование политической нации: «Фундаментом согласия и стабильности в обществе стал изначальный выбор в пользу формирования гражданской, а не этнической общности. Время доказало, что это самый разумный путь совмещения интересов всех граждан страны независимо от их этнической принадлежности» [7]. Предложенная национал-патриотами Концепция национальной политики Республики Казахстан провозглашает курс на построение в Казахстане этнократического государства. В Концепции новой национальной политики Республики Казахстан на 2010–2020 гг. ДПК «Ақ жол» проводится попытка адаптировать принципы формирования гражданской нации к признанию за казахами статуса государствообразующей нации. Как категорически заявил в одном из своих интервью А. Айталы, «...если говорить научным языком, у нас есть только одна нация. Это государствообразующая казахская нация» [1].

Согласованный, компромиссный вариант Доктрины национального единства базируется на признании как гражданского, так и этнического начал нациестроительства, но место концептуального обоснования их единства в Доктрине занимает политически корректная эклектика. С одной стороны, утверждается приоритетность либерально-демократических принципов формирования политической нации, что выражается, в частности, в отсутствии в тексте Доктрины понятия «государствообразующая нация». С другой стороны, в механизм нациестроительства вносится этнонациональная матрица, согласно которой в создании политической нации определяющую роль играет «новая историческая миссия» казахского народа: «стать консолидирующим центром объединения Нации» [6: 141].

Альтернативность идеологии нациестроительства выразилась и в противоположности подходов к определению субъектов проведения этнополитики. В проекте Доктрины национального единства, подготовленном АНК, указывалось, что одним из главных инструментов национальной политики стала Ассамблея народа Казахстана, поэтому деятельность государства в сфере укрепления институтов межэтнического взаимодействия будет направлена прежде всего «на обеспечение эффективного участия Ассамблеи народа Казахстана, этнокультурных объединений и других институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики» [7]. В разработанной ДПК «Ақ жол» Концепции новой национальной политики Республики Казахстан на 2010–2020 гг. говорится, что монополия АНК на разработку и проведение национальной политики «снижает ответственность в этом вопросе государственных органов и гражданского общества» [8].

Согласованный и одобренный правительством Казахстана 18 мая 2010 г. вариант Доктрины национального единства не вызвал оживленных дискуссий. Он устроил все стороны, скорее всего в силу своей декларативности и обтекаемости формулировок. Риторика как господствующий стиль всего текста Доктрины оставляет мало места рациональному анализу его понятийного аппарата. Например, содержание концепта Национального Духа изложено в следующей формулировке: «Для подъема нашего Национального Духа главными приоритетами должны стать: дух традиций и патриотизма, дух обновления, состязательности и победы» [6: 143]. Под Духом Нации в Доктрине фактически понимаются традиционные ценности национальной культуры, а также некое пассионарное напряжение в стиле теории этногенеза Н. Гумилева: как неумная жажда деятельности, необоримое внутреннее стремление к намеченной цели, зачастую превосходящей рациональный самоотчет в собственных силах и возможностях. «Только нации, нацеленные на достижение сверхзадач глобального масштаба, добиваются успеха» [6: 144].

В Послании Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстанский путь-2050: единая цель, единые интересы, единое будущее» Лидер нации формулирует идею «Мәңгілік Ел», определяя ее как общенациональную идею Казахстана: «Мәңгілік Ел – это национальная идея нашего общеказахстанского дома, мечта наших предков. За двадцать два года суверенного развития созданы главные ценности, которые объединяют всех казахстанцев и составляют фундамент будущего нашей страны» [9].

Вместе с переходом к новой модели этнополитики меняется и принцип ее дальнейшей периодизации, поскольку маятниковая структура смены этнонациональных и гражданских приоритетов нациестроительства уступает место их паритету (или синергическому взаимодействию).

В своем выступлении на XXII сессии Ассамблеи народа Казахстана 23 апреля 2015 г. Назарбаев, раскрывая смысл идеи «Нации единого будущего», подчеркнул: «Мы формируем уникальную и до сих пор нигде не повторенную модель единства народа. Нас объединяют, во-первых, общая любовь к нашему общему дому – Казахстану. Во-вторых, общественное согласие по отношению к истории нашей древней земли и развитию языков. В-третьих, глубокая вера в настоящее и великое будущее нашего государства и ее граждан. Это и есть основа нашей Вечной Родины – Мәңгілік Ел» [14].

Главная особенность новой модели национальной политики заключается в том, что в ее основе лежит идея единства многообразия. На предыдущих этапах реализации этнополитики ставилась задача консолидации нации через механизмы диалога, принципы толерантности и т.п., т. е. формирования единого из многого. В идее «Мәңгілік Ел» этнокультурное многообразие реализуется на основании и в формах общенационального единения, т. е. не в процессах и процедурах интеграции изначально разделенных элементов, а через актуализацию и обогащение (модернизацию) исторически сформировавшихся (традиционных) форм единства многообразного. Эта конструктивная особенность новой модели этнополитики отражена, например, в принятой парламентом Республики Казахстан Декларации 25-летия Независимости Республики Казахстан, где говорится: «Исторический синтез на перекрестке мировых религий, языков, культур и традиций сформировал в Казахстане уникальный тип общества, в котором мир и согласие стали нравственной и этической нормой социума, неотъемлемой частью нашей общей культуры. Это сделало особенно прочным сплав духовности и гражданственности, превратив полиэтничность и поликонфессиональность в стратегический ресурс и преимущество Казахстана» [4]. На новом этапе национальной политики главной задачей АНК должна стать реализация данного стратегического

ресурса – укрепление гражданско-политического, культурного, духовного единства народа Казахстана.

Источники и литература

1. Амангельды Айталы: «Мы сильны единством» // Актюбинский вестник. 2010. 29 апр.
2. В РПЦ раскритиковали проект концепции российской нации. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/550039> – Дата обращения: 13 мая 2018.
3. *Гаджиев К.С.* Введение в политическую науку. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1999. 544 с.
4. Декларация 25-летия Независимости Республики Казахстан. – Режим доступа: <http://www.matritca.kz/news/39092-deklaraciya-25-letiya-nezavisimosti-respubliki-kazahstan-polnyu-tekst.html> – Дата обращения: 5 мая 2018.
5. Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики: Постановление Верховного Совета Казахской ССР № 1700 от 25 октября 1990 г. – Режим доступа: <http://www.elimai.kz/deklaraciya-o-suverenitete.html> – Дата обращения: 3 мая 2018.
6. Доктрина национального единства Казахстана // Государственная этнополитика Казахстана: новые тренды: Методическое пособие / Под общ. ред. Е.Л. Тугжанова. Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2011. Приложение 4. С. 139–145.
7. Доктрина национального единства Казахстана: Проект для обсуждения. Астана, 2009. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2197817.html> – Дата обращения: 5 мая 2018.
8. Концепция новой национальной политики Республики Казахстан на 2010–2020 годы: Проект. – Режим доступа: <https://zonakz.net/articles/26602> – Дата обращения: 13 мая 2018.
9. Казахстанский путь-2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее: Послание Президента Республики Казахстан от 17 января 2014 г. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400002014> – Дата обращения: 6 мая 2018.
10. О государственной независимости Республики Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан № 1007-XII от 16 декабря 1991 г. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1000798 – Дата обращения: 3 мая 2018.
11. Конституция Республики Казахстан: Принята на девятой сессии Верховного Совета Республики Казахстан двенадцатого созыва 28 января 1993 г. – Режим доступа: https://zakon.uchet.kz/rus/history/K930001000_/06.09.1995 – Дата обращения: 6 мая 2018.
12. Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан. – Режим доступа: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsl/dok_pegeez.htm – Дата обращения: 19 мая 2018.
13. *Макашев Е.С.* Этнополитика и межэтническая ситуация в Казахстане (1991–2001 гг.): Анализ. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041668340> – Дата обращения: 15 мая 2018.
14. Н. Назарбаев: Мы формируем уникальную и нигде не повторенную модель единства народа. – Режим доступа: <https://www.caravan.kz/news/nnazarbaev-my->

- formiruem-unikalnuyu-i-nigde-ne-povtorjonnuyu-model-edinstva-naroda-346990/ – Дата обращения: 12 мая 2018.
15. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. Алматы: Онер, 1996. 288 с.
 16. Назарбаев Н.А. Общественное согласие – основа демократического развития Казахстана // Казахстанская правда. 1996. 30 апр.
 17. Назарбаев Н.А. Ключи от кризиса // Российская газета. 2009. 2 февр.
 18. Назарбаев Н.А. Конституция – основа стабильности и процветания Казахстана. – Режим доступа: <http://personal.akorda.kz/ru/category/stati/konstituciya-osnova-stabilnosti-i-procvetaniya-kazahstana> – Дата обращения: 15 мая 2018.
 19. О Стратегии Ассамблеи народа Казахстана и Положении об Ассамблее народа Казахстана: Указ Президента Республики Казахстан № 856 от 26 апр. 2002 г. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U020000856_ – Дата обращения: 3 мая 2018.
 20. Об Ассамблее народа Казахстана: Закон Республики Казахстан № 70-IV от 20 октября 2008 г. // Государственная этнополитика Казахстана: новые тренды: Методическое пособие. Астана, 2011. Приложение 2. С. 122–131.
 21. Об образовании Ассамблеи народов Казахстана: Указ Президента Республики Казахстан № 2066 от 1 марта 1995 г. – Режим доступа: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/U950002066_ – Дата обращения: 3 мая 2018.
 22. Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2020 года): Указ Президента Республики Казахстан № 552 от 18 апреля 2013 г. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000552_ – Дата обращения: 4 мая 2018.
 23. Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2025 года): Указ Президента Республики Казахстан № 148 от 28 декабря 2015 г. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000148_ – Дата обращения: 4 мая 2018.
 24. Общественность призывает искать «духовного лидера нации» // Панорама. 2010. 2 дек. – Режим доступа: <http://www.panoramakz.com/index.php/world/item/25933> – Дата обращения: 12 мая 2018.
 25. Соколовский С.В. Национальные меньшинства в современной России: международное право и законодательство стран Европы // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 282–291.
 26. Дорохов Ю. Ветер с Запада и с Юга // Expert Kazakhstan. 2010. № 4 (242). – Режим доступа: <http://expertonline.kz/a3259/> – Дата обращения: 17 мая 2018.

**Геополитическое положение Калининградской области
и жизненные стратегии ее молодых жителей:
оценка рисков**

**The geopolitical position of the Kaliningrad region and the life
strategies of its young residents: the risk assessment**

М.Ю. Мартынова, Р.А. Григорьева

Мартынова Марина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института этнологии и антропологии РАН, заведующая Центром европейских и американских исследований ИЭА РАН;

Григорьева Регина Антоновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Аннотация: во внешнеполитическом векторе России Калининградская область играет особую роль в силу своего геополитического положения и стратегической значимости международного масштаба. В контексте широкого спектра проблем обеспечения национальной безопасности, выработки приоритетов внешней политики и форм трансграничного сотрудничества, стратегий удовлетворения государственных торгово-экономических и гуманитарных интересов актуальным становятся выяснение различных аспектов социокультурной ситуации в регионе, мониторинг настроений его жителей. Авторы на основе социолого-антропологического опроса школьников старших классов анализируют перспективы жизненных стратегий местной молодежи, акцентируют внимание на особенностях формирования региональной субкультуры в условиях эксклава и на проблеме идентичности местного населения. Исследование опирается на полевой материал и многочисленные интервью с представителями городской администрации, лидерами религиозных общин, жителями города разных возрастных категорий и социальных групп. Проанализированы статистические показатели, полученные в территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области, архивные сведения региональных и федеральных архивов, местная пресса и краеведческая литература.

Ключевые слова: Калининградская область, Евросоюз, геополитическое положение, эксклав, региональные стратегии, идентичность населения, субкультуры.

Abstract: the Kaliningrad Region has a particular significance for Russian foreign policy due to its geopolitical position and international strategic importance. In the context of a wide range of problems of ensuring national security, developing priorities of the foreign policy and the forms of cross-border cooperation, trade, national economic and humanitarian strategies, it becomes important to elucidate various aspects of the sociocultural situation in the region and monitor the sentiments of its residents. The authors analyze the perspectives of life strategies of local youth based on the sociological-anthropological survey of the high-school students, emphasizing factors of the formation of a regional subculture in the exclavity context and the problem of the local identity. The study is based on field material and numerous interviews with the city administration, leaders of religious communities, respondents of different age and social groups. The statistical indicators obtained in the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Kaliningrad Region, information from regional and federal archives, local press and regional literature are analyzed.

Key words: Kaliningrad region, European Union, geopolitical situation, exclave, regional strategies, population identity, subculture.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-18-03090 «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации. Разработка теории и междисциплинарного подхода».

Калининградская область – уникальное явление на карте современной Европы, особый субъект Российской Федерации. Целый ряд факторов влияет на ситуацию в регионе. Во-первых, область – административно-правовое образование, население которого полностью сформировалось из послевоенных мигрантов. Во-вторых, после распада СССР область стала эксклавом Российской Федерации, отделенным от основной части страны тремя государственными границами. Будучи нетипичным субъектом Федерации, в силу территориальной оторванности область строит отношения с центром по особым правилам. В-третьих, расположенная на крайнем западе и выдвинутая почти в центр Европы, окруженная со всех сторон государствами, входящими в Евросоюз, Шенгенскую зону, НАТО, область (и ее жители) тесно контактирует с соседями.

Особое геополитическое положение Калининградской области и целый комплекс политических факторов обуславливают ее важное стратегическое значение для российского государства. Вокруг проблем этого региона переплетаются интересы не только России, но и других стран. Область обладает безусловным потенциалом для интеграции в общее

экономическое пространство Балтийского региона и для еврорегиональных коллабораций. Широкие возможности экономического, культурного и экологического трансграничного сотрудничества сочетаются с тем фактом, что торговые пути других областей России идут сюда. Приобретают все большее значение незамерзающие морские причалы, растет индустрия туризма, увеличивается число совместных предприятий с зарубежными инвестициями. Местные города имеют побратимские, партнерские связи с целым рядом зарубежных городов, в том числе с расположенными по соседству.

Будучи оторванными от основной части территории государства, анклав и эксклав находятся в особом положении не только в ракурсе экономической политики и торговли, но и в социальной сфере. Некоторым государствам удается извлечь из этого выгоду, другие анклавы приходят в упадок. Относительно судьбы Калининградской области строятся различные прогнозы. В постсоветский период определение области как «самой западной» стало приобретать новое звучание. В него вкладывался не только географический смысл, но и стремление достичь здесь высокого уровня жизни, реализовать новую модель развития. Нередко слышались предположения, что в перспективе регион получит независимость и станет управляться как кондоминиум европейских государств. С середины 1990-х гг. начали развиваться идеи «Балтийского Гонконга», «Сингапура на Балтике», Зоны свободной торговли, Свободной экономической зоны, Пилотного региона и, наконец, Особой экономической зоны в качестве альтернативы по интернационализации и демилитаризации региона. Эта концепция подразумевала раскрытие потенциала области в качестве связующего экономического звена между Востоком и Западом [11].

Нужно также учитывать историю Калининградской области. После Второй мировой войны судьба региона претерпела коренные изменения, начал формироваться калининградский социум. Период, связанный со становлением российской государственности, характеризуется новыми перспективами для развития области и притоком новой волны мигрантов. В конце 1980-х – начале 1990-х г. будущее Калининградской области моделировалось в рамках Потсдамской системы, на Западе опасались военной угрозы области для Балтийского региона. На рубеже веков на первый план вышли обстоятельства невоенного характера. Существенное внимание стало уделяться расширению Евросоюза на восток, социально-экономическому развитию отношений с областью. Через несколько лет, когда Калининградская область оказалась в «окружении» Евросоюза, особую важность приобрели вопросы транзита российских пассажиров и товаров, а также военного транзита.

При этом область вопреки прогнозам не стала препятствием на пути развития евроатлантических институтов, причиной военного конфликта или очагом социальной и экономической нестабильности в мире. Еще раз отметим, что данный регион России обладает большим потенциалом в аспекте сотрудничества Запад – Восток. Вместе с тем оптимистический сценарий свободной торговли, касающийся широкой автономии и независимости действий региона, не оправдал ожиданий. Стало очевидно, что особое геополитическое положение Калининградской области можно считать как сильной, так и слабой ее стороной. При этом наряду с экономическими и политическими факторами в эксклавных условиях в зоне риска оказываются и жители. В частности, вызывает озабоченность тот факт, что, вопреки росту численности населения Калининградской области и несмотря на ее миграционную привлекательность, местная молодежь, к сожалению, не всегда связывает свои дальнейшие жизненные планы с данным регионом. Это подтвердили масштабные социологические исследования среды работающей молодежи, студентов и школьников от 14 до 30 лет, проведенные в Калининградской области в 2007, 2010 и 2011 гг. В 2011 г. в СМИ широко обсуждалась информация, озвученная региональным Агентством по делам молодежи о том, что 42% опрошенных молодых людей и девушек по результатам социологических исследований заявили о своем желании уехать. Но при этом вселяет оптимизм то, что 59% «раздумывающих уехать», допускают, что могут вернуться в регион [9].

Таким образом актуальность внимания к Калининградской области обоснована современным геополитическим положением региона, его большой стратегической значимостью и уникальной послевоенной историей. В ходе исследования авторами данной работы в 13 городах Калининградской области были проинтервьюированы 1172 ученика старших классов в возрасте от 15 до 18 лет. Главный акцент исследования был сделан на вопросах, связанных с идентичностью и особенностями формирования области в специфических условиях, на значимости общероссийской и региональной идентичностей, на тенденции воспроизводства этнической составляющей самосознания подростков. Исследовались проблемы, касающиеся связей старшеклассников с территорией проживания. Выявлялись миграционные настроения школьников в ракурсе ориентиров на дальнейшее обучение и выбор специальности.

Восприятие молодежью своей малой родины

В ходе исследования выяснилось, что у опрошенных школьников старших классов заметно осознание имеющихся отличий жителей Калинин-

градской области от населения остальных регионов России. На вопрос «Чувствуете ли Вы отличие жителей Калининградской области от жителей других регионов России?» около 32% подростков ответили, что Калининградская область имеет свою специфику, около 40% детей ее не видит. Кроме того, 28% респондентов на поставленный вопрос не ответили. Около 72% (838 чел.) опрошенных указали конкретные отличия области от других регионов России. Большинство ответов (87%) содержат положительные характеристики местных жителей, среди которых важнейшим назван европейский компонент: «Мы ближе к Европе»; «Мы более европеизированы»; «Здесь более современное и европейское общество»; «Здесь более выражена интеграция в европейскую культуру»; «Европа ближе, есть больше возможностей для путешествий». Подростки отметили, что калининградцы «культурнее, воспитаннее»; «более коммуникабельные»; «более приветливые, современные и развитые»; «у них другое отношение к окружающему миру»; «манеры людей имеют больше сходства с европейскими»; здесь «много национальностей и все дружны между собой».

Однако некоторые молодые люди высказали неудовлетворенность ситуацией в Калининградской области: «Мы отделены от России, и это неудобно, создает сложности при выезде из области»; «Малый достаток у жителей, непонятны перспективы»; «В России проще найти работу»; «Эксклавное положение опасно, если что-то случится, то первые снаряды полетят на нас», «В область редко приезжают любимые музыкальные группы», «В Калининградской области люди более грубые».

Самоидентификация старшеклассников тесно связана с эмоциональным отношением к территории своего проживания. Чувство привязанности к Калининградской области измерялось с помощью вопроса: «Какие чувства у Вас вызывает тот факт, что Вы живете в Калининградской области?» У большинства школьников (67,4%) факт проживания в Калининградской области вызывает гордость и спокойную уверенность, а каждым третьим школьником (31,2%) этот факт воспринимается как данность и не порождает никаких чувств. Негативные настроения (обеспокоенность, досада, печаль, сожаление) обозначили лишь 1,4% всех опрошенных.

Принципиально важной для понимания самоощущения подростка, восприятия своего места в обществе является общая оценка молодежью качества своей жизни. Выяснялись разные составляющие: материальное благополучие и атмосфера в семье, присутствие в доме матери и отца, отношения с учителями и друзьями. Субъективные ответы большинства детей (от 80 до 98% в разных городах) содержали оптимистичную оценку. Но на этом позитивном фоне встречались и высказывания, вызывающие обеспокоенность: «Жизнь трудная, но жить можно» (города Советск,

Гусев, Черняховск, Калининград, Правдинск, Неман), «Жизнь – безысходность и тоска» (Калининград, Неман), «Жизнь – это тоска и разочарования», «Плохо и лучше не будет», «Боль и скукота» (Калининград, Светлогорск), «Жизнь – это одни разочарования, жить не хочется» (Багратионовск, Полесск, Неман). Так, согласно ответам, воспринимают свою жизнь немногие старшеклассники, и они нуждаются в помощи психологов.

По данным исследования, для старшеклассников важна ассоциация с регионом проживания – Калининградской областью. Региональная идентичность делит в ответах с российской идентичностью второе и третье место (после этнической): около 47% всех опрошенных назвали себя «калининградцами». Региональную идентичность молодые люди наиболее часто включали в состав своих ответов в Калининграде и относительно крупных (в масштабах области) городах (62% всех ответивших в этих городах). Проведенные исследования подтверждают формирование социально-территориальной калининградской общности, основанной на тесных социальных связях и региональной субкультуре. Локальная идентичность («житель своего города») была включена в состав идентичностей у 12% респондентов (138 чел.), при этом 51% из них поставили локальную идентичность на третье или четвертое место [8].

Рассматривая современную идентичность жителей Калининградской области, особо отметим, что во время переписи населения 2010 г. не захотели или не смогли идентифицировать себя с определенным народом 48 тыс. (или 5%) жителей Калининградской области. По нашему мнению, это можно объяснить слабой значимостью этнической составляющей, интеграционными процессами, особым положением Калининградской области, осознанием ее жителями своей территориальной общности, которая имеет европейский компонент и отличается от других регионов России.

Как показал опрос, у молодых людей заметно выражена множественная идентичность, включающая наряду с этнической государственно-гражданскую или российскую, территориальную или региональную, локальную, европейскую и другие идентичности. Применительно к себе назвали две идентичности 13% респондентов, три – 47%, четыре и более – 10% респондентов. Среди всех обозначенных ими идентичностей 65% старшеклассников на первое место поставили русскую идентичность, 8,4% – калининградскую («калининградец»), 7,8% – российскую идентичность («россиянин»). 3,1% респондентов считают наиболее важной локальную идентичность, связанную с городом, в котором живут. Приоритет славянской идентичности отдали 3,7% подростков, 5,4% детей считают себя гражданами мира.

Большинство опрошенных (87%) включили русскую идентичность в состав своих идентичностей, причем значительная часть из них постави-

ла ее на первое место. Согласно полученным данным, свыше половины школьников выросли в однонациональных русских семьях (66,5%), еще 19% – в этнически-смешанных семьях, где один из родителей – русский. При этом считают себя русскими 68% заполнивших анкету молодых людей. Еще 24% отнесли себя к нескольким народам, назвав при этом и русский («я и русский, и поляк, и немец»). Незначительная часть школьников отметила этническую (не русскую) идентичность, поставив ее на первое место: 1,8% – украинскую, 1,4% – белорусскую, 1% – немецкую, менее 1% – польскую и литовскую, 1,4% считают себя азербайджанцами, армянами, башкирами, евреями, молдаванами, татарами. Назвали себя славянами 11% респондентов.

Динамика формирования российской идентичности

По оценкам старшеклассников, наиболее важным фактором, объединяющим всех жителей Калининградской области, является русский язык, которым, согласно переписи населения 2010 г., свободно владеют 95,8% всех жителей, считают родным 96,4% всех ответивших на вопрос о родном языке [4]. Как показали наши исследования, среди подростков Калининградской области 93,4% старшеклассников считают своим родным только русский язык, 2,9% – русский и другой язык (армянский, азербайджанский, езидский, молдавский, литовский). Судя по ответам старшеклассников, в их семьях основной язык общения – также русский. В 93% семей дома разговаривают только на русском языке, в 3,7% семей – на русском и другом языке (азербайджанском, армянском, польском, казахском, немецком, украинском и др.). Таким образом, русский язык играет важную роль в интеграционных процессах.

Российская идентичность в целом по области, судя по исследованиям, делит второе и третье места с региональной идентичностью – 34,5% всех опрошенных молодых людей включили ее в структуру своих идентичностей. При этом данные по городам неодинаковы. Для части молодых людей российская идентичность – самая важная, ее ставят на первое место особенно активно в городах Правдинск, Советск. Размышляя об идентичности, считают себя россиянами в Правдинске 50% респондентов, Советске – 45%, Нестерове – 45% опрошенных. Реже (менее 30% случаев) российская идентичность обозначена в Багратионовске, Гусеве, Полесске, Черняховске.

Из ответов на другие вопросы следует, что в реальности осознают себя россиянами гораздо больше подростков. Единство с Россией и значимость России как «своего» пространства для старшеклассников под-

тверждается их ответами на вопрос о том, что для них является родиной. Почти 66% ответивших на этот вопрос школьников считают своей родиной Россию, около 10% – Россию и Калининградскую область и лишь 18,5% – только Калининградскую область. Около 2% ответивших считают Родиной другие города России, 1% – другие страны (Казахстан, Беларусь, Молдавию, Узбекистан, Армению, Азербайджан). Остальные ответы не дали конкретной информации.

Чуть больше 12% молодых людей считают, что понятия «русский» и «россиянин» близки по содержанию (10% ответили: отношу себя к русскому народу, к россиянам). В основном это недавние переселенцы из российских областей, поэтому очень часто они между русскими и россиянами ставят знак равенства, иногда уточняют: русский, потому что россиянин, русский переселенец из других российских областей.

Опрос показал, что само понятие «родина» для молодежи не столь однозначно. Значение этого слова всегда личностное, персональное. В ходе исследования мы пытались выяснить, что в представлениях старшеклассников является их родиной. Были получены ответы, в которых выявились разные представления о составляющей этого понятия. Большинство опрошенных считают родиной место рождения (35,2%), место проживания (48,5%) или одновременно места рождения и проживания (8,8%). Однако были даны и более эмоциональные ответы: «Родина – это там, где душой хорошо»; «Где могу быть сам собой»; «Куда всегда могу вернуться и знаю, что меня ждут»; «Это там, где мои близкие»; «Это там, где мой дом»; «Это страна, где мне комфортно жить»; «Это место, где мне суждено было родиться»; «Это страна, которую я люблю и готов защищать». Многогранность понятия подтверждается ответами школьников, которые назвали своей родиной конкретный город, страну, населенный пункт. Вопрос вызвал большие трудности – на него ответили только 707 чел., что составило 60% всех опрошенных. По всей вероятности, это связано с частыми перемещениями семей и их слабой привязанностью к определенному месту жительства.

В целом же ответы на вопрос о родине показали, что подростки психологически тесно связаны с Россией и российской идентичностью. Ранние эмпирические и социологические исследования, проведенные в Калининградской области, дополнили наши наблюдения. Несмотря на все сложности ситуации, в целом можно отметить положительную динамику относительно формирования общегражданской идентичности калининградцев. В 2002 г. лишь 24,6% калининградцев считали российскую идентичность первостепенной, тогда как в основной части России этот показатель равнялся 49%. В то время на первое место ставили региональную идентичность, ассоциируя себя с областью в целом, 28% калининград-

цев. Локальную идентичность, имея в виду свой населенный пункт, предпочли 32,2% респондентов. В основной части России каждый из двух вариантов выбрали по 17% опрошенных [13].

Согласно полученным в 2005 г. данным, в структуре социальной идентичности жителей Калининградской области российская идентичность уже занимала доминирующее положение. В первую очередь россиянами считали себя 41,0%, европейцами – 5,8% опрошенных. По совокупности трех выборов (можно было выбрать несколько вариантов ответов) российская идентичность набрала 76,8% голосов. Второй по значимости была региональная идентичность: 70,2 % опрошенных считали себя жителями Калининградской области в первую, вторую и третью очередь. Третье место по сумме трех выборов занимала локальная идентичность: 54,8 жителей региона идентифицировали себя со своим городом или селом. Значимое место принадлежало этнической идентичности. 46,6% респондентов хотя бы в одном варианте из трех назвали себя представителями той или иной этнической группы.

Локальная идентичность (например, я – черняховец) была больше выражена у жителей малых городов (60,7 % по сумме трех выборов) и сел (60,2%). Среди жителей малых городов Калининградской области 82,7 % по сумме трех выборов в первую очередь отмечали российскую идентичность, 80% – региональную идентичность (я – житель Калининградской области), 60,7% – локальную, 38,7% – этническую, затруднились ответить 8% жителей. Возрастные различия были наиболее заметны по этнической и европейской составляющим. Чем старше были респонденты, тем реже они идентифицировали себя с Европой. И наоборот – этническая идентичность наиболее выражена у лиц старшего возраста. Жители области, проживающие там с рождения или советского времени, чаще идентифицировали себя со страной в целом, регионом, локальным сообществом – по сравнению с мигрантами постсоветского времени. Последние чаще отождествляли себя с Европой и этнической общностью [6: 33–39].

Между Россией и Европой: европейская составляющая идентичности

Многие калининградцы видят свое будущее в интеграции российской и европейской культуры. Близость и доступность государств Европы позволяет калининградцам в повседневной практике познакомиться с жизнью населения в других странах, прежде всего в Польше, Германии, Литве, странах Балтийского региона. Некоторые жители области, особенно молодежь, часто ездят за рубеж, но никогда не были в основной части России. Много здесь говорится об «особой судьбе» Калининградской области.

Молодежь Калининградской области ощущает себя частью Балтийского региона, не видит свою жизнь в отрыве от стран Евросоюза. Об этом, в частности, свидетельствует популярность изучения разных языков. В вузах и педагогических колледжах ведется подготовка студентов по специальностям «преподаватель литовского языка», «преподаватель польского языка», «преподаватель немецкого языка». Есть школьные классы с изучением немецкого, польского и литовского языков.

Государства, являющиеся историческими родинами части населения Калининградской области, проявляют особое внимание к своим диаспорам. В первую очередь это касается Германии, Литвы, Польши, Беларуси. Выпускники калининградских школ направляются на учебу в вузы Беларуси (чаще всего медицинские), и, наоборот, жители Беларуси едут учиться в Калининград. Также среди молодежи области популярно получение образования в Польше и Германии. Представители этнических групп взаимодействуют с государственными и общественными структурами этих стран, получают от них поддержку. Помощь оказывается в различных формах. Министерство культуры Республики Беларусь, например, безвозмездно передало книги в несколько районных библиотек области. Фонды книг на литовском и белорусском языках есть в областной библиотеке и библиотеке г. Советска [2]. В области публикуются издания на разных языках, выходят радио- и телепередачи. Среди них: белорусская «Народная газета», радиопрограмма «Крыница» на белорусском языке, информационный бюллетень общества польской культуры, еврейский вестник «Шофар»; распространяются газеты «Азеррос», «Трибуна Ислама», «Татарские новости» и т.д.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что соседние страны заинтересованы в налаживании контактов с Калининградской областью в целом, а не только с представителями своей диаспоры. Именно в этом направлении и развиваются сейчас межгосударственные связи. Уместно отметить, что сопредельные страны проявляют интерес к русскому языку и культуре. В частности, студенты немецких и французских вузов участвовали в работе летней школы «Языки, общество, новая Европа», которая была организована в РГУ им. И. Канта. Иностранцы граждане обучаются русскому языку и в Балтийской государственной академии.

Исходя из особенностей географического положения области и частых посещений старшеклассниками соседних государств, а также из высказываний жителей области о присутствии у них европейской составляющей, можно предположить, что в составе идентичностей школьников будет присутствовать в значительном объеме европейская идентичность. Вопреки ожиданиям европейская идентичность у старшеклассников занимает относительно небольшое место – идентифицируют себя в качестве

европейцев 7% опрошенных. При этом 23,2% из числа выбравших этот вариант ответа поставили европейскую идентичность на первое место. Наиболее выражена такая идентичность в городах Гвардейск (15,8%), Калининград (37,8%), Гусев (9,7%). В состав своих идентичностей старшеклассники включили также такие категории, как «гражданин мира» (14% всех ответивших), «просто человек» (1,4%).

Существует мнение, что жители Калининградской области по причине своего изолированного от России положения и близости зарубежных стран, скорее поедут за границу, нежели в Россию. Однако данные опросов опровергли утверждения, что калининградцы не ездят по своей стране. Согласно полученным ответам, с разной степенью частоты бывают в России за пределами области 90% старшеклассников. Они путешествуют по многим городам и областям с родителями, классом или со спортивными командами. Основные цели их поездок: к родственникам, на соревнования, на фестивали и конкурсы, на отдых и экскурсии по действующей в регионе с 2006 г. Общешкольной программе патриотического воспитания «Мы – россияне». Одна из задач программы, которой охвачены все школы области, – содействие посещению калининградскими школьниками Москвы и других городов Центральной России, приобщение молодежи Калининградской области к российской культуре и духовности [12]. Из числа городов, посещаемых старшеклассниками, более двадцати расположено преимущественно в европейской части России, однако чаще всего поездки совершаются в Санкт-Петербург и Москву.

Пограничное положение Калининградской области влияет на контакты с соседними зарубежными странами. По оценке старшеклассников, с разной степенью частотой они бывают: в Польше – 70,9% от числа ответивших, Германии – 37,4, Литве – 50,6, Беларуси – 32,8% всех опрошенных.

Исследователи отмечают, что у подавляющего большинства молодых людей идет некоторое «размывание» российской ментальности. Позиционирование себя жителями области в первую очередь как калининградцев, а значительной частью – как европейцев, согласно социологическим опросам имеет динамику в сторону усиления. Обыденным в повседневной лексике стало выражение «был(а) в России». От молодого калининградца редко можно услышать слова «у нас в России» [6: 79–80].

Региональная и локальная идентичности у жителей Калининградской области действительно выражены больше, чем по России в целом. При этом обнадеживающими являются результаты опроса населения относительно будущего региона. На вопрос: «Какой выбор кажется вам наилучшим?», жители Калининградской области в 2002 г. дали следующие ответы: 21% – «область будет иметь равные права с остальными регионами России»; 38% – «область останется в составе России, но будет иметь осо-

бый статус»; 19% – «область останется регионом России, но в нем будет действовать собственное законодательство»; 5% – «область станет независимым государством»; 3% – «область будет возвращена Германии», 14% затруднились ответить [3: 10].

Таким образом, подавляющее большинство калининградцев считает наиболее предпочтительным существование своей малой родины в составе Российской Федерации, хотя и с особыми правами (главным образом экономического характера). Лишь 8% из них хотели бы видеть ее вне России, что свидетельствует о минимальной поддержке сепаратистских устремлений. При этом по сравнению с опросами начала 1990-х гг. процент разделяющих позицию о желательной независимости области имеет отрицательную динамику. Уместно сказать, что в пользу пророссийских настроений свидетельствует и тот факт, что, несмотря на негативное отношение к личности М.И. Калинина, чье имя носит область, 70–80% ее жителей высказались против возвращения старого немецкого названия, опасаясь регерманизации региона [1].

Отметим и то обстоятельство, что не все жители Калининградской области разделяют широко распространившуюся в последние годы увлеченность прусским прошлым региона. В частности, губернатору Калининградской области Н.Н. Цуканову в октябре 2010 г. было направлено Открытое письмо, в котором выражалась обеспокоенность тем, что «большинству молодежи навязывается ложная «евро-прусская», «калининградская идентичность»... через школьные программы по краеведению, на 80% состоящие из чужой истории и культуры, через некоторые местные СМИ и даже через оформление остановок общественного транспорта» [10]. В письме также предлагается сделать Калининградскую область, заселенную более чем на 90% представителями русского, белорусского и украинского народов, своеобразным ресурсным и образовательным центром, объединяющим представителей движения «Русский мир Прибалтики», с тем чтобы оказывать нашим соотечественникам за рубежом и русским общинам Прибалтики необходимую помощь в подготовке учителей русского языка и литературы, русской истории, в получении русскоязычной прибалтийской молодежью соответствующего образования в калининградских высших и средних образовательных учреждениях [10]. Авторы письма предложили российскому правительству разработать для Калининградской области концепцию развития внутреннего туризма под названием «Янтарный край – европейский музей российской культуры».

Выражением патриотических настроений можно считать инициативу создать калининградское общественное движение «Союз потомков первых калининградцев – Наследники Победы», а также предложение установить ежегодное празднование новой межрегиональной памятной даты – Дня па-

мяти первых калининградцев (9 июля). В 2016 г. отмечалось 70-летие Янтарного края России, в том же году исполнилось 70 лет с момента прибытия в город Гумбиннен (современный Гусев) первого эшелона с переселенцами из Центральной России в рамках государственной программы заселения региона. Еще одна идея – создание приоритетных условий для изучения детьми, студентами, молодежью и другими жителями Калининградской области истории и культуры тех регионов страны, которые являются основными донорами первых переселенцев в Калининградскую область. В августе 2010 г. в Калининграде зарегистрировано некоммерческое партнерство «Центр изучения родной культуры им. И.А. Ильина».

Важный индикатор отношения к региону – размышления подростков о своих дальнейших жизненных планах. Им был задан вопрос: «Где бы вам хотелось жить, если бы это зависело только от Вашего желания?» На вопросы о желаемом месте жительства и вероятности миграции ответили все 1172 опрошенных старшеклассников, из чего можно сделать вывод, что для них эта тема актуальна. Большинство ответов включали несколько вариантов. Почти каждый третий из числа опрошенных (29%) хотел бы жить в другой стране, 14% из них рассматривают зарубежные страны как альтернативу Калининграду, Калининградской области, Санкт-Петербургу, Москве. В ответах представлен широкий перечень зарубежных стран, в которых хотелось бы жить подросткам: США, Англия, Германия, Азербайджан, Южная Корея, Франция, Италия, Австралия, Канада, Япония, Швейцария и др.

При этом 457 опрошенных старшеклассников (39%) выбрали Калининград и Калининградскую область как желаемые места своего жительства. Из них 162 чел. (12%) вместе с Калининградом и областью в качестве альтернативных вариантов рассматривают Санкт-Петербург, Москву, другие города России, другие страны. Таким образом, хотя у значительной части молодых людей есть желание жить в другой стране или другом городе, Калининградская область для многих остается привлекательной. При ответе на более конкретные вопросы таковых оказалось больше, чем теоретически мечтающих о переезде в другие страны и регионы. При выяснении намерений учащихся старших классов продолжить образование после окончания школы в высших или средних специальных учебных заведениях выяснилось, что более 90% старшеклассников Калининградской области собираются продолжить обучение в вузах. При этом, определяясь с городом, в котором планировали обучаться, они отталкивались прежде всего от возможности получить образование в Калининградской области.

На местные учебные заведения ориентировано более половины старшеклассников (57% всех ответов). При этом нередко окончательный вы-

бор учебного заведения и города, в котором будет продолжено обучение, школьники откладывают на момент поступления; также они используют возможность подавать документы в несколько учебных заведений. Это определило тот факт, что часть старшеклассников указывают в ответах несколько городов. Так, например, 129 чел. включили Калининград как альтернативу Санкт-Петербургу (64 чел.), Москве (11 чел.), другому городу России (54 чел.). Небольшое число старшеклассников перечислили среди стран, где они хотели бы (и собираются) получить образование, Польшу (17 чел. и 7 – как альтернативу другим городам России), Германию (6 чел. и 7 – как альтернативу другим городам России); сохраняются связи с Республикой Беларусь: 7 чел. хотят там учиться. Менее популярна Литва: только 2 чел. из г. Гусева высказали намерение обучаться в Литве, 19 чел. назвали Литву как альтернативный вариант. Большинство из тех, кто хочет обучаться в Польше, живет в Калининграде (12 чел.), еще 5 чел. рассматривают Польшу как альтернативный вариант. Германию как основной вариант обучения обозначили 2 чел. в Калининграде и по одному человеку в Черняховске, Гвардейске, Правдинске, Светлогорске.

Заключение

Мониторинг ситуации в Калининградской области показывает, что коллективная историческая память калининградцев оказалась в зависимости как от дискурса «строительства советской власти» на территории вне «чужого прошлого», вытесненного на десятилетия из официального пространства, так и от материального контекста «культурного наследия» (чужой культуры) малой родины. На протяжении относительно короткого периода времени, чуть более 70 лет, менялись геополитическая ситуация, отношение к разным вехам истории своей «малой родины», но каждая из них, несомненно, внесла свой вклад в формирование идентичности местного населения. В постсоветский период актуализировался контекст включенности в «европейское пространство», подстегнувший интерес к историческому прошлому региона, репрезентация которого оказалась в прямой связи с пониманием будущего области. Культурно-историческая и унаследованная материальная среда обитания обрела новую жизнь, продолжая играть важную роль в процессе формирования региональной идентичности жителей Калининградской области.

Исследование позволяет сделать вывод, что фактор локальной идентичности личности для жителей анклава более значим в сравнении с его ролью в материнском и соседних государствах. Можно согласиться с калининградской исследовательницей А.М. Карпенко, которая выделяет три основных линии конструирования нарратива региональной идентичности

в Калининградской области в постсоветский период: 1) «традиционно-государственническая» (Калининград как «неотъемлемая часть России»); 2) «сепаратистская» (Калининград как Балтийская республика или «особая экономическая зона»); 3) «сотрудническая» (Калининград как «пилотный регион» взаимодействия России и Европы) [5: 22]. При этом пример Калининградской области еще раз убеждает нас в закономерности и возможности наличия у человека множественных идентичностей, когда существует личностная дифференциация государственной, этнической и локальной (территориальной) идентичностей. Последняя в данном случае подпитывается особым положением анклава в составе государства. В целом можно констатировать, что формированию каждой из обозначенных идентичностей сопутствуют обстоятельства как поддерживающие их значимость, так и ослабляющие.

Исследование динамики численности населения Калининградской области и тенденций его размещения, этносоциального состава мигрантов и процесса их адаптации в области свидетельствуют о том, что в этом регионе сложилась особая территориальная общность – калининградцы. Именно так самоидентифицируют себя жители региона. Различные этнические группы интегрированы в общую этносоциальную структуру Калининградской области. Население края, несмотря на относительно непродолжительный период проживания здесь, является укорененным и не имеет тенденции покинуть область, сменив место жительства. Более того, с начала 1990-х гг. отмечен всплеск миграций сюда из многих регионов бывшего СССР.

Все население края можно разделить на тех, кто живет в Калининградской области во втором, третьем и четвертом поколениях, и переселенцев последних лет. Однако, несмотря на все имеющиеся нюансы, вопреки особенностям геополитического положения области, а также вопреки попыткам определенных сил использовать региональный фактор в политических целях, в Калининградской области не пользуются популярностью сепаратистские устремления, и свое будущее жители края видят в составе единой России. Важно и то, что подавляющее большинство калининградцев имеют корни в различных регионах страны и именно ее считают своей родиной. Фоновое исследование межэтнических отношений позволяет констатировать, что в регионе нет острых социальных и межэтнических конфликтов.

Подчеркнем также, что в условиях особого геополитического положения Калининградской области стратегия взаимоотношения федерального центра и региона оказывает глубокое воздействие на основные параметры жизни местного населения. Многое в будущей судьбе области

будет зависеть от государственной политики, от позиции и действий федеральной власти. Если в начале 2000-х гг. приоритет отдавался интеграции области в европейское пространство, регион позиционировался как мост между Россией и Европой, то в последнее десятилетие в области происходит актуализация и возрождение государственных стратегий, направленных на «искоренение латентного сепаратизма». При этом отметим, что для достижения поставленных целей необходима всяческая федеральная поддержка мероприятий, направленных на решение социальных проблем Калининградской области и дальнейшее укрепление ее экономических, политических и культурных связей с «большой» Россией. Отношения федеральный центр – анклав требуют новаторских подходов, а выполнение региональных программ имеет государственное и международное значение.

Источники и литература

1. *Винокуров Е.Ю.* Калининграду должно быть возвращено его прежнее название – Кёнигсберг. – Режим доступа: <http://www.vinokurov.info/assets/files/Koenigsberg.pdf>. – Дата обращения: 20 марта 2018.
2. *Григорьева Р.А.* Белорусское присутствие в Калининградской области // Этнокультурные процессы Гродненского Помеманья в прошлом и настоящем. Минск: Белорусская наука, 2013.
3. Калининградская проблема: фактор общественного мнения // Калининградская правда. 2002. 10 дек. С. 7–8; 17 дек. С. 10.
4. Итоги Всероссийской переписи населения. Калининградская область. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – Режим доступа: http://kaliningrad.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kaliningrad/resources/492ef8004c8c9043a197bb915ce0328a/%2Fvprn2010%2F2010%2Fpril_5.htm – Дата обращения: 19 марта 2018.
5. *Карпенко А.М.* Региональная идентичность как категория политической практики. Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2008. 153 с.
6. Регион сотрудничества: Сб. ст. / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Калининградский гос. ун-т; Балтийский межрегион. ин-т общ. наук, 2006. Вып. 3 (46).
7. *Мартынова М.Ю.* Калининградцы как часть российской нации // Вестник российской нации. 2011. № 1–2. С. 140–156.
8. *Мартынова М.Ю.* Черняховск Калининградской области // Малый город в современной России. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 34–65.
9. Молодежь-2011. – Режим доступа: <http://kmggroup.ru/page/2/> – Дата обращения: 19 марта 2018.
10. *Шульгин В.Н. Макаров М.Ю.* Нам навязывается ложная «евро-прусская идентичность» // Русская народная линия. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/10/27/nam_navyazyvaetsya_lozhnaya_evprususkaya_identichnost/ – Дата обращения: 20 марта 2018.

11. Официальный сайт администрации Особой экономической зоны Калининградской области. – Режим доступа: <https://oez.gov39.ru/> – Дата обращения: 20 марта 2018.
12. Общешкольная программа патриотического воспитания «Мы – россияне». Калининград, 2006. – Режим доступа: https://portal.iv-edu.ru/dep/mouorodnrn/rodnikovskiyrn_parskaya/doc/normativnopravovie/Forms/AllItems.aspx?RootFolder=%2fdep%2fmouorodnrn%2frodnikovskiyrn%5fparskaya%2fdoc%2fnormativnopravovie%2fd0%9fd0%a0%9e%93%a0%90%9c%9c%ab%20%98%20%9fd0%9e%94%9fd0%a0%9e%93%a0%90%9c%9c%ab&FolderCTID=&View=%7b2B8CF839%2d989B%2d4C3E%2dA66E%2d176438D22142%7d – Дата обращения: 20 марта 2018.
13. Чабанова А.В. Различия в калининградском социуме: результаты социологического исследования // Калининградский социум в европейском контексте: Сборник / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд. КГУ, 2002. 190 с.

Крым – историческая территория России

Crimea – the historical territory of Russia

А.Д. Шутов

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Аннотация: в статье раскрывается объективная история Крыма, на убедительных фактах исследованы его славянские корни, подтверждена правомерность принадлежности полуострова только России.

Ключевые слова: тавроскифы, русы, славяне, крымские татары, Севастополь, референдум, Крым, Переяславская рада, президент.

Abstract: the article reveals the objective history of the Crimea, its Slavic roots are studied on the convincing facts, the legitimacy of the Peninsula belonging only to Russia is confirmed.

Key words: the Tauros-kifs, the Rus, the Slavs, the Crimean Tatars, Sevastopol, referendum, Crimea, Pereyaslav Rada, the President.

Сколько бы ни говорили тенденциозные западные и отечественные политики и политологи, принадлежность Крыма России остается незыблемой исторической истиной. На территории Крыма и северного Причерноморья еще до нашей эры жили потомки русских – тавроскифы (VII в. до н.э.), сарматы, русы, представлявшие внушительную силу, о чем может свидетельствовать, в частности, вторжение скифов в Ассирию в 626 г. до н.э. В X веке славяне прочно утвердились в восточной части Крыма и на Таманском полуострове, образовав русское Тмутараканское княжество; в X веке в Крыму, в Херсонесе, принял крещение наш святой князь Владимир.

Ряд византийских и отечественных авторов не отделяют скифов от русов, характеризуют их очень похожими на современных славян, русских. Так, римский историограф Иосиф Флавий в своем исследовании «Иудейские древности» писал, что скифы были красивыми, высокорослыми и светловолосыми людьми; историк В.Е. Ларионов также обосновывает кровно-историческое родство и идентичность внешнего вида древних скифов, сарматов, алан, древних славян и русов с основным населением Великороссии [1: 303]. Русы Средневековья занимали те же территории, что и скифы древности, а византийский историк Л. Диакон называет русов просто скифами [1: 304].

Еще во времена Древней Руси по этим местам проходил легендарный торговый путь «из варяг в греки», русские корабли бороздили Черное море, по праву называвшееся Русским морем. Татары стали переселяться сюда только с конца XIV – начала XV в. с территорий распадавшейся Золотой Орды, и с исторической точки зрения их следует определять как население, «исторически сформировавшееся в Крыму» [2]. Но они не были коренными народами Крыма, их «присутствие» на полуострове ассоциировалось с грабительскими набегами, которые они стали совершать с 1223 г. – с разграбления Судака. Крым представлялся им удобным местом для разбоя, и они пытались создать здесь свои базы (бейлики), объединить их в Крымский юрт. С распадом Золотой Орды юрт приобрел самостоятельность, и в 1443 г. ненадолго образовалось самостоятельное Крымское ханство. В 1475 г. полуостров был завоеван турками и почти на 300 лет попал в вассальную зависимость от Османской империи, хотя продолжал считаться «самостоятельным» ханством (все крымские ханы, как правило, назначались турецкими султанами). Крымское «паразитическое» ханство жило набегами и работоторговлей и представляло собой, по выражению В.О. Ключевского, «разбойничью берлогу», «огромную шайку разбойников», для которых набеги были «главным жизненным промыслом» [3: 196]. Набеги ежегодно совершались на русские земли, принося много горя русскому народу. В 1571 и 1572 г. крымский хан дважды напал на Москву с полчищами в 120 тыс. человек.

Разбойный менталитет крымских татар оставался неизменным в течение веков, о чем свидетельствуют различные международные источники. Например, польский посланник Мартин Броневский, в 1578 г. несколько месяцев проживший в Крыму, был шокирован дикими нравами и фактическим отсутствием человеческой морали у крымских татар: «Народ этот хищный и голодный, не дорожит ни своими клятвами, ни союзами, ни дружбою, но имеет в виду только одни свои выгоды и живет грабежами и постоянною изменническою войною» [4: 12].

Это племя было одним из самых страшных разорителей русских земель. Только за первую половину XVII века из южных регионов России

крымскими татарами было угнано и продано на невольничьих рынках в Турции не менее 200 тыс. русских людей.

Решить крымско-татарскую проблему можно было только одним путем: лишить полуостров вассальной зависимости от Турции и подчинить его России. В решении этой исторической задачи огромную роль сыграл полководец А.В. Суворов, и более всех ценила эту суворовскую заслугу русская императрица Екатерина II. 10 июля 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский договор, по которому Крымское ханство перестало быть частью Турции.

Однако признание независимости Крыма еще не означало его принадлежности России, к тому же Крымское ханство и Турция попытались восстановить в своих отношениях прежнее статус-кво. Россия, видя грубое нарушение условий Кючук-Кайнарджийского договора, решила в соответствии с международным правом положить конец опасному развитию событий. Правда, для этого потребовалось еще почти 10 лет упорной и гибкой дипломатической и военно-политической деятельности России, ее видных патриотов, прежде всего Г.А. Потемкина и А.В. Суворова, чтобы крымская проблема была решена без единого выстрела. Суворов уничтожил ногайские орды на Кубани, а Потемкин обеспечил верность России военных и духовных лидеров крымских татар. В результате 8 апреля 1783 г. был издан Манифест Екатерины Великой «О принятии Крымскаго полуострова, острова Тамана и всея кубанской стороны под державу Российскую», а 28 июня, в день восшествия на престол императрицы, Крым присягнул России, и Манифест обрел историческую и международно-правовую силу. Все было сделано с безупречной предусмотрительностью, в результате даже Османская империя признала через несколько месяцев справедливость вхождения Крыма в состав России.

Тогда же, в 1783 г. императрица повелела основать в самом удобном для флота месте город Севастополь, вошедший в историю как город русской славы. Во времена Екатерины Великой Новороссия активно заселялась и осваивалась переселенцами из Брянской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской губерний, из Сербии, Хорватии, Болгарии, Германии, Австро-Венгрии. Тогда же, в XVIII веке при Екатерине II были созданы прекрасные русские города: Николаев, Одесса, Севастополь, Херсон, Симферополь, Мариуполь, Мелитополь.

Украинцы никогда не жили в Крыму, они для него – инородное тело. Напомним один факт. В 1918 г. Крымское краевое правительство в принятой декларации объявило, что государственным языком Крыма признается русский язык, но сношения с государственными и общественными учреждениями допускаются как на русском, татарском, так и на немецком языках [11: 241]; украинский язык даже не упоминается в документе, потому что в Крыму фактически не было украинцев.

Еще один не менее убедительный факт. Накануне Великой Отечественной войны в Крыму было 919 школ, из них: 387 школ с русским языком обучения, 372 – татарским, 82 – немецким, 46 – еврейским, 15 – греческим, 12 – армянским, 5 – болгарским языком, и ни одной школы с украинским языком, потому что украинцев было мало и к тому же они желали обучать своих детей только на русском языке [13: 9]. Словом, Крым никогда не имел ничего общего с Украиной.

В годы Великой Отечественной войны Севастополь 250 дней держал оборону, не имея поддержки с Большой земли. 3 июля 1942 г. город пал и был освобожден 12 мая 1944 г. Во время оккупации Крыма крымские татары активно сотрудничали с немецко-фашистскими захватчиками: уничтожались партизанские базы, подпольщики, красноармейцы, были ликвидированы сотни тысяч мирных жителей – русских, украинцев, евреев, в основном женщин, стариков, детей (мужчины были на фронте). Созданный в то время Совет крымских татар принял чудовищное решение об уничтожении всех русских, проживающих на полуострове, и неуклонно проводил его в жизнь. Под его руководством было убито 120 тыс. русских (женщин, детей, стариков) [5: 182].

Вернувшиеся с фронта в Крым после победы русские солдаты могли жестоким возмездием наказать убийц своих семей. Поэтому Государственный комитет обороны СССР (по инициативе Сталина) 11 мая 1944 г. принял решение – эвакуировать татар в безопасные места, сохранив тем самым им жизнь. Крымские татары должны благодарить Советскую власть за гуманное отношение к ним. Если бы не депортация, то с учетом вышесказанного некому было бы возвращаться в Крым (правда, ныне не все разделяют такую вразумительную логику) [6: 88–103].

После переселения крымских татар в другие районы СССР Крымская АССР по инициативе Сталина (с дальним стратегическим прицелом) Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 июня 1945 г. была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. А 29 октября 1948 г. (после посещения Сталиным Севастополя в 1947 г.) был издан Указ Верховного Совета Союза ССР о выделении Севастополя из состава Крымской области в самостоятельный административно-хозяйственный центр в составе России.

Хрущев, оказавшись на вершине государственной власти, 19 февраля 1954 г. противозаконно, в нарушение Конституции СССР, международного права и почти сразу же после смерти Сталина вывел Крымскую область из состава Российской Федерации и передал ее в состав Украинской ССР, лишив при этом почти два миллиона русских людей российского гражданства, тем самым совершив преступление перед Крымом, Россией, Историей. Слава Севастополя всегда была связана с героизмом его защитников, трагедия – с предательством. РСФСР и Украина

были де-юре самостоятельными государствами, членами ООН, и поэтому все территориальные изменения могли решаться только посредством референдума и заключения международных договоров. Хрущев же изначально преступил закон, и, естественно, передача Крыма Украине являлась нелегитимным актом, несмотря на все последующие юридические ухищрения сделать Крым украинской территорией.

После сдачи Хрущевым Крыма Севастополь из города русской славы стал чужим, получил оскорбительный статус «украинское захолустье». В постсоветский период киевская власть в целях украинизации города на одной из его площадей установила памятник Т. Шевченко, никогда не бывавшему в Севастополе. Площадь 50-летия СССР намеревались переименовать в площадь Гетмана Сагайдачного (или гетмана Мазепы), но помешали жители города.

Согласно Закону СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» № 1409-1 от 3 апреля 1990 г., украинские власти одновременно с общеукраинским референдумом обязаны были провести общекрымский референдум с вопросом о государственном правовом статусе Крыма. В ст. 3 Закона указано: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии». И далее: «В союзной республике, на территории которой имеются места компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, при определении итогов референдума результаты голосования по этим местностям учитываются отдельно» [8]. Украинские власти, однако, наложили мораторий на проведение отдельного референдума по статусу Крыма, т. е. Закон соблюден не был. Ни Горбачева, ни Ельцина противоправные действия Киева не волновали.

Договор между РСФСР и УССР, заключенный в 1990 г. на 10 лет, признавал территориальную целостность Украины исключительно лишь «в рамках СССР» (ст. 6 указанного Закона), а при выходе из его состава Украина теряла права на Крым, поскольку полуостров передавался не под государственный суверенитет Украины, а лишь под ее административное управление.

Принадлежность Крыма Украине была противоправной, аморальной, антиисторической. Крым никогда не был украинской территорией. Украина должна была выйти из СССР, имея в своем распоряжении те области, какие были у нее на момент вхождения в состав Российской империи в 1654 г. Она же после Беловежского сговора вышла великим государством, в пять раз увеличила свою территорию за счет России по сравнению с той, которая была у нее до Переяславской рады.

Путин В.В. присоединением Крыма обозначил время России вступать в свои права, а также засвидетельствовал начало потери Соединенными

Штатами своего мирового лидерства, что, естественно, повергло Запад в шоковое состояние. При воссоединении с Крымом Россия увеличила свое население почти на 2 млн чел., в основном русских.

Совершенный 21 февраля 2014 г. государственный переворот в Киеве и насильственный захват власти хунтой predetermined незаконный, преступный характер всех ее последующих шагов. В обстановке политического беспредела в стране, в том числе в Крыму, была прекращена деятельность законных республиканских органов власти, и Верховный Совет автономной республики Крым имел все юридические основания для принятия 28 февраля 2014 г. Заявления о непризнании «незаконной власти в Киеве», а также о провозглашении независимости и проведении референдума. При соблюдении всех международных правил и норм 16 марта 2014 г. в Крыму и Севастополе состоялся референдум за воссоединение с Россией, а 18 марта в Москве был подписан Договор о принятии Республики Крым и города Севастополя в состав России.

Возвращение Крыма в русское лоно (2014 г.) – это великая акция, идентичная по своей сути освобождению родной земли от немецко-фашистских захватчиков, но только мирным путем, без единого выстрела в результате активно проявленной воли русских крымчан и решительной политики президента В.В. Путина.

Взятию Крыма «вежливыми людьми» без единого выстрела способствовало и то, что в Севастополе сохранились потенциал «русскости», верность России: 4 января 1992 г. Черноморский флот, его 92 тыс. военнослужащих (14 тыс. офицеров) отказались присягать Украине.

Возвращенный Крым превратился из киевских задворков в современный регион и стал вдохновляющим примером не только для народов Украины, но и для других исконно русских территорий в странах СНГ, исторически принадлежащих России.

Некоторые лидеры крымских татар враждебно встретили референдум о самоопределении Крыма и его воссоединение с исторической Родиной. Меджлис крымско-татарского народа во главе с его председателем Рефатом Чубаровым выступил с заявлением о недействительности референдума и потребовал создания отдельной крымско-татарской автономии, исходя из того, что крымские татары будто бы являются единственным коренным народом полуострова. Однако все это – националистическая некомпетентность, поскольку крымские татары, как отмечалось выше, – это народ, который сформировался в Крыму в позднее время, а до этого там жили родственные славянам скифы, славяне, т. е. подлинные коренные народы. После 25-летней украинской колониальной политики часть крымских татар не возражала против воссоединения полуострова с Россией и не одобрила экстремизм Чубарова.

В апреле 2016 г. Министерство юстиции РФ в связи с непрекращающейся враждебно-диверсионной деятельностью меджлиса приостановило его деятельность. По словам Н. Поклонской, крымские татары сами просили «запретить такое объединение, которое спекулирует на национальной почве» [7]. Это не демократическая организация, а незарегистрированное общественное объединение, разжигающее ненависть. Это враждебная Крыму структура наподобие албанского комитета в Косово, деятельность которого привела к трагедии целый сербский регион.

В политике полумеры вредны, они приносят больше вреда, чем пользы. Любая политика хороша, кроме нерешительной. Это подтвердил и В.В. Путин «блицброском» в Крыму, это подтвердила своими действиями и Н. Поклонская. По ее инициативе лидеры экстремистского меджлиса Джемилев и Чубаров, представляющие угрозу для Крыма, объявлены в международный розыск.

С точки зрения российской стратегической безопасности, Крым нельзя было оставлять в чужих руках, так как он представляет первостепенную важность как «непотопляемый авианосец» с широким диапазоном действия. С его аэродромов российская стратегическая авиация способна держать под контролем весь Средиземноморской бассейн, Ближний Восток, юг Европы, Африку, Атлантику.

Возвращение Крыма России вызвало противоречивые международные толки, не было единого мнения на этот счет даже в странах СНГ, что вызвано их сомнениями в надежности собственного суверенитета над отдельными подаренными в советские годы территориями. Как известно, вследствие Беловежского сговора историческая Россия оказалась разграбленной. Многие ее исконные территории были присвоены новогосударственными националистическими образованиями, а их лидеры «начисто забыли», что в изменившихся обстоятельствах чужое добро принято возвращать истинному владельцу. Ведь территории, полученные с помощью предательства или путем искусственного изменения административных границ в рамках единого государства, являются временными и условными владениями, и их неправомерно считать легитимными приобретениями; в случае распада единого государства, как это случилось с Советским Союзом, они должны быть возвращены их законному владельцу. Такой подход соответствует международному праву, истории, нормам совести.

Верно сказал, выражая мнение многих французов, бывший президент Франции Н. Саркози, полностью оправдывая воссоединение Крыма с Россией и считая волю народа главным фактором происшедшего: «Эти люди захотели быть в России» [9]. Иными словами, демократия и право наций на самоопределение – основные принципы международного права – полностью соблюдены, что надо приветствовать и поддерживать.

Объективен в своих оценках бывший премьер Украины Н. Азаров, отмечающий, что «Крым никогда не входил в состав Украины», что российская территория вернулась в состав России на законном основании благодаря референдуму: «Был там референдум, и ясно, что крымчане жить с этим бандеровским режимом не захотели. Это их право, они, в конце концов, автономная республика» [10].

Тем, кто считает, что Россия «аннексировала» Крым, необходимо напомнить (если они забыли историю), что Крым – это исконная российская территория, и поэтому аннексировать ее наша страна никак не могла. Воссоединение – не аннексия, а восстановление законного статуса. Такую точку зрения разделяют многие международные деятели. Так, бывший президент Чехии Вацлав Клаус опровергает утверждения киевских руководителей, что Россия «аннексировала Крым», и заявляет, что «Крым никогда не был частью Украины. Он всегда принадлежал России», и действия России в Крыму «были реакцией, а не акцией» [11]. Такого же мнения придерживается и ряд других крупных европейских политиков, в частности, итальянский экс-премьер Сильвио Берлускони, в сентябре 2015 г. посетивший Крым в качестве гостя российского президента.

Крым – это столетия упорной борьбы и труда русских, превративших полуостров в развитую, процветающую территорию с дорогами и садами, дворцами и портами, санаториями и домами отдыха, с виноделием и высокой культурой. Крым, Причерноморье, весь российский Юг обустроены русскими и Россией. А воздвигнутый Россией в 2018 г. величественный Крымский мост еще выше поднимет роль Крыма как крупного экономического, военно-оборонительного региона, мировой здравницы.

С резким осуждением воссоединения Крыма с Россией выступила политическая элита Украины. Бывший президент Л. Кравчук назвал Россию «агрессором» и заявил, что он «никогда не согласится с аннексией Крыма». Ведь для определения агрессии важна суть – присвоение чужой территории, – а методы аннексии могут быть разные: «жесткая», «мягкая» сила, с помощью обмана и шантажа. Кравчук аннексировал Крым в 1991 г. с помощью «мягкой» силы, шантажа: сработали его угрозы не подписывать Беловежское соглашение, а подписать новый Союзный договор.

Крым – это Россия навечно, это русская исконная, историческая территория. Президенту П. Порошенко пора серьезнее подходить к межгосударственным отношениям. И ведь не только Крым никогда не был украинским, почти вся Украина – это не украинская земля, это искусственное лоскутное образование, созданное по милости Ленина из российских территорий. Украина, помимо богданохмельницких областей, ничего своего исторического не имеет. Ее попытки сблизиться с ЕС ни к чему не при-

вели: ни кредитов, ни европейских рынков, ни одобрения внешней и внутренней политики она не получила.

Правительству России после возвращения Крыма нужно серьезно поработать над социально-экономическим возрождением полуострова, создать его населению жизненный уровень более высокий, чем он был под властью Украины.

Крым укрепляет свои позиции. Правомерность присоединения его к России признают ныне уже многие государственные и политические деятели различных стран, международные организации. Западные зарубежные круги все яснее понимают, что военным путем вопрос Крыма не решить. Чешские, венгерские, итальянские, испанские, французские и другие СМИ все чаще признают Крым неотъемлемой частью России.

Источники и литература

1. *Ларионов В. Е.* Исток Русского племени. М.: Вече, 2008. 448 с.
2. *Емельянов Г., Емельянова Н.* Гордость и доблесть // Литературная газета. 2014. №13 (6456). 2 апр. – Режим доступа: http://lgz.ru/article/-13-6456-2-04-2014/gordost-i-doblest/?sphrase_id=1867569 – Дата обращения: 24 апр. 2018.
3. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 11. М.: Мысль. 1988.
4. *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселил народы. М.: Яуза-Пресс, 2011. 480 с.
5. *Платонов О.А.* Эпоха Сталина. М.: Родная страна, 2013. 416 с.
6. *Шутов А.Д.* Последнее испытание России. М.: Onebok.ru, 2014. 372 с.
7. Поклонскую порадовали протесты США против запрета крымско-татарского меджлиса. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2016/04/22/vse_pravilno/ – Дата обращения: 24 апр. 2018.
8. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902002993> – Дата обращения: 12 апр. 2018.
9. Не мни себя ангелом // Литературная газета. 2015. № 11 (6501). 18–24 марта. – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-11-6501-18-03-2015/ne-mni-sebya-angelom/> – Дата обращения: 12 апр. 2018.
10. Николай Азаров: В Москве два состава правительства Украины сидят // Коммерсант. 2016. 17 фев. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2918081> – Дата обращения: 12 апр. 2018.
11. Экс-президент Чехии Вацлав Клаус заявил, что Крым никогда не был частью Украины // Держава. – Режим доступа: <http://derzhava.mirtesen.ru/blog/43117669375/Eks-prezident-SNehii-Vatslav-Klaus-zayavil,-chto-Kryim-nikogda-n> – Дата обращения: 24 апр. 2018.
12. *Ишин А.В.* Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах: Монография. Симферополь: ИТ «Ариал», 2012. 384 с.
13. Литературная газета. 2014. № 12 (6455), 26 марта – 1 апреля. – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-12-6455-26-03-2014/ispytanie-ukrainoy/> – Дата обращения: 12 апр. 2018.

**Угроза терроризма как ключевой фактор
в формировании внешнеполитического курса
Дж. Буша-младшего на Ближнем и Среднем Востоке**

**Terrorism threat as a key factor in shaping foreign policy
of George W. Bush in the Greater Middle East**

Д.И. Булгару

Булгару Дмитрий Игоревич, аспирант Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: автор рассматривает возникшую в период президентства Дж. Буша-мл. угрозу терроризма и ее влияние на внешнеполитический курс США в период с 2001 по 2008 г. Используя террористическую угрозу в качестве обоснования вмешательства США в дела других государств, Дж. Буш-мл. существенно расширил спектр инструментов реализации национальных интересов Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке. 43-й президент Соединенных Штатов применил риторику борьбы с терроризмом для вторжения в Ирак, а также для давления на нелояльные политические режимы в регионе – Сирийскую Арабскую Республику и Исламскую Республику Иран. В данной статье рассмотрены формирование «угрозы терроризма» в политическом дискурсе США и реализация соответствующего внешнеполитического подхода Вашингтона.

Ключевые слова: США, Джордж Буш-мл., терроризм, Ирак, Афганистан, внешняя политика.

Abstract: the author considers the terrorist threat during the presidency of George W. Bush and its impact on the US foreign policy in the period from 2001 to 2008. George W. Bush significantly expanded the range of the instruments for pursuing the U.S. national interests in the Greater Middle East by using the terrorist threat as a justification for the U.S. interference in the internal affairs of other states. The 43rd President of the United States used the rhetoric of combating terrorism for the invasion in Iraq, as well as for pressing the disloyal regimes in the region – Syria and Iran. The formation of the «threat of terrorism» in the U.S. political discourse and the implementation of the appropriate foreign policy approach are considered in this article.

Key words: USA, G.W. Bush, terrorism, Iraq, Afghanistan, foreign policy.

В основе Стратегии национальной безопасности (СНБ)¹ США лежит методическая и понятийная база, сформированная еще после Второй мировой войны. По американскому законодательству все государственные структуры должны следовать генеральному курсу, закрепленному в этом документе. «Стратегия национальной безопасности США – это интеллектуальный продукт, совокупность взаимосвязанных идей в области управления тенденциями (реальными и прогнозируемыми) для защиты постоянных интересов общества и государства» [1]. Важно пояснить, что данный документ определяет национальные интересы страны, основные внешнеполитические направления по каждому региону мира. Кроме того, Стратегия национальной безопасности отражает цели и задачи во внешнеполитической сфере по поддержанию национальной безопасности США, определяющие деятельность государственных структур и администрации президента. Исторически сложилось, что регионам Ближнего и Среднего Востока в стратегиях американских президентов всегда уделялось широкое внимание.

Еще в период холодной войны внешнеполитическая деятельность Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке преследовала три основные задачи: сдерживание СССР, обеспечение стабильных поставок энергоресурсов и защиту Израиля, который выступал в качестве союзника США в регионе. Подобная расстановка приоритетов не подразумевала миссию США по защите от угрозы терроризма. В то время существовала «советская угроза», которая ключевым образом формировала внешнеполитическую стратегию США на БСВ. В период противостояния двух сверхдержав внешняя политика США определялась прежде всего стремлением к сохранению баланса сил и идеологической борьбой против коммунизма. Однако после Исламской революции 1979 г. во внешнеполитической стратегии США появилась задача противодействия угрозе терроризма, источник которой, по мнению Вашингтона, находился в ближневосточном регионе – Иране и Сирии, названные Госдепартаментом США «государствами – спонсорами терроризма». После 1991 г. «советская угроза» как предлог для США к защите других стран исчезла, однако осталась угроза терроризма.

После победы Дж. Буша-мл. на американских выборах в ноябре 2000 г. Вашингтон был заинтересован в расширении своих полномочий на международной арене при наименьших обязательствах перед мировым сообществом. В целях сглаживания явных претензий на гегемонию руковод-

¹ Последняя версия СНБ США опубликована в декабре 2017 г. National security strategy of the United States of America / The White House. 2017. December.– Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

ство США воспользовалось стратегией «кооперационной безопасности», описанной в труде Майкла Михалки и Ричарда Коэна [2: 45]. Суть концепции заключалась в объединении лояльных США демократических режимов против различного рода угроз. Стратегия была принята республиканской администрацией, так как не противоречила их взглядам о глобальном лидерстве. Причем основным условием для США представлялось сохранение свободы действий и принятия решений, что не могло не устраивать неоконсерваторов. Ключевая роль в этой схеме, безусловно, отводилась блоку НАТО, который уже обладал опытом кооперационных операций в Ираке (1991 г.), Боснии (1993–1995 гг.) и Сербии (1999 г.). Новая кооперационная стратегия использовалась США в XXI веке – в операциях в Ливии и Сирии, в которых, конечно, главенствующую роль удерживали именно Соединенные Штаты.

После терактов 11 сентября 2001 г. контртеррористическая политика США существенно расширилась. Спустя шесть недель после падения башен-близнецов в Нью-Йорке США направили свои вооруженные силы в Афганистан, понимая, что Кабул и Багдад имеют наибольшее значение для геополитического противника США – Ирана. Таким образом, при вступлении в должность Дж. Буша-мл. Иран чувствовал на себе не только экономическое давление со стороны санкций, но и угрозу укрепления потенциального противника в соседнем государстве. Важно отметить, что Россия и Китай выступили против кооперации с США в вопросе применения санкций против Ирана. Индия и Бразилия также отказались ввести ограничительные меры, несмотря на призывы США к полной изоляции Ирана со стороны мирового сообщества.

В американском истеблишменте существовали иные подходы к внешнеполитическому курсу Вашингтона, помимо продвигаемого в Белом доме ужесточения курса США на Ближнем Востоке. Профессор Шаклеина Т.А. приводит три подхода к определению роли США в международном сообществе после 11 сентября 2001 г., которые существовали в тот период:

1. *Неоизоляционистский*: основа данного подхода – это ограничение направлений внешней политики США, что, по мнению неоизоляционистов, сделало бы США более независимыми от иных акторов международных отношений и позволило бы проводить более узконаправленную внешнюю политику. В качестве дальнейших действий представители данного направления видели военный ответ террористам, совершившим нападение на США, с последующим сокращением уровня вовлеченности Вашингтона в международные отношения, что должно было снизить вероятность повторения терактов [3]. С учетом последующих шагов американской администрации можно с уверенностью отметить, что данный

подход не нашел отражение в дальнейшей политике США как в глобальном, так и региональном плане.

2. Наименее популярным подходом оказался «*либерально-интернационалистский*» [3: 9]. Основу решения проблемы терроризма представители данного направления видели в осуществлении взаимодействия с другими странами в ООН, международном праве, экономических санкциях и иных правовых мерах. Представитель экспертного сообщества Р. Такер выступал против милитаристской стратегии и риторики холодной войны с новыми целями. Одним из тезисов противников гегемонизма США было то, что в итоге, взяв на себя «высокую цель» защиты мира и не считаясь с другими акторами международных отношений, Вашингтон должен будет единолично справляться с возникающими угрозами. Представители этого направления в американском истеблишменте сомневались в том, что США смогут ответить на новые вызовы и угрозы соответствующим образом [4: 6]. С учетом того, что у власти находились сторонники более жесткого подхода, либерал-интернационалистский подход не нашел широкой поддержки.

3. Основной подход США к внешней политике, который можно назвать *гегемонистским*, сформировали экс-вице-президент США Д. Чейни, заместитель министра обороны в 2001–2005 гг. П. Вулфовиц и министр обороны при Дж. Буше-мл. Д. Рамсфельд. По их мнению, Вашингтону необходимо было проводить более жесткую политику в ближневосточном регионе, где основными целями для США представлялись Ирак, Сирия и Ливия. Укрепление роли США в качестве мирового лидера было основой этого подхода [5]. Особенность данной парадигмы заключалась в том, что она «маскировалась» посредством высказываний о высокой роли США в защите мира под либеральный концепт. Яркий пример – обращение к нации Дж. Буша-мл. в январе 2002 г. [6].

Указанный подход широко обсуждался и поддерживался в политических кругах Вашингтона. Путь на усиление влияния США на Ближнем и Среднем Востоке вплоть до военного вмешательства берет свое начало именно в период администрации Дж. Буша-мл., когда влияние неоконсерваторов набрало свою силу. Многие среди них верили, что США со своими беспрецедентными полномочиями смогут спровоцировать эффект домино, что положит начало смене режимов в регионе. Ожидалось, что после демократизации Ирака удастся запустить волну смены режимов в Иране и других традиционных обществах Ближнего и Среднего Востока.

Важно отметить тот факт, что при политике двойного сдерживания Б. Клинтона американская общественность не поддерживала меры по смене режима в Ираке из-за отсутствия прямой угрозы национальной безопасности. Однако сразу же после атак 11 сентября ряд американ-

ских политических деятелей высказал предположения о связи террористов с Ираком. Так, П. Вульфовиц, один из ключевых американских дипломатов, заявил, что, если существует хотя бы 10% вероятности того, что Саддам Хусейн стоит за атаками 11 сентября, США должны бросить все силы, чтобы устранить эту угрозу [7]. Ослабление политики двойного сдерживания в совокупности с атаками на башни-близнецы создало основу для реализации интересов милитаристов и неоконсерваторов на время всего срока президентства Дж. Буша-мл. Уже в январе 2002 г. глава США заявил о своем беспокойстве в отношении так называемых государств – спонсоров терроризма — Ирана, Ирака и Северной Кореи, – которых он также обвинил в создании оружия массового уничтожения.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия США после терактов 11 сентября 2001 г. дополнилась следующими аспектами:

- произошло расширение полномочий путем принятия политики вмешательства в дела других стран под эгидой борьбы с терроризмом, расширения демократии, стабильности и развития. На первый план выводится такой инструмент, как «угроза военной силы», который был применен в Афганистане и Ираке;

- США сократили свои обязательства перед международным сообществом. Данный вывод подтверждается отказом Вашингтона следовать требованиям Киотского протокола, а также выходом из договора по ПРО 1972 г. Совет Безопасности ООН мог стать одним из барьеров для вмешательства США в дела других государств. Однако сложность процесса принятия резолюций, с одной стороны, и законодательно закрепленная возможность блокирования США инициатив, не соответствующих их интересам, с другой стороны, обеспечивали некоторую самостоятельность Вашингтона в данной организации. В составе коалиционных сил США действовали также свободно, не считая необходимым прислушиваться к партнерам по коалиции, что подтверждается заявлением экс-министра обороны США Д. Рамсфельда. «Самое худшее, что мы можем сделать – это позволить коалиции определять нашу миссию», – заявил экс-глава Пентагона [4: 6].

В заявлениях как президента США, так и членов администрации, после 11 сентября наблюдалась риторика времен холодной войны, присущая президенту Рейгану [8], где ключевым был тезис угрозы терроризма. Новый вызов для Вашингтона, с точки зрения руководства США, оправдывал любые односторонние действия для восстановления либерального международного порядка. Важно отметить, что Стратегия национальной безопасности 2002 г. акцентировала внимание именно на этом аспекте внешнеполитического курса. Истории известны случаи, когда США позволяли себе действовать вне зависимости от мнения своих партнеров

и союзников. Наиболее яркий тому пример – участие Соединенных Штатов в войне во Вьетнаме, когда американцы действовали в одностороннем порядке, игнорируя мнения Великобритании и Франции. Кроме того, в Стратегии Б. Клинтона 2001 г. уже говорилось о склонности к «действиям в одностороннем порядке», когда того требуют такие жизненно важные национальные интересы, как безопасность граждан как внутри страны, так и за рубежом [9]. Данный подход непосредственно относится и к угрозе терроризма. В целом приоритетность борьбы с терроризмом по сравнению с предыдущей Стратегией Б. Клинтона повысилась, что отражается в самой структуре документа, где этой теме посвящена отдельная глава, которая идет сразу после общего обзора и главы, посвященной защите человеческого достоинства. Соответственно, с учетом того, что Сирия и Иран входили в составленный Государственным департаментом список государств – спонсоров терроризма, Тегеран и Дамаск стали непосредственными объектами новой внешнеполитической стратегии при Дж. Буше-мл.

Одновременно с постановкой столь глобальных задач во внешнеполитической сфере встал вопрос их ресурсного обеспечения. Однако общая внешнеполитическая повестка и угроза терроризма, транслируемые с экранов американскими СМИ, способствовали одобрению Конгрессом США значительных расходов, предполагающих столь амбициозную стратегию. Администрация Буша-мл. умело использовала существующую ситуацию для получения средств от Конгресса, пугая новыми «вездесущими» угрозами терроризма и экстремизма. Новые вызовы интерпретировались в СМИ в контексте концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, в результате чего падение башен-близнецов рассматривалось не только как конфликт культурно-ценностных систем, но и как угроза курсу либеральной демократии США со стороны авторитарных режимов. «Глобальная демократизация» была поддержана Демократической и Республиканской партиями, что в дальнейшем позволило администрации Буша действовать максимально свободно, ссылаясь на демократические идеалы при введении войск в Афганистан и Ирак.

В 2003 г. Государственный департамент и Агентство международного развития разработали совместный стратегический план на 2004–2009 гг. [10], который был основан на Стратегии национальной безопасности США. Практически все принципиальные положения документа, закрепленные в разделе «Миссия», касались борьбы с терроризмом. На основе анализа данного документа можно сделать вывод, что Ближний Восток оказался приоритетным направлением американской внешней политики, а операция в Ираке имела для руководства США решающее значение. В частности, в разделе, посвященном Ираку, было сказано, что американские

войска останутся в стране настолько долго, насколько это потребуется. Документ определил ключевую задачу для Вашингтона, а именно «передать всю полноту власти иракцам и сохранить территориальную целостность этой страны». Как известно, Ирак до сих пор не восстановился после американской операции, а часть бывшего офицерского состава армии Ирака присоединилась к множественным террористическим группировкам, расколовшим страну. Уместно упомянуть высказанное в 2002 г. профессором Шаклеиной Т.А. мнение о том, что военную операцию США в Ираке «можно рассматривать как часть стратегии по насильственной демократизации, объектами которой могут стать Северная Корея, Иран, Сирия, Ливия и другие страны» [3: 23]. Как известно, в 2011 г. Вашингтон осуществил интервенцию в Ливию, а позже начал поддерживать оппозиционеров в Сирии.

Как писал профессор университета Чикаго Дж. Миршаймер, задача по свержению враждебных режимов с использованием вооруженных сил имеет две составляющие: само свержение существующего государственного режима и восстановление государства [11]. Последний этап представляется достаточно сложным, и не каждая страна сможет с этим справиться. Как показывает дальнейшая практика деятельности США на Ближнем Востоке и в Северной Африке, американской администрации не удалось восстановить в полной мере государственность и мир в Ливии и Ираке. В последнем случае возникшая политическая неопределенность стала причиной для появления новой террористической группировки «Исламское государство»¹, которая распространила свою деятельность и на территорию соседней Сирии. Данный факт позволяет сделать вывод, что США стремились прежде всего выполнить первый этап стратегии по вмешательству, не задумываясь о содержании и перспективах дальнейшего восстановления стран, затронутых их действиями. В этом контексте уместно замечание исследователя Р. Хааса, который усматривал угрозу в попытке реализации демократических преобразований в арабском мире: «Предвидения о появлении [на Ближнем Востоке] нового, похожего на европейский, мирного, процветающего и демократического региона не станут реальностью. Значительно более вероятно появление нового Ближнего Востока, который причинит огромный вред себе, Соединенным Штатам и всему миру» [12: 2].

В политических и экспертных кругах США, прежде всего среди представителей Демократической партии, существовало мнение, что начавшаяся военная операция будет лишь дестабилизировать не только сам

¹ «Исламское государство» (ИГ) — организация запрещена на территории Российской Федерации.

Ирак, но и весь Ближний Восток. Демонстрировались протесты против войны, организованные простыми гражданами США. В частности, в 2003 г. около 50 тыс. американцев собрались в центре Вашингтона, чтобы выразить свое недовольство действиями администрации Буша [13]. Несмотря на то, что в начале военной операции население США в целом поддерживало ее, позднее, в связи с ростом военных потерь, общественная поддержка начала снижаться. Подобная тенденция наблюдалась и в международном сообществе: за исключением таких стран, как Великобритания, Испания и Италия, США не находили поддержки своим действиям в Ираке. Столь жесткий политический курс администрации Буша на Ближнем Востоке стал причиной недовольства партнеров США в ЕС, а именно Франции и Германии. Акции протеста против военной операции в Ираке проходили в столицах ведущих стран Европы, в связи с чем в отношениях между США и их союзниками по блоку НАТО возникли существенные противоречия, что привело к попытке построения «коалиции желающих».

После активной фазы военной операции США в 2003 г. Вашингтон, Лондон и Мадрид начали взаимодействовать в формате многосторонней дипломатии, что привело к принятию резолюций № 1483 и № 1511 Совета Безопасности ООН. Принятые документы определяли передачу ответственности за управление и поддержание порядка в Ираке США и другим государствам, участвующим в военной операции. Данное решение членов Совета Безопасности ООН легитимировало относительную свободу действий США в Ираке.

Начиная с 2004 г., в США наблюдался рост количества недовольных курсом Вашингтона на Ближнем Востоке. Они выступали против продолжения военных действий в Ираке. Против силового сценария развития конфликта в Ираке выступили такие постоянные члены Совета Безопасности ООН, как Россия, Германия и Франция [14]. Однако, несмотря на это, США не вывели войска с территории Ирака, а лишь закрепились на взятых позициях.

Наряду с международными проблемами у Вашингтона появились проблемы в экономической сфере. При Дж. Буше-мл. бюджетные показатели ВВП уменьшились на 6% по сравнению с 2000 г. [15]. Кроме того, расходы государства возросли в 2004 г. на 1,7% ВВП, где большую часть занимали военные и социальные издержки [16: 306]. В то же время за период первого президентства США Дж. Бушу-мл. удалось расширить влияние и свободу действий США путем выхода из Договора по ПРО 1972 г., расширения НАТО, создания национальной системы ПРО, расширения присутствия в Центральной Азии, что позволяло влиять на РФ и КНР. Однако все эти достижения американской внешней политики лишь подтверждают гегемонистские амбиции Вашингтона.

Отношение других стран к жесткому курсу Вашингтона на Ближнем Востоке было неоднозначным. С одной стороны, союзники США, которых уместно назвать «группой стран с устойчивыми демократическими институтами, процессами, традициями» [17: 20], не были столь явными сторонниками лидерства США.

Судя по количеству личного состава войск других стран коалиции и войск США на начало второго президентского срока Буша-мл., можно сделать вывод, что другие западные государства весьма ограниченно поддерживали США в военной операции (Великобритания – 8,8 тыс. чел., Южная Корея – 3,6 тыс., Италия – 3 тыс., тогда как США – 140 тыс. чел.) [17: 12]. Присутствие войск коалиции представляется больше политическим ходом, цель которого — избежать обвинений в прямом нападении США на Ирак. С другой стороны, выстраивание новых отношений между США и их союзниками в сфере коллективной безопасности означало в будущем разоружение и отказ от самостоятельной стратегии обеспечения собственной безопасности, что, безусловно, урезало бы и суверенитет союзников Вашингтона. Одновременно с этим в международном сообществе возникает позиция, выраженная РФ и Китаем, суть которой – в сохранении собственного суверенитета и невмешательства в дела других государств. С учетом амбиций гегемона этот концепт не мог устраивать США. Тем не менее, несмотря на все противоречия, возникающие между Вашингтоном и остальным миром, на момент окончания первого срока президентства Буша-мл. не нашлось подходящих рычагов давления, позволивших изменить стратегию США.

Когда Дж. Буш-мл. покинул пост президента, он оставил своему преемнику две незаконченные войны. В то же время в Афганистане трудности для США возросли отчасти из-за сокращения расходов Пентагона. Буш серьезно недооценивал возможности консервативных и антизападных кругов как в Ираке, так и в Афганистане. Еще более важный аспект кризиса конца президентства Буша – усталость от войн американской общественности, которой и так пришлось справляться с последствиями серьезного мирового экономического спада 2008 г. Большие сомнения по поводу легитимности действий США сильно повлияли на восприятие Вашингтона в мире, а также создали условия для появления антизападных настроений во всем мусульманском мире.

Еще в 2002 г. профессор Джорджтаунского университета Ч. Купчан высказал мнение, что реализация доктрины Буша может привести не только к разгрому «Аль-Каиды»¹, но и к полному уничтожению институтов, норм и союзов, составляющих основу мира современной международ-

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

ной системы [18]. Сейчас же можно констатировать: несмотря на то, что «Аль-Каида» не уничтожена, а скорее трансформирована в международную террористическую организацию нового поколения – «Исламское государство», – США действительно нарушили баланс на Ближнем и Среднем Востоке, в результате чего произошли серьезные изменения в расстановке политических сил в регионе. Не менее опасным последствием действий Вашингтона стал многократно увеличившийся поток беженцев из Ирака. Столь сильные изменения в исламском мире, вероятнее всего, повлекут далеко идущие последствия в будущем, грозя переформатированием всего региона и выстраиванием новой системы международных отношений, где роль государств Ближнего и Среднего Востока будет значительно трансформирована.

В заключение представляется необходимым отметить, что в результате проводимой США внешней политики под эгидой борьбы с терроризмом обозначились определенные проблемы, которые так или иначе повлияли на положение Соединенных Штатов в мире.

Во-первых, проявилось охлаждение отношений со странами Европейского союза в 2002–2004 гг. в результате проведения Вашингтоном военной операции против Ирака и игнорирования мнения стран Старой Европы. Одновременно с этим усилилась тенденция перехода США и стран ЕС на двусторонние отношения в силу конституционного кризиса в Европе, который возник из-за отсрочки референдума по конституции ЕС парламентом Великобритании и довольно низкой заинтересованности граждан Франции и Нидерландов в данном решении, что предопределило ограниченность взаимодействия между Соединенными Штатами и Европейским союзом.

Во-вторых, в американском обществе распространилось негативное отношение к внешнеполитическому курсу республиканцев на Большом Ближнем Востоке. Опрос The Washington Post, проведенный в 2005 г. (в начале второго срока президентства Буша), показал, что почти три четверти американцев считают неприемлемым столь высокое количество жертв в Ираке [19].

В-третьих, возникла возрастающая необходимость выполнения президентских обещаний, сделанных во время первого периода срока, в частности, доведения операции США в Ираке до логического финала в виде окончания боевых действий и строительства демократического государства в Ираке.

К перечисленным сложностям добавились и финансовые трудности: операции Соединенных Штатов в Ираке и Афганистане требовали постоянного финансирования и напряжения всей военной промышленности США, так как в 2004–2007 гг. боевые столкновения в Ираке возоб-

новились. Кроме того, арабские государства выразили свое недовольство продолжительным присутствием войск США в Багдаде. Несмотря на это, желание США укрепить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке было непоколебимым, и реализовывалось различными путями, в том числе в виде финансово-экономической помощи и поставок вооружений на безвозмездной основе своим партнерам. Большую часть поставок и валютных поступлений получили Израиль и Египет, которые, по плану руководства США, могли бы стать союзниками Вашингтона в регионе и по совместительству странами, поддерживающими будущие демократические преобразования.

В результате преобладания агрессивных мер и применения военной силы, продвигаемых неоконсервативной администрацией, а также значительной самонадеянности, Дж. Бушу-мл. не удалось выполнить задуманное на Ближнем Востоке и быстро закончить операцию в Ираке. Уверенность в превосходстве США перед остальными странами и безнаказанности не позволили Белому дому выстроить необходимый уровень доверия с другими международными акторами для успешного завершения операции.

Источники и литература

1. *Улахович В.Е.* Место и роль концептуальных документов в современной внешней политике государств // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 4. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/1060/181/> – Дата обращения: 15 марта 2018.
2. *Cohen R., Mihalka M.* Cooperative Security: New Horizons for International Order // Marshall Center Paper. 2001. № 3. April.
3. *Шаклеина Т.А.* Идеиное обеспечение внешней политики администрации Буша. М.: ИСКРАН, 2003. 39 с.
4. *Tucker R.* The End of Contradiction? // The National Interest. 2002. № 4.
5. *Posen B.* The Struggle against terrorism: Grand Strategy and tactics // International Security. Vol. 26. No. 3. P. 39-55.
6. Обращение к нации президента США Джорджа Буша-младшего // ИНОСМИ.РУ. 2002. 29 янв. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/untitled/20020130/140034.html> – Дата обращения: 11 янв. 2018.
7. The 9/11 Commission Report // Yale Law School. Lillian Goldman Law Library. P. 335–336. – Режим доступа: <http://avalon.law.yale.edu/sept11/911Report.pdf> – Дата обращения: 11 янв. 2018.
8. *Reagan R.* Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando. Florida // The Ronald Reagan Presidential Foundation and Institute. 1983. March 8. – Режим доступа: https://www.reaganfoundation.org/media/50919/remarks_annual_convention_national_association_evangelicals_030883.pdf – Дата обращения: 4 марта 2018.

9. *Clinton W.* A National Security Strategy for a Global Age // Historical office. Office of the Secretary of Defense. 2000. P. 9. – Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf?ver=2014-06-25-121312-560> – Дата обращения: 5 марта 2018.
10. FY 2004–2009 Department of State and USAID Strategic Plan // U.S. Department of State. – Режим доступа: <http://www.state.gov/s/d/rm/rls/dosstrat/2004/> – Дата обращения: 10 марта 2018.
11. *Mearsheimer J.* Hearts and Minds // The National Interest. 2002. № 69. P. 15–16.
12. *Haass R.N.* The New Middle East // Foreign Affairs. 2006. Nov./Dec. Iss. P. 2.
13. Global Protests against Iraq War // BBC. 2003. January 19. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/2672809.stm – Дата обращения: 11 апр. 2018.
14. Россия, Франция и Германия против войны в Ираке // РБК. 2003. 10 февр. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/10/02/2003/5703b5419a7947783a5a444d> – Дата обращения: 11 апр. 2018.
15. *Kogan R., Greenstein R.* Official Treasury Report Shows Fourth Year of Deficit Growth, Despite Economic Recovery // Center on Budget and Policy Priorities. 2004. October 14. – Режим доступа: <https://www.cbpp.org/research/official-treasury-report-shows-fourth-year-of-deficit-growth-despite-economic-recovery> – Дата обращения: 12 апр. 2018.
16. The U.S. Budget For Fiscal Year 2006. Historical Tables // U.S. Government Publishing office. 2005. P. 306.
17. *Шаклеина Т.А.* Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока Администрации Буша / Под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: ИСКРАН, 2005. 141 с.
18. *Kurchan C.* Misreading September 11th // The National Interest. 2002. Fall Iss. P. 29–30.
19. *Milbank D., Deane C.* Poll Finds Dimmer View of Iraq War // Washington Post Staff Writers. 2005. June 8. – Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/06/07/AR2005060700296.html> – Дата обращения: 3 февр. 2018.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Этот удивительный мир сквозь призму
воспоминаний Бажановых
(Рецензия на книгу Е.П. Бажанова «Миг и вечность». Том 8)**

**This Amazing World through
the Prism of Bazhanov's Memories
(The review of a book by E.P. Bazhanov called
«The Moment and the Eternity». Vol. 8)**

Д.А. Сидоров, С.С. Бойков

Сидоров Дмитрий Алексеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;
Бойков Семен Сергеевич, стажер Дипломатической академии МИД России.

Восьмой том серии книг «Миг и вечность» повествует о поездках Натальи Евгеньевны и Евгения Петровича Бажановых за рубеж в 1994–1996 гг. Автор книги, ректор Дипломатической академии МИД России Е.П. Бажанов делится своими наблюдениями и впечатлениями от посещения США, Германии, Великобритании, Китая, Японии, Беларуси, Новой Зеландии и Южной Кореи. Сквозь призму воспоминаний автор представляет красочный и всеобъемлющий рассказ об истории, традициях, природе этих стран. Погружаясь в атмосферу путешествий, читатель знакомится с их внешней и внутренней политикой, социокультурными особенностями. Это является одним из главных достоинств монографии. Создается ощущение сопричастности: кажется, будто бы читатель сам вместе с чёткой Бажановых посетил эти страны. Книга написана легким и живым языком.

ком, не содержит сухих статистических данных. Напротив, книга изобилует шутками и курьезными историями. Интересно, что, посещая ту или иную страну, Бажановы встречаются не только с деятелями науки, своими друзьями и коллегами по МИДу, но и с представителями политической элиты различных государств, что, несомненно, придает особую ценность изложенному в книге материалу.

Вояж без саквояжа

В начале 1994 г. Бажановых пригласили принять участие в престижных конференциях и выступить с докладами в различных регионах США, от Атлантики до Тихоокеанского побережья. В августе того же года они уже пересекают Новую Зеландию. В конце месяца из Новой Зеландии чета Бажановых переместилась в страну «меча и хризантемы» – Японию. Спустя несколько недель Евгений Петрович получает приглашение принять участие в двух мероприятиях по тематике разоружения в Беларуси. А уже в декабре 1994 г. Наталья и Евгений Бажановы совершили поездку в Великобританию. Пять стран всего за один год. И это не предел для известных ученых.

В монографии представлены отрывки из дневников, которые автор вел во время всех своих поездок. Они подробнейшим образом описывают процесс подготовки к визиту, включающий изучение истории и культуры, само пребывание в стране; наконец, подводится итог поездки.

О путешествии в Новую Зеландию Евгений Петрович пишет следующее: «Вооруженные новыми знаниями, мы отправились в эту страну, окрещенную... нашим приятелем «раем на земле». Поездка получилась очень интересной, но одновременно насыщенной, физически тяжелой. В течение 11 дней мы облетели на самолете, изъездили на автомашине, исходили пешком чуть ли не всю эту немаленькую по размерам территорию. Причем автомобиль я вел преимущественно сам! Мы побывали в главных городах на Северном острове – Окленде, крупнейшей метрополии, Веллингтоне (столице государства), – в главных городах (Данидине, Крайстчерче), ведущих туристических центрах (Ванаке, Квинстауне), в овцеводческом царстве (Ваймате) Южного острова. Мы осмотрели океанское побережье и поднимались на высоченные Южные Альпы» [1: 85].

Евгений Петрович отмечает «своеобразное гостеприимство» местных жителей: «В университете Отаго (г. Данидин) после нашего выступления был организован скромный банкет: сэндвичи и местное, очень дешевое (хотя и хорошее) вино. Спустя некоторое время руководители мероприятия (университетские профессора) у нас на глазах принялись делить прогнозируемые остатки пищи и спиртного» [1: 88]. Подобное торжище вы-

звало у четы Бажановых глубокое удивление. Однако, как отмечает автор, на обеде с высокопоставленными сотрудниками МИД Новой Зеландии в Веллингтоне история повторилась: «Все участники трапезы, за исключением нас, долго и живо обсуждали, кому достанутся недоеденные мясо и салаты, а кому – недопитое вино» [1: 88].

Описывая поездку в Великобританию, Е.П. Бажанов отмечает, что в Лондоне – большое количество хороших книжных магазинов. «Такого обилия литературы для путешественников я вообще не видел нигде в мире», – рассказывает автор [1: 331]. Что касается архитектуры, то его поразило прежде всего «обилие памятников и мемориалов, которые почти без исключения находятся в прекрасном состоянии (выскоблены, со всеми частями и надписями на месте)» [1: 323]. Водители в Англии Е.П. Бажанову показались дисциплинированными, но не столь любезными и вежливыми, как в Калифорнии.

Мемуары Е.П. Бажанова – это прежде всего захватывающий рассказ о различных местах нашей планеты, в котором, помимо прочего, описываются история, традиции и культурные особенности населения разных стран.

Столкновение наций

История развития человечества – история конфликтов и столкновений между отдельными нациями и народами. Путешествуя из страны в страну, Е.П. Бажанов описывал свои наблюдения за людьми и часто анализировал эволюцию взаимоотношений стран друг с другом (особенно соседствующих государств).

Читая главу, посвященную Новой Зеландии, читатель узнает, что в отношениях между новозеландцами и австралийцами существует определенная напряженность. Автор пишет: «Австралийцы признавали, что природа в Новой Зеландии посочнее и побогаче, так как там влажнее климат. На этом, однако, австралийские комплименты в адрес Новой Зеландии и новозеландцев кончились» [1: 82]. Евгений Петрович отмечает, что австралийцы считают новозеландцев провинциалами, простоватыми и с узким кругозором. Но больше всего им не нравится, что новозеландцы переселяются на материк, отбирая у местных жителей работу. Жители Новой Зеландии в свою очередь также не жалуют австралийцев. «Звучали в Новой Зеландии и высказывания о грубости, эксцентричности, увлечении ненормативной лексикой австралийцев. Не раз заявляли, что австралийцы – потомки преступников и недалеко ушли от своих предков», – пишет Е.П. Бажанов [1: 91].

Схожую ситуацию Евгений Петрович наблюдал и во взаимоотношениях Японии со своими соседями. «Один японец в беседе с нами пошутил: «Корейцы считают себя старшим сыном Китая, а нас младшим, но младший сын оказался лучше и способнее старшего. Корейцы жалуются, как младший сын мог напасть на старшего, а мы не нападали, помогли старшему стать на правильный путь» [1: 203]. Отношения между Японией и КНДР характеризуются неприязнью и паранойей, поскольку режим в Северной Корее «вызывает и отвращение, и опасения своими ядерными приготовлениями». Е.П. Бажанов резюмирует: «Такая вот «крепкая» семья народов сложилась в Северо-Восточной Азии, «взаимная любовь» так и хлещет через край» [1: 203].

Рассказывая о проблемах взаимоотношений Японии с ее соседями, известный ученый-востоковед не мог не затронуть и межкорейскую тему. Примечательно, что в книге представлена негативная сторона возможного объединения двух Корей. В конце 1996 г. чета Бажановых в пятый раз посетила Южную Корею для участия в семинаре по приглашению Фонда мира Ким Дэ Джуна. В рамках семинара Евгений Петрович познакомился с одним из южнокорейских участников – господином Ким Юй Намом. За ужином тот выразил собственное мнение по поводу перспективы объединения двух Корей: «Не дай бог, будет объединение! Южные капиталисты начнут зверски эксплуатировать северян. Потекут реки беженцев с Севера на Юг, южане будут третировать северную коммунистическую элиту, жители бывшего КНДР будут страдать в жестоком буржуазном обществе. Усилятся раздоры между регионами, от которых Юг и ныне страдает» [1: 507].

В целом Е.П. Бажанов приходит к мудрому заключению: «Два народа могут бесконечно уважать друг друга, интересоваться друг другом, прекрасно взаимодействовать и в области экономики, и в области культуры, но все это не гарантирует гармонии между государствами, в которых эти народы проживают. Военно-политические вопросы живут самостоятельной жизнью. Даже два брата в одной семье смогут сцепиться друг с другом из-за куска земли, квартиры или машины. Так и два государства, необходимые друг другу в экономическом и культурном плане, ссорятся и даже воюют из-за территории, ресурсов, соображений престижа, жажды лидерства, отношений с третьими странами» [1: 219].

Их нравы

У каждой нации есть собственные уникальные черты и свойства характера, нравы и обычаи. Они изучаются автором на протяжении всей жизни. Евгений Петрович Бажанов не использует известные клише и стереотипы, а опирается на личные наблюдения и выводы.

Находясь в Новой Зеландии, Евгений Петрович описывает в своем дневнике типичных жителей этой страны. Он пишет, что там достаточно много эмигрантов первого поколения, приехавших преимущественно из Великобритании. У всех имеются свои дома и сады при них, где выращиваются овощи и фрукты. Также многие имеют спортивное хобби, однако «все как один» помешаны на регби. Кроме того, «люди необычно приветливы, улыбчивы, пребывают в хорошем, расслабленном настроении. В сфере обслуживания вышколенность такая, что просто не верится своим глазам» [1: 108]. При этом Е.П. Бажанов отмечает, что у новозеландцев – свои традиции гостеприимства, не похожие на российские, из-за чего «киви» (национальное прозвище новозеландцев) могут показаться несколько мелочными и невнимательными (по российским стандартам) к гостям [1: 89].

Что касается японцев, то особое внимание заслуживают принципы ведения бизнеса. Например, японские компании в своей работе применяют особую концепцию – «омотенаши». Этот принцип «велит работникам сферы услуг заботиться о чистоте, безопасности, соблюдении расписания, создании уютной атмосферы, красоте и всё́м другом хорошем, что должно окружить клиента. И все время думать о дальнейшем совершенствовании системы обслуживания» [1: 226]. Японцы вообще достаточно много трудятся. «В японском языке есть даже слово «кароши», означающее «смерть от переутомления» [1: 246].

Однако некоторые японские «реалии» разочаровали чету Бажановых. Так, оказалось, что японцы отнюдь не такие «чистюли», как ожидалось. «Городские площади, помещения метро, другие людные места завалены мусором. Утром отходы убирают, но тот же новозеландец никогда не будет так сорить», – негодует автор. Е.П. Бажанов отмечает, что они с супругой не раз видели, как жители Токио бросали на землю мусор, хотя рядом стояла урна [1: 229].

Немцы, по мнению автора монографии, наоборот, очень опрятны и чистоплотны. Для них главное в жизни – порядок во всем. «Немцы, попав за границу, поражаются мрачным зданиям, замусоренным улицам, грязным автомобилям. Им претит, когда что-то не работает, поезда опаздывают, оборудование ломается и т. п. Порядок – это главное в жизни. Законы и порядки должны неукоснительно соблюдаться. Когда человек переходит улицу на красный свет и его сбивает машина, то водитель остается чист перед законом, а пешеход, если выживет, получит большой штраф. Если вы бросите конфетную обертку и скроетесь в другом районе Германии, дело о вас будет передано полиции этого района, и она возобновит преследование» [1: 434].

Бажанов Е.П., описывая национальные особенности жителей Германии, отмечает, что немцы крайне сдержаны в отношениях друг с другом и вообще достаточно суровы: «Если вы шумите и соседи пожалуются властям, то вам несдобровать. Не дай бог сказать что-то грубое полицейскому. Даже шутить не стоит – в полиции не держат сотрудников с чувством юмора» [1: 434]. С данными утверждениями можно, конечно, поспорить, поскольку современные жители Германии все дальше отходят от так называемых прусских добродетелей. В крупных городах также можно увидеть мусор на улицах, поезда дальнего следования иногда опаздывают, люди, случается, переходят улицу на красный свет. Немцы бывают и достаточно приветливы (по крайней мере, с иностранцами): они готовы помочь заплутавшему туристу, ищущему дорогу до нужной ему станции метро.

О, спорт, ты – мир! О, спорт, ты – жизнь!

Любителям спорта, возможно, будет любопытно прочитать про его функции в такой стране, как США. Для нашей страны спортивная тема приобретает особую актуальность в связи с проведенным в России летом 2018 г. чемпионатом мира по футболу. Как отмечает Евгений Петрович, спорт выполняет сразу множество функций, среди которых можно выделить политическую, социальную и экономическую.

Е.П. Бажанов пишет: «Спорт всюду используется политическими партиями, военным истеблишментом и государством в целом для доказательства превосходства Америки и ее образа жизни... Спорт, как любят повторять в США, является инструментом сплочения нации, ее государственной религией» [1: 54–55]. Также «спорт в Соединенных Штатах – это и путь к успеху. Он стал идеей фикс, фетишем для всего афроамериканского населения как фактически единственный способ вызволения из гетто и нищеты, как опиум, отвлекающий от тревог и забот» [1: 55]. Наконец, спорт приносит прибыль. «На нем стремятся заработать и университеты, и муниципальные власти, ну и, конечно, бизнесмены» [1: 55].

Из книги Е.П. Бажанова можно узнать, что мировые первенства по отдельным видам спорта не очень интересуют американцев. О выступлениях соотечественников на такого рода состязаниях мало что сообщается. Исключение составляют теннис, гольф, мотогонки и фигурное катание. «В целом же внутренние первенства увлекают болельщика гораздо больше, чем многие турниры международного ранга. Первенства по футболу, бейсболу, баскетболу и другим играм официально именуются мировыми, и победителям турниров присваивается титул чемпионов мира. Так их воспринимают. Раз чемпионы США – значит лучшие в мире» [1: 69].

Вспоминая молодость, Е.П. Бажанов сравнивает отношение к спорту в СССР и США. Евгений Петрович пишет: «[В Советском Союзе] масштабы спортивной активности были ограниченными, привилегии спортсменам – достаточно скромными, и общество в целом мало интересовалось перипетиями студенческого спорта» [1: 52]. Даже в МГИМО, в котором учились Е.П. Бажанов и его будущая супруга, спорт не очень культивировался. Совсем другая картина была в США. «Спорт в средних школах и вузах Америки – это одна из важнейших составляющих их жизнедеятельности, это колоссальная индустрия развлечения, в которую вовлечены не только все когда-либо учившиеся и работавшие в данном заведении, но большинство граждан округа, города, а то и целого штата (от высших должностных лиц до последнего безработного)» [1: 53].

Примечательно, что «соккер» (soccer) – европейский футбол – уступает по популярности в США по сравнению с футболом американским. При этом Америка станет одной из трех «хозяек» чемпионата мира по футболу в 2026 г. наряду с Канадой и Мексикой.

Россия – загадочный и непонятный Восток?

Во время поездок за границу Бажановы не только читали лекции и выступали на международных конференциях, но и представляли Россию, ее интеллектуальную часть. Они охотно рассказывали о внутривнутриполитической ситуации в стране и ее внешней политике. Также они интересовались, как к России относятся за рубежом и что иностранцам известно о нашей стране.

В 1990-е гг. в Новой Зеландии о России ровным счетом ничего не было известно. Проблема заключалась прежде всего в том, что за граница слабо влияла на мировоззрение новозеландцев по причине своей отдаленности (географической и культурной) от новозеландских островов. В Японии Россия также не являлась приоритетным партнером. Отношение англичан к русским скорее было негативным, чем нейтрально-позитивным. Евгений Петрович объясняет это тем, что, во-первых, Россия и Англия – традиционные соперники, поскольку всегда боролись за сферы влияния и гегемонию в тех или иных регионах. Во-вторых, англичане позже других адаптировались к окончанию холодной войны, и длительное время Москва оставалась врагом для Лондона. В-третьих, «Россия в любом случае в сознании англичан – не Европа, а загадочный, непонятный Восток» [1: 338]. Кроме того, в 1990-е гг. перед англичанами возник образ новых русских, которых считали богатыми, не считавшими денег, недалекими и надменными [1: 339]. Впрочем, в те времена не все перестали интересоваться Россией. Во время разговора с помощниками будущего пре-

зидента Южной Кореи Ким Дэ Чжуна Ю Чжун Гюном и Ким Дэ Суном выяснилось, что они внимательно следили за развитием событий в нашей стране и неплохо разбирались в российских внутренних делах [1: 381].

* * *

Восьмой том воспоминаний Е.П. Бажанова «Миг и вечность» оставляет глубокое впечатление и приятное послевкусие. Повествование о путешествиях, исторические заметки, тексты выступлений и аналитических записок идут наряду с записями в дневниках, которые Евгений Петрович вел на протяжении всех поездок. В них помимо всего прочего отражены теплые отношения Евгения Петровича и его супруги, которые они смогли сохранить на протяжении всей их супружеской жизни. «Фантастическая красавица у меня женушка», – восхищается автор мемуаров. Путешествия и работа не были бы столь интересными и плодотворными без любимой жены. И, вероятно, не имели бы такого смысла...

Вместо заключения представляем небольшое стихотворение корейского поэта Пэн Сока (1912–1996 гг.), напечатанное в начале книги:

А снег летит-летит,
Мечтаю о Наташе,
Ее со мною рядом нет,
Но в моей душе ... живет
Любимый образ.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П.* Миг и вечность. История одной жизни и наблюдения за жизнью всего человечества. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2018. Т. 8. 512 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные в редакцию материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О., место работы и должность, наличие ученой степени, имя и название статьи на английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

Для каждой статьи **обязательна рецензия**, подписанная специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Для статей **аспирантов и соискателей** необходима рецензия научного руководителя.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. Объем статьи должен быть не менее 20 тыс. знаков и не превышать одного авт. листа (40 тыс. знаков с пробелами) без учета аннотации. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей.

В конце каждая статья сопровождается нумерованным перечнем использованных источников («Источники и литература»), оформленным в соответствии с ГОСТ 7.1-2003:

– для книжных изданий: Автор. Название: Пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. С.

– для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. С.

– для интернет-источников:

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно). – Режим доступа: (http, не URL). – Дата обращения: число, месяц (словами, сокращенно), год.

Или

2) Название сайта. – Режим доступа: (http, не URL). – Дата обращения: число, месяц (словами, сокращенно), год. (Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.)

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указываются в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Источники и литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**: 12] или [**8**: 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки – примечания – должны иметь сквозную нумерацию по статье.

Материалы следует присылать по электронной почте:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- название статьи;
- название статьи на английском языке;
- фамилия и инициалы автора;
- сведения об авторе;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- источники и литература;
- полное имя автора на английском языке.

Главный редактор — *Т. А. Смирнова*
Художник — *Т. И. Такташов*
Верстка — *Н. А. Кирьянова*
Корректор — *О. Л. Грозовская*

Ответственный за выпуск — *О. Л. Грозовская*

Научный периодический журнал

Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир

2018. № 3(17)

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Подписано в печать 10.09.2018. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 14,3.
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732
Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 183-93-23
E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж;
office@dashkov.ru — офис; <http://www.dashkov.ru>

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30